

Е. Е. М И Р Н О В

**ГЕРОИ
БРЕСТСКОЙ
КРЕПОСТИ**

БРЕСТСКОЕ КРЕПОСТЬ

[. [м и р н о в

**ГЕРОИ
БРЕСТСКОЙ
КРЕПОСТИ**

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1961

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Прошло три года с тех пор, как в нашем издательстве впервые вышла книга «В поисках героев Брестской крепости». За это время автор книги писатель С. С. Смирнов и издательство получили множество писем. Повествование о Брестской крепости и ее героях нашло широкий отклик в сердцах читателей не только в нашей стране, но и за рубежом.

Письма помогли воспроизвести много еще неизвестных эпизодов обороны, узнать судьбы героев — участников этой героической эпопеи.

Так появлялись в книге все новые и новые страницы.

Ныне книга о героях Брестской крепости издается в более полном виде. Она состоит из двух частей.

В первой рассказывается об историческом прошлом Брестской крепости и событиях, которые развернулись в первые дни войны. Во второй части повествуется о судьбах участников обороны.

Бой идет не ради славы,
Ради жизни на земле.

А. Твардовский

Часть I
**БРЕСТСКАЯ
КРЕПОСТЬ**

ВОЙНА!

В ранний предрассветный час 22 июня 1941 года ночные наряды и дозоры пограничников, охранявших западный государственный рубеж Советской страны, заметили странное небесное явление. Там, впереди, за пограничной чертой, над истерзанной гитлеровцами землей Польши, далеко на западном краю чуть светлеющего предутреннего неба, среди уже потускневших звезд самой короткой летней ночи, вдруг появились какие-то новые, невиданные звезды. Непривычно яркие и разноцветные, как огни фейерверка — то красные, то зеленые, — они не стояли неподвижно, но медленно и безостановочно плыли сюда, к востоку, прокладывая путь среди гаснущих ночных звезд. Они усеяли собой весь западный горизонт, сколько видел глаз, и вместе с их появлением оттуда, с запада, донесся рокот множества моторов.

Этот рокот быстро нарастал, заполняя собой все вокруг, и, наконец, разноцветные огоньки проплыли в небе над самыми головами дозорных, пересекая невидимую линию воздушной границы. Сотни германских самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно вторглись в воздушное пространство Советского Союза.

И прежде чем люди, охваченные внезапной, зловещей тревогой, успели осознать смысл этого непонятного и дерзкого вторжения, предрассветная полумгла на западе озарилась мгновенно взблеснувшей зарни-

цей, яростные вспышки взрывов, вздымающих к небу черные столбы земли, забушевали на первых метрах приграничной советской территории, и все потонуло в тяжком, оглушительном грохоте, далеко сотрясавшем землю. Тысячи германских орудий и минометов, скрытно сосредоточенных в последние дни у границы, открыли огонь по нашей приграничной полосе, и всегда настороженно-тихая линия государственного рубежа сразу превратилась в ревущую, огненную линию фронта...

Так началось вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, так началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

В это утро в один и тот же час военные действия начались на всем огромном пространстве западной границы СССР, протянувшейся на три с лишком тысячи километров от Баренцева до Черного моря. После усиленного артиллерийского обстрела, после ожесточенной бомбежки приграничных объектов более двухсот германских, финских и румынских дивизий начали вторжение на советскую землю, осуществляя так называемый «план Барбаросса», разработанный генералами гитлеровской Германии.

Три мощные группы германских армий двинулись в наступление на восток. На севере фельдмаршал Лееб направлял удар своих войск через Прибалтику на Ленинград. На юге фельдмаршал Рундштедт нацеливал свои войска на Киев. Но самая мощная группировка противника развертывала свои операции в середине огромного фронта, там, где, начинаясь у приграничного города Бреста, широкая лента асфальтированного шоссе уходит в восточном направлении через столицу Белоруссии — Минск, через древний русский город Смоленск, через Вязьму и Можайск к сердцу страны — к Москве.

Гитлеровский фельдмаршал Теодор фон Бок, командовавший Центральной группой армий, имел в своем распоряжении больше пятидесяти германских дивизий, а также две мощные танковые группы генералов Гудериана и Гота.словно два тяжелых тара-

на, эти танковые массы должны были проломить оборону советских войск севернее и южнее Бреста, прорваться далеко в наши тылы и, описывая две широкие, сходящиеся дуги, встретиться через несколько дней в Минске, отсекая и зажимая в стальное кольцо наши дивизии, расположенные в приграничных районах между Минском и Брестом. Окружить и уничтожить основную массу советских войск еще по правую сторону Днепра — такова была задача, поставленная гитлеровским командованием перед Центральной группой своих армий. А затем должен был последовать новый рывок к востоку — на Смоленск и дальше, к Москве. Противник рассчитывал, что, прежде чем советское командование успеет сформировать и перебросить к линии фронта новые дивизии взамен уничтоженных в боях за Днепром, немецкие танки войдут в Москву, решая тем самым исход борьбы на советско-германском фронте.

Не зная поражений в течение двух первых лет второй мировой войны, воодушевленные недавними успехами на Балканах, гитлеровские генералы были уверены в скором и победном завершении своего восточного похода. Все этапы этого похода были распланы по дням, и накануне войны офицеры на своих пирушках поднимали тосты за победный парад на Красной площади через четыре недели.

Первые дни войны, казалось, подтверждали правильность этих самоуверенных предположений. События на фронте развивались как нельзя более благоприятно для гитлеровской армии. Была достигнута полная внезапность нападения, и советские войска в приграничных районах оказались захваченными врасплох неожиданным ночным ударом. Германская авиация сумела в первые же часы уничтожить на аэродромах и в парках значительную часть наших самолетов и танков. Таким образом, господство в воздухе осталось за противником, немецкие бомбардировщики непрерывно висели над отходящими колоннами наших войск, бомбили склады боеприпасов и горючего, наносили удары по городам и железнодорожным узлам, а быстрые «мессершмитты» носились над

полевыми дорогами, преследуя даже небольшие группы бойцов, а то и гоняясь за одиночными пешеходами, бредущими на восток.

Казалось, все шло строго по плану, разработанному в гитлеровской ставке. Точно, как было предусмотрено, танки Гудериана и Гота 27 июня встретились под Минском; фашисты овладели столицей Белоруссии и отрезали часть наших войск. Через три недели после этого, 16 июля, передовые отряды германской армии вступили в Смоленск. Здесь и там отступающие с тяжелыми боями советские войска попадали в окружение, несли большие потери, и фронт откатывался все дальше на восток. Берлинская печать уже трубила победу, твердя, что Советская Армия уничтожена и вступление немецких войск в Москву — дело самого непродолжительного времени.

Но в эти же самые первые дни войны выявилось и нечто другое, вовсе не предусмотренное планами гитлеровского командования, что невольно заставляло задумываться наиболее дальновидных германских генералов и офицеров. Война на Востоке оказалась совсем непохожей на войну на Западе. Противник здесь был иным, и его поведение опрокидывало все привычные представления гитлеровских военачальников и их солдат.

Это началось от самой границы. Застигнутые врасплох, потерявшие большую часть своей техники, столкнувшиеся с необычайно сильным, численно превосходящим противником, советские войска тем не менее сопротивлялись с удивительным упорством, и каждая, даже небольшая победа над ними добывалась чересчур дорогой ценой. Отрезанные от своих, окруженные советские части, которые по всем законам немецкой военной науки должны были бы немедленно сложить оружие и сдаться в плен, продолжали драться отчаянно и яростно. Даже рассеянные, расчлененные на мелкие группы, очутившиеся в глубоком тылу наступающего противника и, казалось, неминуемо обреченные на уничтожение, советские бойцы и командиры, не выпуская из рук оружия, пробирались глухими лесами и болотами на восток, дерзко нападали по

дороге на обозы и небольшие отряды противника, с боем прорывались через линию фронта и присоединялись к своим. Другие, оставаясь в тылу врага, создавали вооруженные отряды и начинали ожесточенную партизанскую борьбу, в которую постепенно все больше втягивалось население оккупированных гитлеровскими войсками советских областей.

А на фронте с каждым днем крепло сопротивление Советской Армии, и вслед за упорными арьергардными боями в западных областях Белоруссии и на Березине противнику пришлось испытать первые сильные контрудары советских войск в долгой, кровопролитной битве под Смоленском. Наряду с одержанными победами, наряду с захватом больших пространств советской земли и быстрым продвижением в глубь России все явственнее, как грозное и зловещее предвестие будущего, вставали перед германскими генералами цифры огромных потерь, понесенных их войсками в этих первых боях, цифры, отнюдь не предусмотренные планами фашистского командования.

И другая странная и необъяснимая вещь поражала и пугала вражеских полководцев. Во всех прежних походах на Западе, против кого бы ни сражались германские войска — против голландцев или французов, против англичан или греков, — они имели перед собой привычную линию фронта. По ту сторону этой линии был расстроенный, дезорганизованный отступлением противник, силы которого все больше слабели и которого предстояло лишь добить. Но все, что было позади, являлось уже прочно завоеванной, покоренной землей.

Тут, в России, все было не так. Правда, по ту сторону линии фронта тоже были отступающие, терпящие неудачи войска, но вопреки тому, что обычно случилось во всех кампаниях на Западе, сила сопротивления этих войск не уменьшалась, а возрастала по мере отступления в глубь страны, несмотря на все тяжелые испытания, которые выпали на их долю. А то пространство, что лежало позади линии фронта, отнюдь нельзя было считать ни завоеванным, ни покоренным. Это огромное пространство можно было

тоже назвать полем сражения, ибо здесь повсюду шла вооруженная борьба, то явная, то скрытая, но всегда необычайно ожесточенная и упорная. Дрались советские части, пробивающиеся из окружения, дрались сотни и тысячи мелких групп, пробирающихся к фронту по тылам врага. И уже поднималось грозной и неистребимой силой в густых лесах и непроходимых болотах Белоруссии губительное для захватчиков всенародное партизанское движение, руководимое подпольными организациями Коммунистической партии.

Фронт был повсюду, куда ступила нога оккупанта, он простирался на сотни километров в глубину, от линии передовых отрядов немецко-фашистских войск до самой границы СССР. Мощный вал немецкого вторжения, перекатившийся через границу 22 июня, оказался не в силах стереть с советской земли эту невидимую линию государственного рубежа, ее не смогли вытоптать ни гусеницы германских танков, ни миллионы солдатских сапог. Здесь и там по всему протяжению границы, оставшись в тылу врага, продолжали сражаться окруженные группы пограничников, целые заставы, гарнизоны отдельных пограничных дотов, армейские части. В районе Бреста несколько дней шла неравная и упорная борьба на разных участках границы, прежде чем врагу удалось подавить эти очаги сопротивления.

Но и после этого здесь, на берегу Западного Буга, оставался пункт, где борьба еще шла с невиданным ожесточением и горсточка советских воинов, стиснутая в огненном кольце, окруженная вдесятеро превосходящими ее силами противника, с необыкновенной решимостью и стойкостью, которых не мог не признать даже враг, отстаивала первые пяди нашей родной земли.

Они дрались, когда немецкие танки уже входили в Минск, они гордо отклоняли предложения противника о капитуляции, когда фронт отодвинулся к Березине. Это кажется невероятным, но и месяц спустя после начала войны, когда авангарды германских войск были уже за Смоленском, последние группы

наших воинов, мучимых голодом и жаждой, истекающих кровью, все еще не сложили оружия, продолжая свою удивительную, беспримерную борьбу.

Этими легендарными героями, вписавшими в историю Великой Отечественной войны одну из ее первых и самых славных страниц, были бойцы и командиры небольшого советского гарнизона, находившегося 22 июня 1941 года в стенах старой русской крепости, стоящей близ города Бреста на самой границе СССР.

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

Еще в древние времена в том месте, где в Западный Буг впадает один из его притоков — небольшая речка Мухавец, на пологих холмах, покрытых густыми зарослями береста, возникло славянское поселение — Берестье. Впоследствии это поселение превратилось в довольно значительный и укрепленный город, который, оказавшись сначала под властью Литвы, а потом — Польши, стал называться Брестом, или Брест-Литовском.

Город-крепость, постоянный объект борьбы между тремя сильными государствами — русским, польским и литовским, на стыке которых он находился, — такая историческая судьба Бреста на протяжении столетий. За это время не раз появлялись под его стенами войска чужеземных завоевателей, не однажды город подвергался грабежу и разрушениям, а его жители — истреблению.

В самом конце XVIII века эти земли снова вошли в состав России. После войны 1812 года царское правительство решило превратить Брест в один из главных опорных пунктов русской армии в западных областях страны. Так, сто с лишним лет назад у слияния Мухавца с Бугом возникла нынешняя Брестская крепость.

Русские военные инженеры, умело используя преимущества местности, создали здесь действительно неприступные по тем временам укрепления. Массивный земляной вал десятиметровой высоты оградил со

всех сторон крепостную территорию, протянувшись в длину на шесть с половиной километров. В толще этого вала были устроены многочисленные складские помещения, которые могли вместить запасы, необходимые для целой армии. Там, где земляной вал не пролегал по берегу реки, у подножия его были прорыты широкие рвы, заполненные водой из Буга и Мухавца. Эти рвы в сочетании с естественными рукавами рек образовали как бы четыре острова — четыре укрепления, составляющие вместе Брестскую крепость.

Мухавец, который течет прямо на запад, недалеко от впадения в Буг разделяется на два рукава. Омываемый с севера и юга этими двумя протоками, а с юго-запада самим Бугом, в центре крепостной территории лежит небольшой возвышенный островок. Этот остров и стал центральным ядром Брестской цитадели.

В отличие от трех других частей крепости он не был обнесен земляным валом. Зато по всей его внешней окружности тянулось одно непрерывное двухэтажное строение из темно-красного кирпича — здание крепостных казарм, образующее сплошное кольцо, или, как тогда говорили, «рондо».

Пятьсот казематов казарменного здания могли вместить гарнизон численностью в двенадцать тысяч человек со всеми запасами, нужными для жизни и боя этих войск на длительное время. Кроме того, под казармами находились обширные подвалы, а еще ниже подвалов, как бы во втором глубинном этаже, протянулась во все стороны сеть подземных ходов.

Толстые полутораметровые стены казарм успешно могли противостоять снарядам любого калибра. Надежно защищенные этими стенами, стрелки имели возможность почти безнаказанно обстреливать наступающего неприятеля через узкие прорезы бойниц. Здесь и там на внешней стене казарм полукругом выдавались вперед полубашни с такими же бойницами для флангового обстрела атакующего противника. Двое ворот — Тереспольские и Холмские — в южной

части кольцевого здания и большие, трехарочные ворота в северной его части глубокими тоннелями соединяли внутренний двор казарм с мостами, ведущими к трем другим укрепленным секторам крепости.

Эти три укрепления прикрывали со всех сторон центральную часть цитадели. Два из них, так называемые Западный и Южный острова, защищали ее с юга. Самое же обширное укрепление, занимавшее почти половину всей крепостной площади, ограждало Центральный остров с севера, охватывая его словно большой подковой, концы которой упирались в Буг и Мухавец.

Ядро крепости было защищено отовсюду. Прежде чем приблизиться к крепостным казармам, осаждающий противник должен был овладеть по меньшей мере одним из трех внешних укреплений цитадели. А каждое из этих укреплений, окруженное валом и водой, со своими бастионами и рavelинами, с прочными укрытиями для солдат и орудий, со складами боеприпасов и снаряжения, размещенными в глубине валов, представляло собой как бы отдельную крепость.

В 1842 году строительство было закончено, и над Брестской крепостью был торжественно поднят военный флаг России. Можно было смело сказать тогда, что над Западным Бугом встала поистине грозная твердыня — одна из самых современных и мощных крепостей. Вопрос заключался лишь в том, надолго ли она останется такой.

В войнах прошлого, когда борьбу вели сравнительно небольшие армии, крепости играли очень важную роль. Крепость с сильным гарнизоном могла остановить наступление целой армии противника, и неприятель, опасаясь действий этого гарнизона в своем тылу, не решался пройти мимо крепости, а вынужден был предпринимать долгую и трудную осаду или блокировать цитадель, выделив для этого значительную часть своих войск. Случалось, что порой вся война сводилась к борьбе за овладение теми или иными крепостями.

Фортификация — наука об укреплении местности в военных целях и, в частности, наука о строительстве крепостей — развивалась в постоянном и тесном взаимодействии с прогрессом военной техники вообще. Особенно же сильное влияние на крепостное строительство оказывало развитие артиллерии,[●] и не будет большим преувеличением сказать, что, в известном смысле, пушки не только разрушали, но и создавали крепости.

Артиллерия властно диктовала инженерам свои требования. От калибра снарядов, от их пробивной силы зависели толщина стен крепости и другие особенности ее укреплений. Дальнобойность орудий во многом определяла размеры крепостной территории, и чем дальше летели снаряды, тем дальше вперед приходилось выносить внешние укрепления крепости, чтобы надежно обезопасить от неприятельского огня центральное ядро цитадели. Словом, с момента появления первых пушек история крепостей, по существу, стала историей их борьбы с артиллерией.

В середине прошлого века новая Брестская крепость вполне отвечала требованиям военной техники того времени. Но уже несколько лет спустя Крымская война и оборона Севастополя наглядно показали, что эта техника двинулась дальше и что ни одна из существующих крепостей не может считаться достаточно современной. А вскоре после этого произошла подлинная революция в артиллерии, тотчас же повлиявшая на судьбу крепостей.

Наряду с прежними гладкоствольными пушками появились первые орудия с нарезами в канале ствола. Это резко увеличило как дальнобойность артиллерии, так и точность ее огня. Теперь любая крепость оказывалась уязвимой на всю глубину своей территории: противник, подойдя к ее внешним валам, легко мог обстреливать центр цитадели.

Военные инженеры принялись искать выход. И они вскоре нашли его в создании так называемых фортовых крепостей. Существующие крепости обносились поясом фортов — отдельных укреплений, снабженных артиллерией и гарнизоном и вынесенных на несколько

километров за пределы внешнего крепостного вала. Таким образом, вокруг крепости создавалось новое оборонительное кольцо, державшее противника в отдалении от цитадели и тем самым защищавшее ее центр от артиллерийского огня.

Между тем нарезная артиллерия все больше совершенствовалась, и дальнобойность орудий росла. Наступило время, когда это кольцо фортов оказалось недостаточным, — центр крепости вновь был под угрозой обстрела.

Не оставалось ничего другого, как снова выдвинуть вперед оборонительные позиции крепости. Вынесенный еще на несколько километров вперед, в дополнение к первому, возникает второй пояс таких же фортов. Впрочем, было ясно, что и его хватит ненадолго: с появлением еще более дальнобойных пушек та же проблема с неизбежностью встала бы опять.

Но к этому времени возникло другое обстоятельство, которое и решило окончательно судьбу крепостей.

Эпоха империализма вывела на театр военных действий огромные многомиллионные массы войск, с которыми ни в какое сравнение не могла идти ни одна из армий прошлого, даже так называемая «Великая армия» Наполеона, которую французский полководец двинул в 1812 году на Москву. И как только появились эти новые большие армии, крепости окончательно утратили свою стратегическую роль. Они уже не могли служить сколько-нибудь значительными препятствиями для наступающих войск такой численности. Армии, вторгшиеся в страну, просто проходили мимо крепостей, попутно блокируя их небольшой частью своих сил и нисколько не задерживая своего наступления. Наоборот, крепости оказывались теперь невыгодными для обороняющейся стороны: необходимость содержать крепостные гарнизоны отвлекала часть войск от маневренной борьбы на решающих участках фронта, способствовала ненужному дроблению сил. А если добавить к этому неизмеримо возросшую огневую мощь артиллерии и появление такого нового и сильного средства борьбы, как авиа-

ция, станет ясно, что судьба крепостей была бесповоротно решена — они отжили свой век.

Первая мировая война застала Брестскую крепость в самом разгаре строительства второго пояса фортов. Однако уже начальные месяцы войны на Западном фронте показали русскому командованию, что реконструкция крепостей не спасет их. Самые мощные, самые современные крепости Бельгии и Франции, такие, как Льеж, Намюр, Мобеж, были не в силах остановить или даже задержать наступление германских войск и пали одна за другой в течение нескольких дней.

Это было поучительно, и русское командование извлекло уроки из боев на Западном фронте. Работы в Брестской цитадели были прекращены, а ее гарнизон и почти всю артиллерию отправили на фронт. В крепости остались лишь склады, а сама она стала местом формирования резервных дивизий для фронта. Когда же летом 1915 года немцы предприняли наступление на Восточном фронте и подходили к Бресту, большая часть складов была вывезена, а войска, находившиеся в то время в цитадели, по приказу командования взорвали часть фортов и отошли без боя, оставив крепость противнику. С тех пор и до конца войны Брестская крепость находилась в руках немцев, и именно здесь в 1918 году был подписан тяжелый для молодой Советской республики Брестский мир.

После империалистической войны западнобелорусские области вошли в состав панской Польши, и ее войска хозяйничали в Брестской крепости на протяжении двадцати лет, вплоть до 1939 года, когда земли Западной Белоруссии по праву вошли в состав Белорусской Советской Социалистической Республики.

В Брестскую крепость пришли советские войска. Конечно, в наше время эта старая цитадель не имела хоть сколько-нибудь серьезного военного значения, и ее укрепления ни в какой мере не могли противостоять современной артиллерии и авиации. Но зато казармы и складские помещения вполне можно было

использовать для размещения воинских частей и необходимых запасов, а переоборудованные крепостные форты со временем должны были войти в систему мощного Брестского укрепленного района, который начали строить наши войска на берегу Западного Буга.

Весной 1941 года на территории Брестской крепости размещались части двух стрелковых дивизий Советской Армии. Это были стойкие, закаленные, хорошо обученные войска, и они день ото дня продолжали совершенствовать свое воинское мастерство в продолжительных и трудных походах, на стрельбах, в постоянных занятиях и учениях, на маневрах.

Одна из этих дивизий — 6-я Орловская Краснознаменная — имела долгую и славную боевую историю. Созданная в годы гражданской войны, она получила крещение в памятных сражениях с германскими интервентами в районе Пскова, а потом успешно громила Деникина на юге России. Бойцы и командиры ее полков бережно хранили в памяти передаваемый из поколения в поколение рассказ о том, как в 1918 году, когда только что сформированная дивизия выезжала на фронт, проводить ее на вокзал приехал В. И. Ленин, выступивший с речью перед красноармейцами.

Другая — 42-я стрелковая дивизия — была создана в 1940 году во время финской кампании и уже успела хорошо показать себя в боях на линии Маннергейма. Многих ее бойцов и командиров правительство наградило за доблесть и мужество орденами и медалями. Лучшим в этой дивизии считался 44-й стрелковый полк, которым командовал недавно окончивший Военную академию имени М. В. Фрунзе майор Петр Гаврилов. Доброволец 1918 года, участник гражданской войны, коммунист с почти двадцатилетним стажем, майор Гаврилов обладал недюжинными организаторскими способностями, был исключительно волевым человеком, очень строгим и требовательным командиром, который с большой настойчивостью и умением обучал и воспитывал своих бойцов. Этому человеку в дальнейшем суждено было сыграть выда-

ющую роль в организации героической обороны Брестской крепости.

Но если еще весной крепость была довольно густо населена войсками, то уже в начале лета 1941 года полки обоих соединений, артиллерийские и танковые части были, как всегда, выведены в лагеря, расположенные в окрестностях Бреста. Началась обычная летняя лагерная учеба, шли работы по сооружению укрепленного района на берегу пограничного Западного Буга. В крепости остались лишь штабы да дежурные подразделения от полков — большей частью одна-две роты.

Таким образом, в ночь на 22 июня 1941 года, когда началась война, гарнизон Брестской крепости насчитывал в общей сложности меньше двух полков пехоты. Если к тому же учесть, что все это были мелкие подразделения от разных частей, разбросанные по всей крепостной территории и не представлявшие в целом единого слаженного войскового организма, станет понятным, насколько сложной в этих условиях была оборона. Что же касается артиллерии и танков, то их оставалось в крепости совсем мало, и вдобавок часть машин и пушек с вечера была разобрана и оставлена так до утра в связи с назначенным на воскресенье смотром боевой техники.

Гитлеровское командование располагало сведениями о численности гарнизона, оставшегося в крепости. И фельдмаршал фон Клюге, командовавший 4-й немецкой армией, которая наступала на Брест, надеялся овладеть цитаделью в первые же часы боев. Чтобы вернее обеспечить этот успех, он решил создать здесь подавляющее превосходство в силах. В приграничную полосу напротив Брестской крепости был выдвинут целый армейский корпус генерала Шрота — три свежие, пополненные пехотные дивизии, из которых одна — 45-я дивизия — когда-то первой вошла в горящую Варшаву и в побежденный Париж и пользовалась в германской армии славой одного из лучших соединений, заслужив не раз личное одобрение Гитлера. Этой дивизии теперь предстояло нанести главный удар по Брестской крепости.

Вся корпусная артиллерия Шрота с многочисленными приданными ему артиллерийскими и минометными частями была подтянута к крепости и замаскирована в густых зарослях левого берега Буга. Германские генералы были почти уверены, что уже один этот мощный и неожиданный огневой удар в сочетании с усиленной бомбежкой с воздуха должен будет сломить дух крепостного гарнизона и пехоте, которая бросится в атаку после артиллерийской подготовки, останется лишь взять в плен ошеломленных и подавленных русских солдат.

У противника было более чем десятикратное превосходство в силах. Это превосходство возрастало во много раз благодаря полной внезапности ночного нападения.

С давних времен германская военщина делала ставку на короткую войну, на так называемую «одноактную победу», достигнутую одним решительным и смертельным для противника ударом. Клаузевиц, Мольтке, Шлиффен — все создатели немецкой военной доктрины мечтали о такой быстротечной войне, и на протяжении десятков лет германский генеральный штаб разрабатывал свои военные планы, исходя из подобной «мгновенной» победы над будущими противниками. При этом важнейшее значение придавалось внезапности нападения, в которой немецкие военные теоретики видели ключ к достижению быстрой победы в войне.

Гитлеровские генералы были прямыми наследниками и верными продолжателями теоретиков агрессивного германского милитаризма. Теория «блицкрига» — молниеносной войны — стала краеугольным камнем всей их деятельности и легла в основу всех многочисленных захватнических планов, которые они не только разрабатывали в тиши кабинетов, но и практически осуществляли на полях сражений Европы.

«План Барбаросса» тоже был планом молниеносной, скоротечной войны, и внезапность нападения составляла один из главных его элементов. Заключив с Советским Союзом договор о ненападении, усып-

ля бдительность советских людей миролюбивыми заверениями, гитлеровская Германия в глубокой тайне готовила свое злодейское нападение. И врагу в значительной степени удалось осуществить внезапность.

Скрытно, главным образом под покровом ночной темноты, выдвигались к границе пехотные дивизии. По ночам в приграничной полосе устанавливались орудия и танки, тщательно замаскированные кустарником. Оживилась тайная гитлеровская агентура в пограничных районах Советского Союза. Фашистская разведка то и дело перебрасывала через наш государственный рубеж своих шпионов и диверсантов.

В районе Бреста гитлеровские агенты действовали особенно активно. В последние дни перед войной наши пограничники нередко задерживали здесь шпионов. 21 июня вечером в городе и даже в крепости появились немецкие диверсанты, переодетые в форму советских бойцов и командиров. Часть из них была якобы переброшена через границу в товарном составе с грузами, который немцы подали накануне войны на станцию Брест в счет поставок Германии по торговому договору с Советским Союзом. Под покровом ночи эти диверсанты выводили из строя линии электроосвещения, обрезали телефонные и телеграфные провода в городе и крепости, а с первыми залпами войны принялись действовать в нашем тылу.

Но как бы скрытно ни проводил враг свои приготовления, они не могли остаться совершенно незамеченными. О сосредоточении германских войск близ границы сообщала наша разведка. Пограничники, зорко наблюдавшие за прирубежной полосой, доносили, что с каждой ночью в левобережных зарослях поймы Западного Буга появляются все новые, тщательно замаскированные немецкие орудия.

Сведения о зловещих замыслах гитлеровцев приходили и другими путями. По ту сторону Буга жители приграничных польских деревень пристально наблюдали за накоплением немецких войск у государственного рубежа Советского Союза. Иногда германские офицеры и солдаты открыто говорили полякам о пред-

стоящем нападении на СССР. И многие местные жители — настоящие друзья нашей страны — обеспокоенно думали о том, как бы предупредить советское командование о готовящейся войне. Несколько раз смелые польские крестьяне с риском для жизни переплывали Буг и предупреждали пограничников о намерениях фашистского командования.

Все эти сообщения немедленно передавались пограничниками в Москву и докладывались лично Берия, занимавшему тогда пост Наркома внутренних дел. Но в ответ на эти тревожные вести всегда следовал один и тот же стандартный приказ: «Усилить наблюдение».

Словом, в районе Бреста врагу в значительной степени удалось осуществить внезапность нападения.

Неожиданность первого мощного удара, большое численное и техническое превосходство, полная отмобилизированность и готовность к борьбе уже закаленных в боях войск — все эти обстоятельства давали гитлеровской армии огромные преимущества. Их было бы достаточно, чтобы одержать решительную и окончательную победу в войне с любым другим государством. Но они, как известно, не принесли гитлеровцам победы в войне против СССР, несмотря на все успехи, которых добилась германская армия в первый период Восточного похода.

То, что произошло летом 1941 года в Брестской крепости, было лишь маленьким эпизодом во всей титанической, до предела напряженной борьбе на советско-германском фронте. Однако эпизод этот был необычайно характерным. В нем, как в капле воды, нашла свое отражение вся та мощь гнева советского народа, который в конце концов захлестнул и смел с лица земли зловещую силу гитлеризма. Бои за Брестскую крепость должны были заставить врага задуматься о многом.

Здесь, на этом маленьком участке фронта, преимущества немецко-фашистских войск сказались в полной мере. Особенно большим здесь было численное и техническое превосходство врага, и именно тут была достигнута полнейшая внезапность нападения.

И все же это не принесло ожидаемого «молниеносного» успеха, и небольшую по своим масштабам победу противнику пришлось покупать небывало дорогой ценой. Горсточка советских воинов, защищавшая в Брестской крепости первые метры родной земли, своей героической борьбой как бы сделала грозное предостережение врагу, осмелившемуся ступить на нашу землю. Сквозь огонь и дым этих жестоких боев в старой русской крепости пронизательный взор мог бы различить и зимний разгром фашистской армии под Москвой, и ее сталинградскую катастрофу, и развевающееся Знамя Победы над поверженным берлинским рейхстагом...

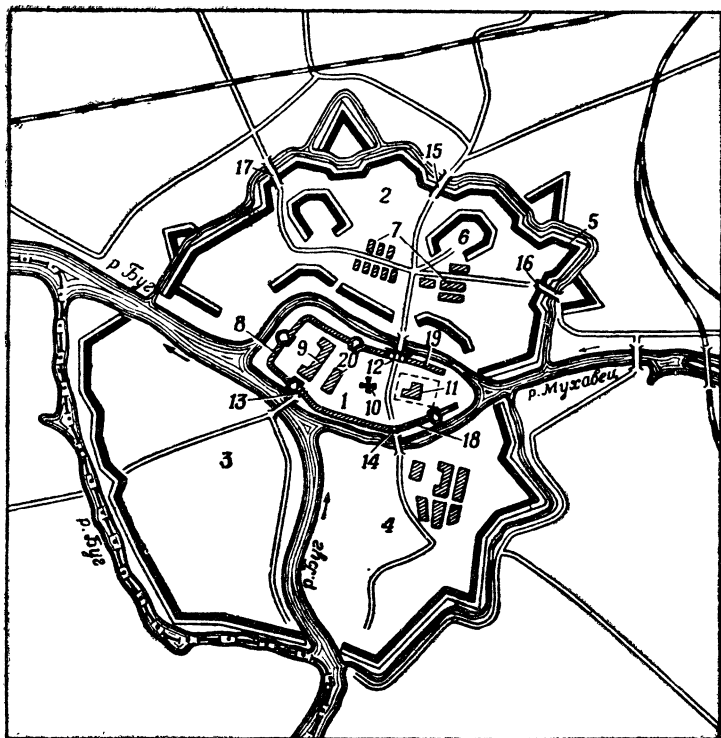
ГАРНИЗОН ПРИНИМАЕТ БОЙ

Брестская крепость спала спокойным, мирным сном, когда над Бугом прогремел первый залп фашистской артиллерии. Только бойцы пограничных дозоров, которые залегли в кустах у реки, да ночные часовые во дворе крепости увидели яркую вспышку на еще темном западном краю неба и услышали странный нарастающий свист. В следующий миг грохот сотен рвущихся снарядов и мин потряс землю.

Страшное это было пробуждение. Бойцы и командиры, заснувшие накануне в предвкушении завтрашнего воскресного дня отдыха с его развлечениями, с традиционным футбольным матчем на стадионе, с танцами в полковых клубах, с отпусками в город, внезапно проснулись среди огня и смерти, и многие погибли в первые же секунды, еще не успев прийти в себя и сообразить, что происходит вокруг.

Густая пелена дыма и пыли, пронизанная сверкающими, огненными вспышками взрывов, заволочла всю крепость. Рушились и горели дома, люди гибли в огне и под развалинами. У домов комсостава в северной части крепости и около здания пограничной комендатуры на Центральном острове с криками металась по двору обезумевшие, полураздетые женщины с детьми и падали, пораженные осколками. В ка-

зармах, на окровавленных нарах стонали раненые, бойцы с оружием и без оружия поспешно бежали вниз по лестнице, в подвалы, ища спасения от непрерывного, нарастающего артиллерийского огня и бомбежки.

Примерный план Брестской крепости (1941 год):

1 — Центральный остров, 2 — северная часть крепости; 3 — Западный остров, 4 — Южный остров; 5 — земляные валы; 6 — Восточный форт; 7 — дома комсостава; 8 — кольцевые казармы; 9 — здание казарм 333-го полка, 10 — здание клуба (бывшая церковь), 11 — Белый дворец; 12 — трехарочные ворота цитадели; 13 — Тереспольские ворота цитадели; 14 — Холмские ворота цитадели; 15 — северные (главные входные) ворота крепости, 16 — восточные, или Кобринские, ворота крепости, 17 — северо-западные ворота крепости; 18 — участок казарм 84-го полка, 19 — оборона группы Фомина и Зубачева в последние дни июня; 20 — здание погранзащиты.

Неизбежное замешательство первых минут усиливалось еще из-за того, что во многих подразделениях не оказалось средних командиров — они, как обычно, в ночь с субботы на воскресенье ночевали на своих квартирах, и с бойцами в казармах оставались только сержанты и старшины. Те из командиров, которые жили в домах комсостава в северной части крепости, с первыми выстрелами бросились к своим подразделениям в казармы Центрального острова. Однако мост, ведущий туда, находился под непрерывным пулеметным обстрелом — видимо, гитлеровцы заранее перебросили сюда своих диверсантов, и они, засев в кустах над Мухавцом, преградили огнем путь к центру крепости. Десятки людей погибли в то утро на этом мосту, и лишь немногим командирам удалось проскочить его под огнем и присоединиться к своим бойцам. А другие, жившие в самом городе, не смогли даже добраться до крепостных ворот: плотное кольцо артиллерийского заградительного огня немцев сразу же отрезало крепость от Бреста.

Враг торопился использовать все преимущества своего внезапного нападения. Орудия в левобережных зарослях еще продолжали изрыгать огонь и сталь, а авангардные штурмовые отряды автоматчиков 45-й пехотной дивизии уже форсировали Буг на резиновых лодках и понтонах и ворвались на Западный и Южный острова Брестской крепости.

Только редкая цепочка пограничных дозоров и патрулей защищала эти острова. Пограничники сделали все, что могли. Из прибрежных кустов, с гребня вала, протянувшегося над рекой, они до последнего патрона обстреливали вражеские переправы. Группы пограничников засели в дотах, в казематах внутри валов, залегли в развалинах домов, полные решимости не отступать ни на шаг. Но их было слишком мало, чтобы сдержать этот натиск. Огневой вал артиллерии противника с неистовой силой прошел по этим островам, расчищая дорогу пехоте, а тем временем понтон за понтоном и лодка за лодкой пересекали Буг. Густые цепи автоматчиков буквально затопили оба острова, подавляя немногочисленные посты

пограничников или обходя и блокируя узлы сопротивления и быстро продвигаясь к центру крепости.

На Южном острове не было наших подразделений. Здесь помещались только склады да располагался большой окружной госпиталь, при котором жила часть медицинского персонала со своими семьями. Первые же снаряды разрушили и подожгли госпитальные корпуса и жилые дома. По двору госпиталя растерянно металась выбежавшие из палат больные. Раненный в голову осколком снаряда заместитель начальника госпиталя по политической части батальонный комиссар Богатеев пытался организовать сопротивление врагу, но, естественно, врачи, сестры и санитары не могли противостоять отборной пехоте противника. Попытка эта была тут же сорвана наступающими немецкими автоматчиками, а сам Богатеев убит. Лишь немногие из больных и служащих госпиталя успели перебежать через мост у Холмских ворот в центральные казармы, а остальные, спасаясь от огня, укрылись в убежищах внутри земляных валов или в подвалах зданий, и вражеские автоматчики, прочесывая остров, перестреляли их или взяли в плен.

На Западном острове немецкая пехота, окружив частью своих сил сражавшиеся группы пограничников, вышла к мосту у Тереспольских ворот цитадели. Большой отряд автоматчиков тотчас же перешел этот мост и, войдя в ворота, оказался во дворе крепостных казарм.

Посредине двора, возвышаясь над соседними постройками и господствуя над всем Центральным островом, стоит большое массивное здание с высокими стрельчатыми окнами. Когда-то это была крепостная церковь, которую потом поляки превратили в костел. С приходом в крепость советских войск в церкви был устроен гарнизонный клуб.

Войдя во двор цитадели, немцы сразу же оценили все выгоды этого здания и поспешили занять его, тем более что клуб был пуст, — в минуты первоначального замешательства никто из наших не успел подумать о том, чтобы закрепиться тут. Автоматчики уста-

новили здесь рацию, а в окна во все стороны выставили пулеметы.

Это был удар в самое сердце нашей обороны. Теперь противник обладал ключевой, командной позицией Центрального острова и из окон клуба мог обстреливать с тыла казармы, плотным огнем разъединив, разобшив наши подразделения.

Враг, воодушевленный этим успехом, немедленно постарался закрепить и развить его. Большая часть отряда автоматчиков двинулась дальше, к восточной оконечности острова, стремясь полностью овладеть центром крепости. Извещенная по радио немецкая артиллерия прекратила обстрел этого участка цитадели.

Прямо против клуба, в восточной части острова, стояло обнесенное бетонной оградой с железными прутьями, полуразрушенное в 1939 году здание так называемого Белого дворца, где когда-то был подписан Брестский мир.

Южная часть дворцовой ограды тянулась вдоль казарм, образуя как бы широкую улицу. Автоматчики двинулись по этой улице густой нестройной толпой, гортанно переключаясь и непрерывно строча по окнам.

Ответных выстрелов не было. Казалось, что советский гарнизон, сокрушенный, подавленный артиллерийским огнем и бомбежками, уже не в силах оказать сопротивление наступающим и центр крепости будет захвачен без боя. Сквозь дым и пыль в свете разгорающегося утра совсем недалеко впереди были видны разрыв кольцевого здания казарм в восточном углу острова и высокая водонапорная башня на берегу, в том месте, где Мухавец разветвляется на два рукава.

И вдруг совершенно неожиданный, ошеломляющий удар обрушился на противника. Какой-то глухой, протяжный шум послышался внутри казарменного здания; двери, ведущие во двор, рывком распахнулись, и с оглушительным, яростным «ура» в самую середину наступающего немецкого отряда потоком хлынули вооруженные советские бойцы, с ходу ударившие в штыки.

В несколько минут враг был смят и опрокинут. Штыковой удар, словно ножом, рассек надвое немецкий отряд. Те автоматчики, что еще не успели поравняться с дверями казармы, в панике бросились назад, к зданию клуба и к западным, Тереспольским воротам, через которые они вошли во двор. А большая часть отряда, отрезанная от своих, кинулась бежать по улице к восточному краю острова, и за ней по пятам с торжествующим «ура» неслись атакующие бойцы, на ходу работая штыками. А за ними, также крича «ура», бежали другие бойцы, вооруженные кто саблями, кто ножом, а кто просто палкой или даже обломком кирпича. Стоило упасть убитому немецкому автоматчику, как к нему разом бросались несколько человек, стараясь завладеть его оружием, а если пал дал кто-нибудь из атакующих, его винтовка тотчас же переходила в руки другого бойца и продолжала беспощадно разить врагов.

Прижатые к берегу Мухавца, гитлеровцы были быстро перебиты. Часть автоматчиков бросилась спасаться вплавь, но по воде ударили наши ручные пулеметы, и ни один из фашистов не вышел на противоположный берег.

Это был первый контрудар, нанесенный германским войскам, штурмующим крепость, и нанесли его бойцы 84-го стрелкового полка, занимавшего юго-восточный сектор казарменного здания.

В ту ночь в расположении полка был только один стрелковый батальон и несколько штабных подразделений. Почти все командиры находились в лагерях с двумя другими батальонами либо ночевали на городских квартирах. Лишь два или три лейтенанта — командиры взводов — спали в общежитии при штабе, да здесь же, в своем служебном кабинете, временно жил заместитель командира полка по политической части полковой комиссар Ефим Фомин.

Накануне вечером Фомин получил отпуск на несколько дней для того, чтобы привезти в крепость семью, оставшуюся на месте его прежней службы в Латвии. Часов в десять он выехал на вокзал, но билетов на поезд уже не было, и комиссар вернулся

в штаб, отложив свой отъезд на сутки. Он допоздна засиделся, беседуя с секретарем полкового бюро ВЛКСМ заместителем политрука Самвелом Матевосяном, и едва они успели задремать, как на крепость обрушились вражеские снаряды и бомбы.

Окна этой части казармы были обращены на Мухавец, в сторону границы. Несколько снарядов сразу же попали внутрь помещений, вызвав пожары и разрушения. Кое-где пирамиды с винтовками были разбиты взрывами или завалены, и немало бойцов остались безоружными. Зажигательный снаряд попал в кабинет Фомина, и комиссар, полузадохшийся от едкого дыма, едва успел выбраться из своей комнаты.

Он тотчас же принял командование подразделениями полка, а его ближайшим помощником стал комсорг Матевосян. Потребовалось некоторое время, чтобы преодолеть первоначальное замешательство, вооружить бойцов и собрать их в безопасном помещении подвала. Там Фомин обратился к ним с короткой речью, напоминая о долге перед Родиной и призывая их стойко и мужественно сражаться с врагом. А затем по приказу комиссара Матевосян повел людей в первую штыковую атаку, которая успешно закончилась уничтожением отрезанной группы автоматчиков на восточном краю острова.

Между тем остатки немецкого отряда, бросившиеся назад, к Тереспольским воротам, уже не смогли вернуться к своим. Путь отступления оказался отрезанным.

Около Тереспольских ворот находились дома, где помещались 3-я погранкомендатура 17-го отряда и 9-я пограничная застава, несшая службу в крепости. А за этими домами, поперек всего центрального двора цитадели, протянулось длинное двухэтажное здание — казармы 333-го стрелкового полка, где в ночь начала войны, как и в расположении других частей, оставалось лишь несколько мелких подразделений, в том числе группа курсантов полковой школы младших командиров и музыкантский взвод.

Первыми снарядами были разрушены и подожжены помещения комендатуры и заставы; немало по-

граничников, а также многие из жен и детей командиров, живших в этих домах, были погребены под развалинами. Рушились казармы 333-го полка, полуодетые бойцы спешили укрыться от бешеного огня в подвалах. Словом, тут, как и повсюду, в первые минуты царила растерянность, и немецкий отряд, ворвавшийся во двор через Тереспольские ворота, без помехи прошел тогда мимо этих домов.

Но за то время, пока автоматчики заняли клуб и попытались продвинуться к восточному краю острова, где их встретили штыковой атакой бойцы полкового комиссара Фомина, обстановка на участке Тереспольских ворот тоже изменилась.

Пограничники быстро опомнились от первоначального замешательства и заняли оборону в развалинах здания заставы. Тут же появился их командир — начальник 9-й заставы лейтенант Андрей Кижеватов. Он принял командование над своими бойцами и распоряжался хладнокровно, уверенно и энергично,ставляя пограничников в обороне. В подвалы казарм 333-го полка спустились помощник начальника штаба лейтенант Александр Санин и старший лейтенант Потапов, возглавившие своих бойцов. Женщин и детей, многие из которых прибежали сюда из своих квартир, надежно укрыли в глубоких подвалах дома. У окон первого и второго этажей, у подвальных амбразур были расставлены стрелки и пулеметчики, готовые встретить врага. И когда остатки немецкого отряда, разгромленного в штыковой схватке, преследуемые по пятам бойцами 84-го полка, кинулись назад к Тереспольским воротам, по ним в упор ударили из пулеметов и винтовок бойцы Кижеватова, Потапова и Санина. Часть гитлеровцев полегла под этим огнем, а те, что уцелели, поспешили укрыться в здании клуба. Та дорога, по которой они полчаса тому назад вступили во двор цитадели, была теперь преграждена.

Создалось довольно своеобразное положение. Автоматчики прорвались в центр крепости и завладели там решающей, ключевой позицией — клубом, из окон которого их пулеметы могли нарушать и дезорганизовывать нашу оборону. Но зато они сами внезапно ока-

зались отрезанными и окруженными и лишь по радио держали связь со своим командованием. Впрочем, они были уверены, что их вот-вот должны выручить, — штурм крепости продолжался с нарастающей силой, и в бой вступали все новые части врага.

Обтекая крепостные валы с запада и с востока, пехота противника вскоре сомкнула кольцо вокруг крепости. Артиллерия продолжала засыпать цитадель снарядами, и в густом дыму, поднимавшемся к небу от множества пожаров, над крепостью кружили «юнкерсы». Автоматчики были не только на Западном и Южном островах, не только в центре крепостного двора, но и прорвались через валы в северную часть цитадели. Почти половина Брестской крепости уже находилась в руках врага, и, казалось, самые ближайшие часы должны с неизбежностью решить исход сражения в пользу противника.

Но то, что произошло на Центральном острове, случилось и в других местах крепости. Застигнутый врасплох гарнизон, оправившись от первого замешательства, начал упорную, ожесточенную борьбу. Так было повсеместно — на всех не связанных друг с другом, отрезанных огнем противника участках цитадели. Женщин, детей и раненых укрывали в безопасных местах, солдаты вооружались, и кто-нибудь из средних командиров, оказавшихся на месте, возглавлял их, организуя оборону, а если такого командира не было, командование принимал один из сержантов или бойцов. Меткий винтовочный и пулеметный огонь выкашивал ряды атакующих автоматчиков, скупые точные выстрелы снайперов разили гитлеровских офицеров, и в решительные моменты штыковые контрудары наших стрелков неизменно отбрасывали назад с тяжелыми потерями наступающую пехоту.

Все усилия штурмовых отрядов врага пробиться в центральную цитадель на выручку к своим автоматчикам, запертым в здании клуба, терпели неудачу. Мост через Буг у Тереспольских ворот находился теперь под ружейным и пулеметным огнем — пограничники и бойцы 333-го полка зорко сторожили здесь каждое движение противника, плотно закупорив эту

дорогу. Заняв госпиталь на Южном острове, немцы попытались проникнуть во двор центральной крепости по мосту через Мухавец, ведущему к Холмским воротам. Но как раз напротив этого моста в кольцевом здании находились казармы 84-го полка, и комиссар Фомин заранее учел опасность атаки с Южного острова, расставив часть своих людей у окон, обращенных в сторону госпиталя. Огонь из пулеметов и винтовок буквально сметал с моста автоматчиков всякий раз, как те поднимались в атаку. И хотя противник весь день повторял здесь попытки прорыва и мост был завален трупами гитлеровцев, пройти к воротам врагу не удалось. Тщетными были и попытки немцев форсировать Мухавец на резиновых лодках: десятки таких лодок с автоматчиками пошли ко дну под огнем наших стрелков.

С удивлением и досадой германское командование видело, что сопротивление крепостного гарнизона не только не ослабевает, но час от часу становится более упорным и организованным и что в крепости то и дело возникают все новые очаги обороны. На Западном и Южном островах, захваченных противником, продолжали отчаянно драться группы пограничников, окруженные и блокированные автоматчиками.

Прочная оборона возникла в северной части крепости. Здесь отдельные группы бойцов объединил и возглавил командир 44-го стрелкового полка майор Петр Гаврилов. С первыми взрывами немецких снарядов он, оставив дома больную жену и подростка сына, бросился бежать к своему штабу, надеясь спасти боевое знамя и секретные документы. Штаб полка находился на Центральном острове в крайнем западном секторе кольцевых казарм, где огонь врага был особенно сильным. Когда Гаврилов прибежал туда, штабные помещения уже горели. Пробраться внутрь было невозможно, снаряды противника продолжали кромсать горящее здание, и, видимо, знамя и документы уже погибли в огне. В предрассветной полутьме, в густом дыму и пыли, поднимаемой взрывами, во дворе мелькали фигуры бойцов. Кое-как Гаврилову удалось собрать десятка два людей из своих

подразделений, он повел их через мост к выходу из крепости, намереваясь выбраться с ними на северную окраину Бреста, где было предписано сосредоточиться всему его полку в случае боевой тревоги.

Однако оказалось, что гитлеровцы уже отрезали путь в город. На валу у северных ворот и за валом, на берегу обводного канала, залегли стрелки, ведя огонь, а на том берегу в кустах мелькали настороженно пригнувшиеся фигуры вражеских автоматчиков.

Здесь, у северных ворот, собралось несколько сотен бойцов. Среди них оказались два-три лейтенанта и политрука, но не нашлось никого из старших командиров, и Гаврилов принял командование над этими разрозненными группами солдат из различных частей. Тут же были сформированы три роты, и по приказанию майора стрелки залегли на гребне северного и северо-восточного земляного вала, а одна из рот заняла оборону фронтом на запад — туда, где находились казармы 125-го полка и откуда доносились гул ожесточенного боя и крики атакующих автоматчиков.

В центре этой обороны, к западу и к востоку от дороги, ведущей к воротам, возвышались два форта. Каждое из этих укреплений с двумя подковообразными валами, с узким двориком между ними, с массивным зданием, стоящим в центре подковы, и с казематами в толще валов могло быть использовано как опорный пункт обороны. Гаврилов приказал одной из рот занять Западный форт, а в бетонном доте, недавно построенном рядом с фортом, поставить станковый пулемет.

Что же касается Восточного форта, то он стал главным узлом обороны отряда Гаврилова. Оказалось, что здесь уже был небольшой гарнизон — в форту располагалась часть бойцов 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, командование над которым приняли старший лейтенант Шрамко, лейтенант Домиенко и прибежавший сюда лейтенант Яков Коломиец из 125-го стрелкового полка. Зенитчики занимали здание, находившееся в центре подковообразного укрепления, и были уже готовы к бою. У окна

на втором этаже установили счетверенный пулемет, два бойца поспешно набивали запасные ленты, другие окна заняли ручные пулеметчики и стрелки. У зенитчиков была исправная радиостанция, телефонные аппараты и кабель, а в складах форта хранились боеприпасы и продовольствие. Неподалеку от форта в окопах стояли на огневых позициях два зенитных орудия, и вскоре около них заняли свои места расчеты во главе с командиром огневого взвода — лейтенантом.

Гаврилов принял зенитчиков под свое командование и устроил тут, в форту, свой штаб, руководство которым поручил бывшему командиру отдельного батальона связи капитану Константину Касаткину. Батальон Касаткина находился в лагере за Брестом, а капитан на эту ночь приехал в крепость к семье, где его и застала война. Он попытался было выйти за крепостные валы и присоединиться к своему батальону, но враг уже отрезал путь в город, и Касаткину не оставалось ничего другого, как примкнуть к отряду майора Гаврилова. Назначенный начальником штаба, он тотчас же оборудовал командный пункт в одном из центральных казематов форта и с помощью связистов зенитного дивизиона установил телефонную связь со всеми тремя ротами. Тем временем политрук Скрипник, которого Гаврилов назначил своим заместителем по политической части, укрыл в одном из фортовых убежищ женщин и детей, собравшихся сюда из соседних домов комсостава, и тут же организовал госпиталь, поручив заботу о раненых оказавшейся здесь медицинской сестре — военфельдшеру Раисе Абакумовой.

Вскоре небольшой отряд майора Гаврилова был готов встретить противника, и когда час спустя гитлеровцы атаковали внешние валы и Западный форт, их остановил сильный огонь, и все атаки врага на этом участке потерпели неудачу.

Упорный бой шел и у восточных, Кобринских, ворот крепости. В районе этих ворот размещался 98-й противоганковый артиллерийский дивизион под командованием майора Никитина. В первые же ми-

нута противник направил сюда особенно сильный огонь. Большинство орудий и тягачей было уничтожено или повреждено, и вдобавок подразделение лишилось своего командира. Тогда руководство оборонной приняли на себя заместитель Никитина по политической части старший политрук Николай Нестерчук и начальник штаба дивизиона лейтенант Иван Акимочкин.

Приказав укрыть в надежных помещениях внутри валов женщин и детей, сбежавшихся сюда, Нестерчук и Акимочкин велели выкатить оставшиеся пушки на валы, организовали подвоз боеприпасов из склада, расставили в обороне пулеметчиков и стрелков. И когда немцы, обойдя крепость с юго-востока, показались вблизи Кобринских ворот, по ним в упор ударили пушки и пулеметы дивизиона. Противник был остановлен, и атаки его на этом участке одна за другой выдыхались под нашим огнем.

Так, в упорных боях, которые повсеместно с каждым часом становились все ожесточеннее, прошла первая половина дня 22 июня. Немецкая артиллерия все так же обстреливала крепость, «юнкеры» штурмовали с воздуха очаги нашей обороны, и пехота противника продолжала атаковать на всех участках. Но уже вскоре донесения о потерях наступающих на крепость частей стали столь угрожающими, что гитлеровское командование вынуждено было основательно задуматься над этими цифрами.

Много месяцев спустя на одном из участков советско-германского фронта было захвачено вместе с архивом штаба 45-й пехотной дивизии «Боевое донесение о занятии Брест-Литовска» — любопытный документ, в котором содержались некоторые подробности боев за Брестскую крепость. Вот что происходило в крепости в этот первый день войны по свидетельству штабных офицеров противника.

«Все же вскоре (около 5.30—7.30) стало ясно, — говорится в этом донесении, — что позади нашей пробившейся вперед пехоты русские начали упорно и настойчиво защищаться в пехотном бою, используя стоящие в крепости 35—40 танков и бронемашин. При

быстром огне они применяли мастерство снайперов, кукушек, стрелков из слуховых окон чердаков, из подвалов и причинили нам вскоре большие потери в офицерском и унтер-офицерском составе.

Перед обедом стало ясно, что артиллерийская поддержка при ближнем бое в крепости невозможна, так как наша пехота соприкасалась очень близко с русской и нашу линию нельзя было установить в путанице построек, кустарников, обломков, частично она была отрезана или блокирована русскими гнездами сопротивления. Попытки отдельных пехотных противотанковых орудий и легких полевых гаубиц действовать прямой наводкой не удавались большей частью из-за недостаточного наблюдения и угрозы собственным людям, в остальном — из-за толщины сооружений и стен крепости.

По тем же самым причинам проходящая мимо батареи штурмовых орудий, которую командир 135-го пехотного полка по собственному решению подчинил себе после обеда, не оказывала никакого действия.

Введение в действие новых сил 133-го пехотного полка (до этого резерва корпуса) на Южном и Западном ос ровах с 13.15 не принесло также изменений в положение: там, где русские были изгнаны или выкурены, через короткий промежуток времени из подвалов, домов, труб и других укрытий появлялись новые силы. Стреляли превосходно, так, что потери значительно увеличивались.

Личным наблюдением командир дивизии в 13.15 в 135-м пехотном полку (Северный остров) убедился, что ближним боем пехоты крепости не взять, а около 14.30 решил оттянуть собственные силы так, чтобы они окружили крепость со всех сторон, а потом (предположительно после ночного отступления с раннего утра 23.6) вести тщательно наблюдаемый огонь на поражение, который бы уничтожал и изматывал русских. В 18.30 это решение было категорически одобрено командующим 4-й армией...»

Это донесение довольно верно передает обстановку первого дня боев за крепость. Правда, танков и бронемашин у обороняющихся было не тридцать

пять — сорок, как утверждают немецкие штабисты, а всего несколько штук, и отнюдь не толщина крепостных стен была главным препятствием для атакующих. Упорное героическое сопротивление маленького гарнизона, его умелые, решительные действия заставили германские войска остановиться перед крепостью в первый же день войны. И не только остановиться. Приказ, полученный в штурмующих частях к вечеру 22 июня, был, по существу, первым приказом об отступлении, отданным германским войскам с момента начала второй мировой войны. Гитлеровская армия не отступала ни разу ни на западе, ни на севере, ни на юге Европы, но она вынуждена была отступить в районе Брестской крепости в первый же день войны на востоке против СССР.

«Проникшие в крепость части, — говорится дальше в донесении, — ночью были согласно приказу отведены обратно на блокадную линию. При этом было весьма неприятно то, что русские тотчас же продолжали атаки на оставленные районы, а, кроме того, группа немецких солдат (пехотинцев и саперов, количество их потом так и не удалось установить) осталась запертой в церкви крепости (Центральный остров). Временами с этими запертыми была радиосвязь».

Следует добавить, что эта радиосвязь вскоре была прервана. Гарнизон крепости не только атаковал и прочно занял районы, из которых отошли немцы, но и успешно ликвидировал многие окруженные группы противника. На Центральном острове бойцы Фомина и стрелки Потапова и Кижеватова с двух сторон атаковали клуб, где засели автоматчики с радиостанцией. Сопротивление врага было сломлено, и отряд фашистов в клубе уничтожен.

В первый день противнику не только не удалось овладеть крепостью за несколько часов, как он рассчитывал, но его штурмовые отряды были наполовину уничтожены и на многих участках отброшены или отведены назад. Только Южный и Западный острова, где, впрочем, продолжали сражаться группы наших пограничников, немцы удержали за собой. Вся же

остальная территория крепости, буквально усеянная трупами в зеленых мундирах, по-прежнему была недосягаемой для врага, и там всю ночь без сна и отдыха трудились советские бойцы и командиры, укрепляя свои оборонительные рубежи и готовясь завтра с рассветом встретить новый штурм.

НА САМОМ ПЕРВОМ РУБЕЖЕ

С самого начала боев, с первых же часов войны одно и то же чувство владело каждым защитником Брестской крепости — от командиров, возглавлявших оборону, до рядовых стрелков. Это была глубокая, непоколебимая уверенность в том, что предательски напавший враг будет в самом скором времени наголову разбит и снова отброшен за государственный рубеж, что вот-вот на помощь осажденной крепости подойдут войска, стоявшие в окрестностях Бреста, и граница будет прочно восстановлена.

Граждане великой страны, хорошо знающие мощь своей Родины и ее армии, воспитанные на славных победных традициях советских войск, не могли думать иначе и вовсе не представляли себе ни огромных сил своего врага, ни тяжелых последствий его внезапного нападения. Разве мог кто-нибудь из них хоть на мгновение допустить мысль о том, что пройдут еще долгие и страшные три года, прежде чем руины этих крепостных стен снова увидят советских воинов?! Если бы в этот первый день обороны в рядах защитников крепости нашелся человек, который посмел бы сказать, что Советской Армии потребуются даже не годы, а месяцы или недели для того, чтобы отбить нападение гитлеровской Германии, говарищи сочли бы его сумасшедшим либо расстреляли бы на месте, как труса и изменника. Нет, они ждали помощи с часу на час, со дня на день. Мысль о скорой встрече со своими придавала им новые силы в их неравной борьбе, укрепляла их волю и решимость.

Уже в эти первые часы крепость была отрезана от внешнего мира, окружена кольцом немецких войск.

Что делается там, за пределами крепостных стен, что происходит в городе и в соседних приграничных районах — гарнизон не знал. Штабы соединений размещались в Бресте, и оттуда пока что не поступало никаких указаний — видимо, посыльные и офицеры связи не могли добраться сюда. Что же касается телефонных и телеграфных линий, то они либо были перерезаны немецкими диверсантами перед началом военных действий, либо повреждены во время обстрела.

Прежде всего командиры, возглавившие оборону на Центральном острове крепости, попытались связаться с вышестоящим командованием по радио. Но радиостанций в подразделениях было очень мало и почти все они оказались разбиты или повреждены артиллерийским огнем противника. Только на участке 84-го полка, где в казармах была оставлена часть инвентаря полковой роты связи, удалось к середине дня наладить одну из радиостанций. Полковой комиссар Фомин составил несколько шифрованных радиogramм в адрес командования дивизии и велел срочно передать их.

Однако дивизионная и другие радиостанции не отвечали на призывы крепости. Все попытки передать кодированную радиogramму ни к чему не привели. Казалось, гитлеровцы не только окружили крепость, но и заполонили весь эфир: на всех волнах слышались гортанные немецкие команды, и лишь изредка прорывались отрывочные, яростные возгласы наших танкистов, ведущих где-то бой с танками врага, или выкрики летчиков, дерущихся в воздухе с «юнкерсами» и «мессершмиттами».

Тогда Фомин решил оставить условный код и перейти на открытый текст. Учитывая возможность радиоперехвата противником, он составил преувеличенно бодрую радиogramму, и комсомолец-радист Михайловский снова сел к микрофону.

— Я крепость, я крепость! — понеслись в эфир новые призывы. — Ведем бой. Боеприпасов достаточно, потери незначительны. Ждем указаний, переходим на прием.

Снова и снова повторял Михайловский эти слова,

но ответа на них не было. Радиостанция продолжала посылать свои сигналы, пока, наконец, у нее не иссякло питание, и голос сражающейся крепости замолк в эфире навсегда.

Такая же неудача постигла и радиста Восточного форта, который по приказанию Гаврилова непрерывно посылал в эфир свои сигналы. Ответа на них не было, и майор, убедившись, что все попытки наладить радиосвязь напрасны, приказал выключить радию и, экономя батареи, включать ее только для приема и записи последних известий.

В этот первый день кое-где в подразделениях еще работали батарейные радиоприемники. Один из таких приемников стоял в клубе 98-го противотанкового дивизиона. Этот клуб был оборудован в подземном бетонированном помещении какого-то бывшего склада, и сюда-то Нестерчук, возглавивший оборону артиллеристов, приказал поместить жен и детей командиров. Здесь, в темном подземном зале, где рядом с радиоприемником, над лежащими вповалку на полу женщинами и детьми высилась строгая, неподвижная фигура красноармейца Соколова, охранявшего боевое знамя дивизиона, люди слышали около полудня сквозь грохот разрывавшихся наверху снарядов далекий голос из Москвы. Передавалось правительственное сообщение. Каждое его слово западало глубоко в сердца людей, которые уже несколько часов жили среди пламени и смерти, в кипящем котле войны. И как только передача была окончена, содержание этого обращения Советского правительства к народу, передаваемое из уст в уста, скоро стало известно всем артиллеристам, которые в это время вели упорный бой с автоматчиками на крепостных валах.

Немного позднее текст обращения был принят в Восточном форту, а также связистами в подвале здания 333-го стрелкового полка на Центральном острове. В тесном узком отсеке подвала едва-едва слышался голос московского диктора — батареек для нормального питания не хватало, — но собравшаяся здесь группа бойцов затаив дыхание ловила слова обращения. Старший лейтенант Потапов велел также

привести сюда нескольких раненых, чтобы они потом пересказали текст обращения тем своим товарищам, которые уже не могли ходить. И здесь призыв правительства вдохнул в защитников крепости новые силы и еще больше укрепил их уверенность в том, что помощь вот-вот должна подойти.

Между тем продолжались попытки установить связь с командованием. Несколько раз в течение этого первого дня в разное время и из разных мест крепости командиры посылали в город группы разведчиков. В большинстве случаев эти группы поредевшими возвращались обратно — им не удавалось пробраться сквозь плотное кольцо немецкой пехоты. Другие исчезали бесследно — вероятно, если отдельные разведчики и добирались до города, то вернуться в крепость и доложить, что происходит в Бресте, они уже не могли.

В середине дня полковой комиссар Фомин решил послать в город разведку на броневиках.

Внутри ограды Белого дворца в одном из домов располагался отдельный разведывательный батальон. В ночь начала войны в казармах этого подразделения находилась группа бойцов, а поблизости, в автопарке, стояли семь бронемашин, находившихся в ремонте. Работая под огнем врага, бойцы во главе с комсоргом батальона, принявшим командование, сумели в течение нескольких часов восстановить пять броневиков. Подъехав к уже горевшему складу боеприпасов, работая среди пламени, ежеминутно рискуя взлететь на воздух, они погрузили в машины запас снарядов и патронов и явились к Фомину получить боевую задачу.

В это время комиссар, сидя в подвале Белого дворца, допрашивал только что взятого в плен немецкого офицера. Пленный оказался подполковником, офицером разведки 45-й пехотной дивизии. В его левой сумке вместе с подробным планом крепости были найдены важные штабные документы, которые представляли большой интерес для нашего командования. Комиссар как раз обдумывал, каким путем переслать эти документы в штаб дивизии, когда ему

доложили о готовности бронемашин. Решено было, что три броневика попытаются прорваться в город и что командование этой группой примет ближайший помощник комиссара, комсорг полка замполитрука Матевосян. Ему и поручил Фомин доставить в штаб бумаги, взятые у пленного.

Впрочем, к этому времени Матевосян уже считался не заместителем политрука, а полковым комиссаром. У Фомина оказалась с собой запасная гимнастерка с четырьмя прямоугольниками на петлицах, и он приказал комсоргу надеть ее. Когда Матевосян попытался возразить, Фомин объяснил ему, что в крепости мало командного состава и бойцы будут чувствовать себя уверенней, видя в своих рядах еще одного старшего командира. Комсоргу оставалось только выполнить приказ начальника, и он, так внезапно повышенный в звании, в дальнейшем командовал одним из решающих участков обороны в районе 84-го полка. Сейчас же ему предстояло выполнить новое опасное и ответственное поручение Фомина и установить связь со штабом дивизии.

Комиссар горячо обнял на прощанье комсорга, и тот занял место в кабине головной машины. Три броневика под огнем пулеметов противника стремительно проскочили мост у трехарочных ворот цитадели и направились к северным внешним воротам крепости. Но там в это время шел бой, а в самом тоннеле ворот горела немецкая машина, загораживая путь. По команде Матевосяна броневики свернули налево — к северо-западным воротам, но и там застали ту же картину. Оставались только одни — восточные, Кобринские, ворота — ближайšie к городу, — и комсорг поспешно направил головную машину туда.

Дорога к этим воротам вела мимо группы домов комсостава 125-го и 333-го стрелковых полков. Еще издали Матевосян и его спутники заметили, что там идет бой. Автоматчики, полукольцом охватив дома, вели непрерывный огонь по окнам, а в ответ из домов раздавались скудные расчетливые выстрелы.

Дружно развернувшись, броневики ударили с тыла по гитлеровцам из всех своих пулеметов. В не-

сколько минут фашистский отряд был уничтожен. И тогда, освобожденные от осады, выпрыгивая из окон, выбегая из дверей, к своим спасителям радостно бросились наши люди. Здесь было несколько бойцов и командиров, но больше всего женщин и детей.

Опередив других, к вышедшему из кабины Матевосяну подбежала молодая женщина. Ее нарядное цветастое платье было разорвано, из рассеченной пулей щеки текла кровь, в руках она сжимала немецкий автомат. Задыхаясь, еще охваченная жаром недавнего боя, она схватила его за руку:

— Товарищ комиссар, что нам делать? Боеприпасы кончаются!

Остальные, окружив комсорга тесной толпой, наперебой расспрашивали его о положении в крепости. Здесь был какой-то капитан с окровавленной повязкой на лбу, женщины, испуганно прижимающие к себе маленьких детей, и женщины с оружием, какой-то мальчик-подросток, зажавший в руках немецкую гранату с длинной деревянной ручкой, полураздетые бойцы с винтовками.

Матевосян, как мог, успокоил этих людей, советуя им попытаться пройти в центральную крепость, где находится штаб обороны. Он уверенно говорил о том, что вскоре подойдут на выручку наши части и враг будет разбит и отброшен. Поручив капитану командование этой группой, он снова сел в машину, и броневики, набирая скорость, пошли к Кобринским воротам.

Но там тоже шел бой, а сами ворота были загорожены разбитыми тягачами и пушками 98-го артиллерийского дивизиона. Выхода из крепости не было. Пришлось возвращаться назад, и полчаса спустя Матевосян привел все три бронемашины в ограду Белого дворца, доложив Фомину о своей неудаче.

Дальнейшие попытки разведки решили отложить до ночи. А пока что можно было только догадываться о том, что происходит в городе и его окрестностях, по дальнему гулу боев, доносившемуся в крепость в редкие минуты затишья. Весь первый день слышался этот гул, то приближаясь, то отдаляясь, и слухи о подходе наших войск то и дело разносились по крепости,

заставляя осажденных сражаться с удвоенным упорством.

Весь день немецкая авиация господствовала в воздухе, и «юнкерсы» непрерывно пикировали над крепостью. Два или три раза появлялись наши истребители, и, хотя численный перевес в воздушных боях всегда был на стороне противника, крепость встречала криками «ура» эти краснозвездные самолеты. В первой половине дня наша маленькая «Чайка», израсходовав в воздушном бою все патроны, вдруг рванулась вперед и протаранила вражескую машину над Брестским аэродромом. Бойцы, находившиеся в ограде Белого дворца и наблюдавшие эту схватку, потрясенные подвигом советского летчика, разом открыли бешеный огонь по вражеским позициям, словно хотели отомстить за героическую гибель нашего пилота. Когда же, полчаса спустя, один из самолетов-штурмовиков противника, снизившись, стал обстреливать из пулемета этот участок обороны, стрелки встретили его дружным залпом, и задымившаяся машина, едва не задев за верхушки деревьев Западного острова, упала где-то за Бугом. Так гибель нашего отважного пилота, совершившего первый в истории Великой Отечественной войны воздушный таран, была вскоре же отомщена стрелками 84-го полка, которые первыми в истории Великой Отечественной войны сбивали вражеский самолет огнем из винтовок.

В этот же первый день другой фашистский бомбардировщик был сбит зенитчиками, орудия которых стояли неподалеку от Восточного форта. Пораженная снарядом в упор, огромная машина, объятая пламенем, упала за домами комсостава, сопровождаемая ликующими криками бойцов. Но зато остальные самолеты тотчас же принялись жестоко бомбить позиции зенитчиков, так что вскоре одно из орудий вышло из строя, часть артиллеристов погибла, а их командир лейтенант был серьезно ранен, хотя и не покинул своего места на огневых. Но тем не менее потеря бомбардировщика заставила гитлеровских летчиков быть осторожнее и держаться на большей высоте.

В ожиданиях и несбывшихся надеждах на осво-

бождение от осады прошел весь первый день. И как только начала спускаться темнота, командиры снова сделали попытки послать в город разведчиков.

Но противник, оттянувший свои силы за крепостной вал, был настороже. По всей линии осады над крепостью непрерывно взлетали ракеты, местами валы освещались с помощью прожекторов — наблюдатели врага зорко следили за каждым движением осажденных. Перебраться через валы разведчикам не удавалось: всякий раз по ним открывали сильный пулеметный огонь.

На участке 84-го полка двое разведчиков, отправленных Фоминым с восточной окраины Центрального острова, переплыли Мухавец. Но затем там, где они должны были выйти на берег, поднялась бешеная стрельба, и вскоре стало ясно, что посланные погибли или попали в руки врага. Фомин уже готов был с досадой отказаться от дальнейших попыток, как вдруг комсомолец радист Михайловский предложил оригинальный способ разведки под водой.

Несколько человек надели противогазы. Отсоединенная от коробки гофрированная трубка свинчивалась с несколькими другими, и на конце этого шланга укреплялся небольшой деревянный поплавок. Бойцы привязали к ногам кирпичи и осторожно спустились в Мухавец. Дыша через шланги с поплавками, они двинулись вверх по течению реки, тяжело ступая под водой по неровному, илистому дну. Они уже выходили за пределы крепости, и им казалось, что разведка их будет вполне успешной, как вдруг неожиданное подводное препятствие преградило им путь. Река оказалась перегороженной поперек течения прочной железной решеткой.

Один из разведчиков решил подняться наверх и попробовать перелезть через решетку. Но едва его голова показалась на поверхности, как наблюдатели противника при свете непрерывно взлетающих ракет заметили его, и по воде с обоих берегов ударили немецкие пулеметы. Видимо, пулеметчики специально охраняли эту решетку, и водолазы, убедившись, что обойти препятствие нельзя, вернулись обратно.

Потом пленные немецкие солдаты рассказали защитникам крепости, откуда появилась эта решетка. Командование противника опасалось, чтобы осажденному гарнизону крепости не доставили подкреплений с помощью катеров по Мухавцу, и вечером первого дня немецкие саперы поставили это заграждение, которое с берегов охраняли два пулемета.

С возвращением водолазов пришлось оставить последнюю надежду на связь с городом. Оставалось ждать, пока кольцо осады будет разорвано ударами наших войск извне. Впрочем, никто не сомневался, что это случится в самые ближайшие часы.

Но прошла ночь, наступило ясное, солнечное утро, и тогда все услышали, что гул окрестной канонады, который вчера раздавался так мощно в стороне города, сегодня едва слышался где-то далеко на востоке и к концу дня затих совсем. Люди поняли, что противник потеснил наши войска, что фронт отдалился от крепости, и впервые подумали о том, что, быть может, им придется драться во вражеском кольце еще не один день, прежде чем наши отступающие армии оправятся и нанесут противнику контрудар. И каждый внутренне приготовился ко всем тяжким испытаниям, которые ему предстояло вынести в этой неравной и жестокой борьбе.

Но долго думать об этом было некогда. С первыми лучами рассвета снова загрохотали пушки, закружились над крепостью «юнкерсы» и отдохнувшие, пополненные штурмовые отряды вражеских автоматчиков с новой силой атаковали осажденных со всех сторон. Все помыслы и чувства бойцов были теперь направлены на то, чтобы выстоять, отбить натиск врага, и лишь в короткие моменты передышки между артиллерийским обстрелом и очередной атакой люди жадно прислушивались к дальнему гулу канонады на востоке, словно стараясь по этим невнятным звукам отгадать, что происходит там, на фронте.

А на фронте в районе Бреста уже второй день происходили тяжелые, трагические события.

Уже в первые часы войны Брест оказался в руках противника. С утра на его улицах рвались снаряды

и бомбы, рушились и горели дома, с чердаков раздавались выстрелы гитлеровских диверсантов, самолеты с бреющего полета расстреливали бегущих из города мирных жителей, неубранные трупы валялись на мостовой, и городская больница была забита ранеными. Городские учреждения и штабы воинских частей вынуждены были выехать из Бреста на восток, в сторону Кобрина. Однако уже вскоре Московское шоссе, ведущее туда, было перерезано наступающими частями немцев — отряды автоматчиков вышли на южную окраину города, переправившись через Мухавец. Начались убийства мирных жителей, повальные грабежи и насилия; на горящих улицах вместе с гитлеровцами действовали уголовники, выпущенные ими из тюрьмы.

Кое-где группы вооружившихся брестских коммунистов пытались организовать сопротивление врагу, но большинство их было тут же рассеяно или уничтожено многочисленными отрядами немецких автоматчиков. И только два таких очага сопротивления в городе противнику удалось подавить далеко не сразу.

Несколько часов шел бой за здание облвоенкомата. Сюда еще рано утром пришли несколько десятков партийных и советских работников города вместе со своими семьями. Они вооружились, запаслись боеприпасами и во главе с областным военным комиссаром Стафеевым заняли в доме круговую оборону, забаррикадировав окна и двери. Ворвавшиеся в город гитлеровцы тотчас же осадили облвоенкомат. Началась интенсивная перестрелка; подползая к дому, гитлеровские солдаты забрасывали в окна гранаты, несколько раз «юнкеры» начинали бомбить этот район, и бомбы рвались совсем близко от здания. У осажденных появились убитые, раненые, и врач облвоенкомата едва успевал делать перевязки. Потом был тяжело ранен комиссар Стафеев, но он лежа продолжал руководить боем.

Положение стало безнадежным, и в середине дня осажденные приняли решение выпустить на улицу женщин и детей и после этого сражаться до конца. Но когда женщины и дети вышли из дверей с белым фла-

гом, автоматчики открыли по ним огонь, и многие были убиты и ранены.

Только к вечеру, после того как были расстреляны последние боеприпасы осажденных, гитлеровцам удалось сломить их сопротивление. Комиссар Стафеев и другие раненые были зверски перебиты, часть людей захвачена в плен, и только немногим удалось пробиться сквозь кольцо врагов и окраинными улицами выйти из города.

Но еще более упорный бой завязался в северной части Бреста у здания железнодорожного вокзала.

Вечером в субботу 21 июня с соседней станции на Брестский вокзал прибыла небольшая воинская команда одной из авиационных частей, направляющаяся в Пружаны — за несколько десятков километров от Бреста. Это были два взвода — около 50 бойцов во главе со старшиной Басневым. Отправить их с вечерними поездами военный комендант не мог, и команде было разрешено переночевать в помещении вокзального агитпункта.

С первыми взрывами немецких снарядов и бомб старшина Баснев вывел своих людей и занял с ними оборону на подступах к вокзалу с тем, чтобы прикрыть возможную отправку наших эшелонов на восток. Патронов у бойцов оказалось мало, но в одном из подвальных помещений был обнаружен склад боеприпасов, принадлежавший, видимо, военизированной железнодорожной охране. Теперь группа Баснева могла вести длительный бой.

Вскоре к этой группе присоединилось несколько пограничников, которые под натиском врага с боем отступали со стороны Буга. Вслед за тем на дороге, ведущей к вокзалу, появился отряд гитлеровских мотоциклистов. Подпустив их поближе, бойцы дружным огнем уничтожили большую часть этой колонны.

На смену мотоциклистам появились бронетранспортеры с автоматчиками. Враг подбрасывал к станции все новые силы, и маленький отряд Баснева вынужден был отойти в здание вокзала, в залах которого к этому времени собралось несколько сотен жителей

Бреста, сбежавшихся сюда в надежде уехать с поездами на восток.

Фашистские самолеты непрерывно кружили над станцией, бомбили вокзал, и здание постепенно разрушалось. Было ясно, что в вокзальных помещениях долго не продержишься. Но зато здесь были солидные подвалы, надежно защищавшие от бомб и дававшие полную возможность держать круговую оборону. В темноту этих подвалов и спустились все, кто находился на вокзале. У подвальных окон Баснев расставил пулеметчиков и стрелков, и когда противник попытался штурмовать вокзал, точный, уверенный огонь осажденных отбросил его назад с большими потерями. Гитлеровцам пришлось начать правильную осаду. Подвалы вокзала превратились в маленькую крепость.

Однако положение осажденных было очень тяжелым. Они оказались почти совсем без продуктов питания. Маленький склад станционного буфета, находившийся в подвале, не мог обеспечить питанием всю эту массу людей даже на один день. И старшина Баснев решил, что гражданское население должно покинуть подвал. Только для коммунистов было сделано исключение, и они, взяв оружие, встали в ряды бойцов.

Началась долгая и изнурительная борьба. Гитлеровцы прорвались в вокзал, но проникнуть в подвалы им не удавалось. Из всех щелей, из подвальных амбразур бойцы зорко сторожили каждое движение врага, и каждый день десятки гитлеровцев находили свою смерть под пулями стрелков Баснева.

Ежедневно гитлеровское командование через громкоговорящие установки обращалось к защитникам вокзала с предложениями о капитуляции, обещая сохранить им жизнь. Но на эти предложения отвечали только выстрелами.

На третий или четвертый день фашисты попытались затопить подвалы. Были пущены в ход помпы, и потоки воды устремились в помещения, занятые осажденными. Уже вскоре Баснев и его бойцы оказались по пояс в воде, но они продолжали отстреливаться.

Впрочем, гитлеровцы должны были отказаться от своего намерения — водопроводная сеть вышла из строя и поблизости неоткуда было взять воды, чтобы заполнить подвалы доверху.

Тогда у противника возник новый план. Плотно забаррикадировав двери в подвал, стараясь закрыть все отдушины, гитлеровцы пустили туда удушливый газ. И хотя часть бойцов при этом погибла, остальные уцелели и вели свою неравную борьбу.

Не удалась и попытка залить подвалы бензином и поджечь. В конце концов фашисты решили затопить подвальные помещения нечистотами, которые непрерывно подвозили сюда на машинах.

Это была страшная по своему упорству и ожесточению борьба, продолжавшаяся больше двух недель. В полной темноте, голодные, до предела изнуренные люди, бродя по грудь или по горло в зловонной жиже, не выпускали из ослабевших рук винтовок и по-прежнему отвечали огнем на призывы врага сдаться в плен. Когда наступали минуты затишья, они слышали со стороны крепости гром артиллерии и треск перестрелки, и сознание того, что неподалеку от них ведут такую же упорную борьбу их товарищи, придавало этим измученным, полумертвым людям новые силы.

В первых числах июля старшина Баснев с небольшой группой бойцов сделал попытку прорваться через кольцо врага. Ночью они выбили одну из дверей, забаррикадированных гитлеровцами, и вырвались из подвала. Те, что остались внизу, слышали, как у вокзала загремели разрывы гранат и вспыхнула перестрелка. Никто из этой группы не вернулся назад, и так и осталось неизвестным, удалось ли Басневу со своими людьми прорваться или все они пали в неравном бою.

К концу первой декады июля в подвале уцелело всего несколько человек. Однажды ночью, переодевшись в штатское платье убитых здесь жителей Бреста, эти последние защитники вокзала осторожно выбрались наверх и, пользуясь темнотой, вышли из осады,

пробираясь лесами и болотами к линии фронта. Так окончилась эта героическая борьба.

Между тем фронт день за днем, час за часом отодвигался все дальше. Наши войска, в большинстве своем еще никогда не воевавшие, серьезно расстроенные первым внезапным ударом врага, не могли сдерживать натиска мощных, прекрасно вооруженных и закаленных в боях на Западе германских армий. Несмотря на упорное, героическое сопротивление отдельных частей и соединений, фронт то здесь, то там оказывался прорванным, войска попадали в окружение, и дивизии Гудериана и Гота уже были глубоко в нашем тылу, стараясь сомкнуть свои танковые клещи позади советских частей, с тяжелыми боями отступавших из приграничных районов. День ото дня армии противника проникали все дальше в глубь страны, и потребовались долгие месяцы ожесточенной борьбы и напряжения всех сил и воли Коммунистической партии, армии и народа, чтобы зимой остановить врага уже далеко на востоке, под стенами Москвы.

Но эта будущая победа под Москвой, как и все последующие победы Советской Армии, ковалась именно в эти трагические и героические дни 1941 года на землях Белоруссии, Прибалтики и Украины. Кузнецами этой победы были сотни и тысячи безыменных героев-воинов, павших на безвестных рубежах, яростно дравшихся в окружении, пробивавшихся с оружием в руках к фронту через тылы врага или с тяжелыми арьергардными боями отступавших со всей массой наших войск в глубь страны. Их пули и гранаты, их снаряды и мины, их ответные удары по врагу уничтожили первые сотни тысяч чужеземных захватчиков — цвет и гордость гитлеровской армии — и заложили тем самым прочный фундамент будущей победы.

Борьба шла не только по всей ширине, но и по всей глубине огромного фронта, от тех рубежей, где в этот час находились авангарды германских танковых дивизий, до приграничных районов, где дрались окруженные части, где уже начинали свою боевую работу первые отряды партизан.

И, как боевое охранение всей огромной Страны Советов, как самый передовой, далеко выдвинутый на запад бастион нашей обороны, над берегом Буга, в стенах старой русской крепости, стоящей на первых метрах нашей земли, на самом первом рубеже войны, с невиданной стойкостью и упорством в кольце осады продолжал драться маленький гарнизон советских войск.

БОЕВЫЕ ДНИ И НОЧИ

Всю первую ночь при бледном, мерцающем свете ракет в крепости шла тихая, но напряженная работа. Артиллерия противника постреливала лишь изредка, ведя ленивый, беспокоящий огонь, атаки автоматчиков прекратились, на некоторых участках гитлеровцы оттянули войска за внешний вал. Пользуясь этой ночной передышкой, командиры, предугадывавшие на завтра новый, еще более ожесточенный штурм, обходили свои участки обороны, расставляли бойцов, перераспределяя огневые средства, учитывая запасы патронов. В сухой, прокаленной огнем и солнцем земле копали могилы, наскоро хороня павших товарищей. Собирали оружие и патроны убитых врагов, рылись в развалинах обрушенных складов, пополняя свой боезапас.

Кое-где соседние подразделения, днем отрезанные друг от друга группами просочившихся в крепость автоматчиков, теперь смогли восстановить между собой связь и условиться о взаимодействии в завтрашних боях. Установил контакт с полковым комиссаром Фоминым командир из 455-го стрелкового полка лейтенант Анатолий Виноградов, который с несколькими десятками своих бойцов держал оборону в северной части кольцевых казарм. К Фомину прислал связного также капитан Иван Зубачев, возглавивший оборону на участке 44-го полка в западной части Центрального острова.

В районе Тереспольских ворот с наступлением темноты произошла некоторая перегруппировка на-

ших сил. Пограничники во главе с лейтенантом Кижеватовым покинули развалины своей заставы и присоединились к бойцам 333-го полка. С этих пор Андрей Кижеватов вместе со старшим лейтенантом Потаповым и лейтенантом Саниным стал одним из руководителей обороны на этом участке. В эту ночь командиры отправили отсюда связных в сторону расположения 84-го полка, и вскоре между ними и полковым комиссаром Фоминым, устроившим свой штаб в подвале Белого дворца, была протянута телефонная линия. Правда, связь эта оказалась ненадежной и существовала недолго — немецкие снаряды, время от времени рвавшие во дворе цитадели, то и дело обрывали кабель.

Усталые бойцы в эту ночь почти не смыкали глаз или дремали поочередно, урывками, — надо было зорко следить, чтобы враги не подобрались под покровом темноты и не атаковали внезапно. Но командование противника, видимо, решило дать в эту ночь отдых своим пехотинцам, до предела измотанным во вчерашних ожесточенных боях. Враг пополнял поредевшие штурмовые отряды, подтягивал свежие подразделения, эвакуировал раненых и тоже хоронил убитых. Ночь прошла довольно спокойно.

А с утра все началось снова, с удвоенной силой. С первыми проблесками рассвета артиллерия противника, теперь уже расставленная по всему кольцу осады, стала засыпать крепость снарядами, и пикировщики закружились над головами бойцов. Снова все вокруг заволокло дымом, опять здесь и там вспыхнули пожары, и вдоль всей линии обороны затрещали пулеметы, автоматы и винтовки. Штурм крепости возобновился.

И опять, как вчера, группы автоматчиков прорывались через валы, проникали в северную часть крепости и настойчиво атаковали центральную цитадель. Отряды противника вышли на северный берег Мухавца и засели в кустах по обе стороны моста, ведущего к трехарочным воротам. Их пулеметы непрерывно обстреливали оттуда окна и бойницы казарм, и несколько раз автоматчики форсировали вброд рукав Му-

хавца, врываясь на восточный угол Центрального острова. Тогда Матевосян, которому комиссар Фомин поручил этот участок обороны, выводил своих людей из огады Белого дворца в штыковую атаку.

Сквозь грохот взрывов и треск стрельбы слышался певучий и тревожный звук горна, играющего сигнал атаки, в перестук пулеметов и автоматов вплеталась раскатистая сухая дробь барабана — горнист и барабанщик полка шли в рядах атакующих бойцов. Уже один вид этих людей, покрытых пылью и пороховой копотью, с измученными, но суровыми и решительными лицами, с воспаленными от дыма и бессонницы глазами, был страшным для врага. Их громовое «ура», их стремительный штыковой удар неизменно обращали противника в бегство. Каждый раз попытки фашистов закрепиться на северо-восточной окраине Центрального острова заканчивались потерей нескольких десятков своих автоматчиков.

Противник по-прежнему атаковал казармы и со стороны Южного острова, через Холмский мост. Но здесь бойцы комиссара Фомина уверенно отражали этот натиск огнем из окон первого и второго этажей. Теперь у них были не только пулеметы и винтовки. В одном из складов боепитания, уцелевшем от вражеского обстрела, были найдены автоматы ППД, которыми тут же вооружилась часть стрелков. Полковые минометчики нашли в этом складе небольшой запас мин и теперь стреляли из окон по расположению противника в районе госпиталя. Возникло даже своеобразное состязание в меткости стрельбы: минометчики били по большому флагу со свастикой, который был поднят над крышей главного госпитального корпуса. Дважды гитлеровцы устанавливали этот флаг, и дважды минометчики сбивали его.

В этот день автоматы и минометы появились и в расположении 333-го полка. Еще накануне боеприпасы здесь были на исходе: стрелки израсходовали почти все свои патроны в непрерывных боях первого дня. За ночь удалось собрать несколько немецких автоматов и обойм с патронами — их сняли с убитых солдат противника. Но этого хватило бы ненадолго,

и люди с тоской думали о том, что произойдет, когда этот небольшой запас патронов иссякнет.

И вдруг положение было спасено благодаря подростку, воспитаннику музыкантского взвода 333-го полка Пете Клыпе.

Пете Клыпе было четырнадцать лет, но небольшой рост делал его скорее похожим на 10—12-летнего мальчика. Очень подвижной, сообразительный и смелый, он был всеобщим любимцем.

Сын старого коммуниста, железнодорожника из Брянска, рано потерявший отца, он уже с двенадцати лет ушел в армию, где служили его старшие братья. Так попал он и в Брестскую крепость — его брат лейтенант Николай Клыпа был командиром музыкантского взвода 333-го полка, а Петя был зачислен в этот же взвод воспитанником и играл в оркестре на трубе. Облаченный в новенькую красноармейскую форму, сшитую специально для него, он носил ее с особым мальчишеским достоинством, с безупречной военной выправкой, и все в крепости знали и любили этого маленького смышленного бойца.

Вечером в субботу лейтенант Николай Клыпа, как обычно, ушел на свою квартиру, находившуюся вне крепости, и с началом войны уже не смог присоединиться к своему взводу. Петя же по случайности остался ночевать в казарме музыкантов вместе со своим товарищем, таким же, как он, воспитанником, шестнадцатилетним Колей Новиковым. Там его и застало нападение гитлеровцев.

С первых минут войны Петя принялся выполнять поручения командиров. Лежа под огнем на втором этаже здания, он наблюдал за передвижением противника и доносил о нем лейтенанту Санину. Посланный в разведку, он смело пробирался под обстрелом на самые опасные участки, и ему обычно сопутствовал его старший товарищ Коля Новиков. Когда гитлеровцы ворвались в цитадель и начались штыковые атаки и рукопашные схватки, Петя шел в бой в первых рядах бойцов и смело сражался бок о бок со взрослыми мужчинами.

На второй день на рассвете мальчики попросили

разрешения у старшего лейтенанта Потапова сходить в разведку. Их отпустили, поручив выяснить расположение вражеских пулеметов на берегу Буга.

Пробравшись по подвалам к окну, выходящему в сторону Тереспольских ворот, Петя, оставив товарища внизу, осторожно выбрался наружу. Чтобы добежать до ворот, надо было проскочить метров пятнадцать по открытому пространству. Мальчик бросился вперед, но навстречу ему, откуда-то с башни, возвышающейся над воротами, протрещала автоматная очередь. Возвращаться назад было уже поздно, и Петя стремглав кинулся в ближайшее помещение кольцевых казарм рядом с воротами.

Это были конюшни пограничников — длинный ряд сообщающихся друг с другом помещений. Пробираясь из конюшни в конюшню к западной оконечности острова, Петя вдруг наткнулся на уцелевший склад боеприпасов и оружия. Тут на аккуратных стеллажах лежали новенькие, недавно привезенные в крепость автоматы, покрытые слоем густой смазки, громоздились штабеля ящиков с патронами, гранатами, минами. И хотя этот склад находился в самом западном углу казарм, обращенном в сторону противника, он по какой-то счастливой случайности остался неразрушенным.

Мальчик радостно кинулся назад и пять минут спустя вдвоем с Колей Новиковым доложил командирам о своей находке. Тотчас же на склад отрядили бойцов, и оба воспитанника вместе с ними принялись таскать ящики, ловко перебегая открытое место, по которому то и дело стрелял немецкий автоматчик с Тереспольской башни. Они стали настоящими героями дня, эти два мальчика, благодаря которым бойцы получили возможность успешно и долго продолжать борьбу на этом участке.

Те же ребята из окон западной части казарм заметили большой понтонный мост через Буг, который фашисты навели за ночь около крепости. По мосту непрерывным потоком переправлялась немецкая пехота, шли тяжело нагруженные машины с боеприпасами, тянулись обозы.

Минометчики, в достатке снабженные теперь минами, тотчас же взяли этот мост под обстрел. Первые же мины, разорвавшиеся на дощатом настиле моста, наглухо закупорили движение. Одна из машин, поврежденная взрывом, съехала в воду, другой грузовик беспомощно остановился посередине моста, загораясь и загромождая дорогу. Солдаты в панике бросились на берег, но мины догоняли их и там, и в самой гуще толпы, скопившейся у переправы, то и дело вставали черные дымные столбы разрывов. Немецкая артиллерия поспешно открыла ответный огонь, стараясь подавить минометы, но они были надежно укрыты в помещениях казарм, и обстрел переправы продолжался, преследуя врагу путь через Буг.

С еще большим ожесточением, чем накануне, развернулись в этот день бои в северной части крепости. Роты Гаврилова, окопавшиеся на валах, огнем отбивали одну атаку за другой, и все попытки автоматчиков форсировать обводной канал и взобраться на валы были тщетными. Каждый раз десятки трупов оставались на берегу канала, а уцелевшие гитлеровцы опрометью бросались назад, пытаясь укрыться в зарослях кустарника на противоположном берегу, где они уже успели нарыть целую сеть окопов и траншей.

Несколько раз из этих кустов выходили и танки. Их подпускали вплотную к валу и забрасывали гранатами. Одну из машин удалось подбить, и гитлеровцы оттащили ее назад на буксире.

И все же группе танков удалось прорваться через северные ворота. Хотя пехота была отсечена от них огнем стрелков Гаврилова, две или три машины прошли в район домов комсостава и затем, проскочив через мост у трехарочных ворот, появились в центральном дворе крепости. Остановившись неподалеку от ворот, один из танков стал прямой наводкой обстреливать казармы.

И тогда из подвала здания 333-го полка выбежали два смельчака. Они решили принять бой с немецкой машиной. Это были помощник начальника штаба 44-го полка старший лейтенант Семененко и неизвестный старшина-артиллерист.

Прямо на площади перед подвалом находился артиллерийский парк 333-го полка. В канун начала войны здесь стояло несколько орудий. Большинство из них было исковеркано и разбито взрывами немецких снарядов, но одна из пушек оказалась еще исправной. Ее-то и решили обратить против прорвавшегося танка двое смельчаков, тем более что рядом с орудием на земле валялись ящики со снарядами.

Во дворе рвались немецкие мины, но, невзирая на обстрел, старшина и Семененко лихорадочно работали, поворачивая пушку в сторону танка. Панорама орудия оказалась разбитой, но старшина наводил его по стволу. Семененко подал первый снаряд. Пушка выстрелила, и у самых гусениц танка взметнулось черное облако разрыва.

Немцы, видимо, заметили орудие, и башня танка стала медленно поворачиваться в его сторону. Но уже второй снаряд был заложен в казенник, и, прежде чем наводчик в фашистском танке успел прицелиться, этот снаряд ударил прямо в башню, заклинив ее. Потом последовало еще два выстрела, и машина беспомощно задергалась на месте — она была подбита. Но в следующую минуту на площадке артпарка стали рваться мины, и оба артиллериста-добровольца устремились назад, к подвалу. Цель была достигнута: гитлеровцы прицепили этот танк к другой машине и оттянули его за крепостные ворота.

А в это время в северной части крепости у главных входных ворот появилась вторая группа танков. И тогда с ними вступили в бой зенитчики из отряда майора Гаврилова.

После бомбежек в строю оставалось только одно орудие. Тяжело раненный лейтенант — командир огневого взвода — не уходил от пушки, кое-как сделав себе перевязку. И когда первый танк появился в тоннеле ворот, он, преодолевая слабость, встал к орудию.

Гитлеровские танкисты обнаружили зенитчиков после первого же выстрела. Приостановившись в воротах, танк стал посылать снаряд за снарядом. Но прежде чем вражеский артиллерист успел пристре-

ляться, метко пущенный снаряд зенитчиков угодил в фашистскую машину, и она, дымясь, осталась стоять в узких воротах, загораживая собою путь остальным танкам.

Но молодой лейтенант, который, несмотря на свою рану, лично наводил орудие, заплатил за этот успех жизнью. Последние силы покинули его, лейтенант упал на пушку, и подбежавшие к нему бойцы увидели, что их командир мертв.

Когда о его смерти доложили майору Гаврилову, командир отряда, своими глазами видевший этот подвиг танка и зенитки, тотчас же вызвал своего начальника штаба капитана Касаткина.

— Немедленно оформите ходатайство о присвоении посмертно звания Героя Советского Союза. Как только придут наши, я передам эту бумагу командованию.

Но этот документ, как и многие другие, пропал во время боев в крепости, и даже фамилия героя-артиллериста донныне остается неизвестной.

День уже клонился к вечеру, когда наступило недолгое затишье и огонь противника по крепости заметно ослабел. В это самое время бойцы, дежурившие у амбразур северного сектора кольцевых казарм, увидели, как на противоположном берегу Мухавца появилась фигура человека, одетого в форму советского командира. Человек, выбежав из-за земляного вала, стремительно метнулся к реке и, как был в одежде и сапогах, бросился в воду и поплыл через Мухавец к казармам. К счастью, враг пока еще не заметил его и вслед плывущему не раздалось ни одного выстрела.

Опасаясь провокации, стрелки у амбразур взяли неизвестного на прицел, настороженно наблюдая за ним. Но командир, видимо понимая, что его могут принять за вражеского лазутчика, уже подплывая к берегу, крикнул:

— Не стреляйте! Я свой!

В следующую секунду он выбежал на берег, и, прежде чем немецкий пулеметчик, лежавший на гребне вала, успел дать первую очередь, пришелец вско-

чил в ближайшее окно и оказался в безопасности в одном из казарменных отсеков среди бойцов, тотчас же обступивших его.

Те, которые служили в 44-м полку, сразу узнали в этом командире начальника полковой школы старшего лейтенанта Василия Бытко. До нитки мокрый, в полной командирской форме, даже с портупеей через плечо и с полученным в Финляндии орденом Красной Звезды на гимнастерке, он стоял перед своими бойцами, сжимая в руке еще теплый от недавних выстрелов пистолет. Оказалось, что Бытко сумел пробиться с боем сквозь кольцо вражеских войск, обложивших крепость, и пришел к осажденным, чтобы принять командование над подразделениями своей школы.

Весть о приходе старшего лейтенанта, который в одиночку сумел пройти через кольцо осады, была встречена защитниками крепости с восторгом. По всей линии северного сектора казарм вдруг прокатилось протяжное ликующее «ура», и вместе с этим возгласом из отсека в отсек передавалась волнующая новость о командире, пробившемся в крепость. А Бытко уже уверенно распоряжался, обходя линию обороны на этом участке, расставляя по-новому бойцов, давая указания сержантам и старшинам. Один вид этого волевого, энергичного командира вызывал у бойцов новый прилив сил, внушал им новые надежды на скорое освобождение, укреплял их волю к борьбе.

...Утром на третий день гитлеровцы предприняли сильную атаку из северной части крепости на центральные казармы. У моста и трехарочных ворот завязался упорный бой. Атаку удалось отбить, но при этом был тяжело ранен комсорг Матевосян, которого товарищи отнесли в подвал Белого дворца. Гитлеровцы, откатившись назад, больше не атаковали, но вскоре над Центральным островом загудели «юнкерсы», начавшие долгую и методическую бомбардировку казарм.

У защитников крепости бомбежка считалась как бы временем отдыха. Атаки немецкой пехоты прекращались с появлением самолетов, и тогда почти все

бойцы спускались в глубокие подвалы, где они были в безопасности от бомб. Только дежурные пулеметчики неизменно оставались на местах и лежали под бомбежкой, зорко следя, чтобы противник нигде не воспользовался ослаблением нашей обороны.

В этот день, 24 июня, бомбежка была особенно длительной, и такая долгая «передышка» позволила группе наших командиров, возглавлявших участки обороны в центре крепости, собраться на совещание. Обсудив обстановку и приняв необходимые решения, участники совещания составили приказ, который лейтенант Виноградов, сидя у подвального оконца, тут же набросал на нескольких листках бумаги.

Много лет спустя, уже после войны, при разборке крепостных развалин были найдены под камнями эти маленькие полуистлевшие листки. Из них впервые стали известны имена людей, взявших на себя в те страшные дни руководство обороной крепости.

В этом «Приказе № 1» от 24 июня 1941 года говорилось о том, что создавшаяся обстановка требует организации единого руководства обороной крепости для дальнейшей борьбы с противником и что собравшиеся командиры решили объединить все свои подразделения в одну сводную группу.

Опытному боевому помощнику командира 44-го полка, старому коммунисту, в прошлом участнику гражданской войны и участнику боев с белофиннами, капитану Ивану Николаевичу Зубачеву было поручено возглавить эту сводную группу. Его заместителем по политической части стал полковой комиссар Фомин, а начальником штаба группы — старший лейтенант Семененко. Приказ предписывал также всем средним командирам произвести учет своих бойцов и разбить их на взводы.

Дописать этот приказ не удалось: бомбежка кончилась, автоматчики снова кинулись в атаку, и командиры поспешили наверх к своим подразделениям. А затем бои приняли такой ожесточенный характер, что оказалось просто невозможно составить списки сражающихся бойцов: и состав подразделений и расположение наших сил все время менялись в зависи-

мости от постоянно меняющейся обстановки и все возрастающего натиска противника.

Но хотя «Приказ № 1» во многом оказался невыполненным и неисполнимым, он сыграл важную роль в обороне крепости. Организация единого командования в центре цитадели укрепила нашу оборону, сделала ее более прочной и гибкой.

БУДЕМ ДРАТЬСЯ ДО КОНЦА!

Давно смолк дальний гул пушек на востоке — фронт ушел за сотни километров от границы. Теперь в моменты ночного затишья вокруг крепости стояла тишина глубокого тыла, нарушаемая лишь ноющим гуденьем бомбардировщиков дальнего действия, проплывающих высоко в небе. Но затишье случалось редко. Обстрел крепости и атаки пехоты не прекращались ни днем, ни ночью, противник старался не давать осажденным отдыха, надеясь, что измотанный в этих непрерывных боях гарнизон вскоре капитулирует.

С каждым днем становились все более призрачными надежды на помощь извне. Но надежда помогала жить и бороться, и люди заставляли себя надеяться и верить. Время от времени стихийно возникал и мгновенно разносился по крепости слух о том, что началось наше наступление, что в район Бреста подходят наши танки. Эта весть вызывала новый прилив сил у бойцов, они с удвоенным упорством отстаивали свои рубежи, и еще яростнее становились их ответные удары по врагу. И хотя слухи о помощи всегда оказывались ложными, они возникали снова, и всякий раз им безоговорочно верили.

Когда однажды ночью над крепостью прошел отряд наших дальних бомбардировщиков, их тотчас же узнали по звуку моторов. А когда еще несколько минут спустя где-то далеко на западе, в районе ближайшего железнодорожного узла за Бугом, загромыхали глухие взрывы, все поняли, что советские самолеты бомбят эшелоны противника, и крепость возликовала. Люди закричали «ура», кое-где открыли огонь

по расположению врага, гитлеровцы всполошились, и их артиллерия тотчас же возобновила обстрел цитадели.

В другой раз над крепостью днем появился наш истребитель. Одинокий советский самолет, неведомо как залетевший сюда с далекого фронта, неожиданно вынырнул из-за облаков, снизился над Центральным островом и, сделав круг, приветственно покачал крыльями, на которых ясно были видны родные советские звезды. И такое восторженное, неистовое «ура» разом огласило всю крепость, что, казалось, летчик должен был услышать этот многоголосый крик, несмотря на оглушительный грохот снарядов и рев мотора своей машины.

А потом со стороны границы примчалось несколько «мессершмиттов», и настороженно притихшая крепость сотнями глаз взволнованно следила, как истребитель, отстреливаясь короткими очередями от нападающих врагов, уходит все дальше на восток, постепенно взбираясь все выше к спасительным облакам, пока, наконец, самолеты не растаяли в небе. Но весь этот день осажденные дрались с особенным подъемом, и даже многие тяжело раненные выползли на линию обороны с винтовками в руках. Никто не сомневался в том, что этот одинокий самолет был послан командованием, чтобы ободрить защитников крепости и дать им понять, что помощь не за горами. Как бы то ни было, неизвестный советский летчик сумел вдохнуть в защитников крепости новые силы и на время внушил им твердую уверенность в успешном исходе обороны.

Но время шло, помощь не приходила, и по всему становилось ясно, что обстановка на фронте сложилась пока что неблагоприятно для наших войск. И хотя люди еще заставляли себя верить, каждый в глубине души уже начинал понимать, что благополучный исход дня ото дня становится все более сомнительным. Впрочем, стоило кому-нибудь заикнуться вслух об этих сомнениях, как товарищи резко обрывали его. Среди осажденных как бы установилось молчаливое, никем не высказанное условие — не заговаривать

о трудностях борьбы, не допускать ни малейшей неуверенности в победе.

Будем драться до конца, каков бы ни был этот конец! Это решение, нигде не записанное, никем не произнесенное вслух, безмолвно созрело в сердце каждого защитника крепости. Маленький гарнизон, наглухо отрезанный от своих войск, не получавший никаких приказов от высшего командования, знал и понимал свою боевую задачу. Чем дольше продержится крепость, тем дольше полки пехоты врага, стянутые к ее стенам, не попадут на фронт. Значит, надо драться еще упорнее, выиграть время, сковать эти силы противника здесь, в его глубоком тылу, наносить врагу возможно больший урон и тем самым хоть немного ослабить его наступательную мощь. Значит, надо драться еще ожесточеннее, еще смелее, еще настойчивее и как можно дороже продать свою жизнь.

И они дрались с необычайным ожесточением, с невиданным упорством, проявляя удивительное презрение к смерти.

Гитлеровских генералов и офицеров, командовавших штурмом крепости, бесило это неожиданное для них упорство осажденных. Их части надолго застряли здесь, на первых метрах советской земли, тогда как авангарды наступающей немецко-фашистской армии уже овладели Минском и двигались дальше в направлении Смоленска и Москвы. В то время как там, на фронте, наступавшие войска стяжали победные лавры, получали ордена, захватывали в городах и селах богатые трофеи, здесь, у стен Брестской крепости, в глубоком тылу, немецких офицеров подстерегали не только меткие пули советских стрелков, но и явное неудовольствие своего командования. Из ставки Гитлера то и дело запрашивали, почему крепость еще не взята, и тон этих запросов с каждым днем становился все более недовольным и раздраженным. Но крепость продолжала сражаться, хотя осаждающие не останавливались ни перед какими мерами, чтобы скорее сломить сопротивление гарнизона.

Все новые батареи подтягивались к берегу Буга.

Уже без передышки, день и ночь, продолжался обстрел крепости. Мины дождем сыпались во двор цитадели, методично перепыхивая каждый квадратный метр территории, кромсая осколками кирпичные стены казарм, превращая в лохмотья железо крыш. Крупнокалиберные штурмовые орудия врага постепенно разрушали крепостные строения. С первых же дней гитлеровцы стали применять при обстреле снаряды, разбрызгивающие горючую жидкость, а вскоре в дополнение к ним в крепости появились немецкие огнеметы. Вперемежку с бомбами с самолетов, то и дело налетающих на крепость, сбрасывали бочки и баки с бензином, и порой некоторые участки крепости превращались в сплошное море огня.

Здесь и там стены зданий, служивших убежищем для защитников крепости, под бомбами и снарядами штурмовых пушек становились дымящимися развалинами, где, казалось, не могло остаться ничего живого. Но проходило немного времени, и из этих руин снова раздавались пулеметные очереди, трещали винтовочные выстрелы: уцелевшие бойцы, раненные, опаленные огнем, оглушенные взрывами, продолжали борьбу.

По ночам противник посылал к казармам группы своих диверсантов-подрывников. Таща за собой ящики с толом, они старались подползти к зданиям, занятым защитниками крепости, и заложить взрывчатку. Партии саперов пробирались в наше расположение по крышам и чердакам, спуская пачки тола через дымоходы. В темноте чердаков вспыхивали внезапные рукопашные и гранатные бои, здесь и там раздавались неожиданные взрывы, обрушивались потолки и стены, засыпая бойцов. Но и оглушенные, израненные, полужадавленные этими обвалами люди не выпускали из рук оружия. Вот как описана в немецком донесении одна из таких операций саперов: «Чтобы уничтожить фланкирование из дома комсостава на Центральном острове, туда был послан 81-й саперный батальон с поручением подрывной партией очистить этот дом. С крыши дома взрывчатые вещества были опущены к окнам, а фитили зажжены; были слышны крики,

стоны раненых при взрыве русских, но они продолжали стрелять».

Враг уже не гнушался никакими, самыми подлыми средствами, стремясь скорее подавить упорство осажденных. Захватив госпиталь и перебив находившихся там больных, группа автоматчиков, надев больничные халаты, попыталась перебежать в центральную крепость через мост у Холмских ворот. Но бойцы Фомина успели разгадать этот маскарад, и попытка врага была сорвана. В другой раз, атакуя на этом же участке, солдаты противника погнали перед собой толпу медицинских сестер, взятых в плен в госпитале, а когда наши пулеметчики огнем с верхнего этажа казарм отбили и эту атаку, гитлеровцы перестреляли женщин, за спинами которых им не удалось укрыться. Во время штурма Восточного форта фашисты выставили впереди своих атакующих цепей шеренгу пленных советских бойцов, и защитники форта слышали, как эти пленные кричали им: «Стреляйте, товарищи! Стреляйте, не жалейте нас!»

С первых дней враг стал засылать в крепость своих агентов, переодетых в форму советских бойцов и командиров. То это были провокаторы, которые делали вид, что они бежали из немецкого плена, и распускали всевозможные панические слухи, стараясь смутить дух осажденных. То это были прямые диверсанты, исподтишка поражавшие защитников крепости предательскими выстрелами в спину. Но уже вскоре наши войны научились распознавать лазутчиков врага, и их быстро вылавливали и уничтожали.

Каждый день над крепостью на смену бомбардировщикам появлялись маленькие трескучие самолеты, разбрасывавшие листовки. В этих листовках, заранее отпечатанных в Берлине, говорилось о том, что германские войска заняли Москву, что Красная Армия капитулировала и что дальнейшее сопротивление бессмысленно. Потом стали сбрасывать листовки с обращением непосредственно к гарнизону крепости, где гитлеровское командование, отмечая мужество и стойкость осажденных, пыталось доказать бесполезность борьбы и предлагало защитникам крепости «почетную

капитуляцию». Но на все призывы крепость отвечала огнем.

Когда наступали минуты затишья, в разных местах крепости начинали работать немецкие громкоговорящие установки. Они также передавали обращения к гарнизону, призывая осажденных сложить оружие и обещая всем сдавшимся «хорошее обращение, питание и заботливый уход за ранеными». Впрочем, день ото дня тон этих обращений становился все более угрожающим, и вкрадчивые уговоры сменялись зловещими ультиматумами, в которых защитникам крепости давалось на размышление полчаса или час, после чего противник грозил «стереть крепость с лица земли и смешать с землей ее гарнизон». Но и на эти угрозы бойцы отвечали выстрелами, а однажды в ответ на такую передачу над северными воротами крепости появилось полотнище, на котором кровью было написано: «Все умрем, но крепости не сдадим!»

Обычно после передачи очередного ультиматума немцы прекращали обстрел крепости и наступала мертвая тишина, нарушаемая лишь громким голосом диктора, время от времени повторявшего: «Осталось десять минут!», «Осталось пять минут!» И как только истекал назначенный срок, на крепость разом обрушивался шквальный огонь немецких пушек и минометов и начиналась жестокая бомбежка с воздуха.

При этом враг применял все более тяжелые фугасные бомбы, взрыв которых не выдерживали наиболее мощные крепостные строения, а в глубоких подвалах, где укрывались бойцы, трескались бетонные полы, и у людей от сотрясения воздуха шла кровь из носа и ушей.

Особенно ожесточенную бомбежку крепости принял противник в воскресенье 29 июня. На этот раз на цитадель было решено обрушить самые тяжелые бомбы.

С утра жители Бреста обратили внимание на то, что на крышах высоких зданий города сидят офицеры, глядя в бинокли в сторону крепости. Гитлеровцы заранее хвастливо говорили жителям, что сегодня защитники цитадели должны будут выбросить белый

флаг. В ясном летнем небе над крепостью закружились десятки бомбардировщиков, и тотчас же раздались мощные оглушительные взрывы бомб, от которых сотрясался весь город до самых дальних окраин и в стенах домов образовывались трещины, как при землетрясении. Крепость окутало дымом и пылью, и издали было видно, как там в страшных вихрях взрывов взлетают высоко вверх вырванные с корнем вековые деревья. Казалось, что и в самом деле после такой бомбежки в крепости не останется ничего живого.

Но когда бомбежка кончилась, а дым и пыль рассеялись, офицеры на крышах напрасно смотрели в бинокли — над развалинами и остатками зданий нигде не было видно белого флага. Можно было подумать, что там не осталось никого живого, но прошло несколько минут, и снова послышались пулеметные очереди и трескотня винтовок. Люди, невзвесть как уцелевшие среди этого урагана взрывов, продолжали борьбу.

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Тяжелейшие бомбежки, непрерывный артиллерийский и пулеметный обстрел, нарастающие атаки пехоты, огромное численное и техническое превосходство врага — все это делало невероятно трудной борьбу героического гарнизона Брестской крепости. Но это были трудности чисто военного характера, которые неизбежно сопровождают нелегкую профессию воина и к которым его загодя готовят. Только здесь они приняли свои крайние формы, возросли до высших степеней.

Однако с первых же дней осады ко всему этому прибавились трудности иного порядка, поставившие гарнизон в небывало тяжелые условия. Не только сама борьба, но и вся жизнь, весь быт осажденного гарнизона с самого начала обороны были отмечены сверхчеловеческим напряжением как физических, так и моральных сил людей. Эти особые условия и придают эпопее защиты Брестской крепости тот исклю-

чительно героический и трагический характер, который делает ее неповторимой страницей в истории Великой Отечественной войны.

Мужество защитников Одессы и Севастополя, железная стойкость ленинградцев, героические подвиги участников великой Сталинградской битвы, победы наших наступающих войск в 1944—1945 годах — все эти славные дела Советской Армии навсегда останутся в памяти человечества как непревзойденные образцы воинской доблести. Но поистине замечательные боевые качества, проявленные в этих сражениях советским воином и прочно утвердившие за ним славу лучшего солдата в мире, были бы немыслимы без той суровой школы, которую пришлось пройти нашим войскам в памятные первые месяцы войны. В десятках и сотнях арьергардных боев, в больших сражениях и в мелких стычках закалялось мужество, вырабатывалось и оттачивалось воинское мастерство наших бойцов и командиров; переживая горечь поражений, они укрепляли свою волю к борьбе, и на тяжелых дорогах отступления копилась в их сердцах та священная ненависть к врагу-захватчику, без которой была бы невозможна их будущая победа.

У защитников Брестской крепости не было позади этой суровой и долгой школы. То, что произошло здесь, на берегах Буга, 22 июня 1941 года и продолжалось более чем месяц, было их первым боевым крещением и для них как бы вместило в себя всю будущую войну. В кольце осады, засыпаемая снарядами и бомбами, крепость была как бы маленькой Одессой и маленьким Севастополем. Как героические ленинградцы, защитники цитадели с великим мужеством встречали невыносимые лишения, продолжая свою борьбу. Они стояли насмерть на развалинах крепости и дрались с таким же ожесточением, как герои Сталинграда.

Но Одесса и Севастополь, Ленинград и Сталинград каждый день и час ощущали живую, неразрывную связь с Родиной. Вся могучая Отчизна была с ними в эти дни, весь народ с волнением следил за ними, воля великой Коммунистической партии постоян-

но вдохновляла их в неравной борьбе, и все их действия уверенно и твердо направлялись Верховным Главнокомандованием. Вся страна заботилась о том, чтобы гарнизоны городов-героев, осажденные, отрезанные, блокированные врагом, ни в чем не испытывали нужды. Радио и газеты разносили по всему миру вести об их героической борьбе, и имена отважных воинов были у всех на устах.

Всего этого были лишены защитники Брестской крепости. В самый грозный и страшный час в жизни народа, когда сердце каждого советского человека было полно глубокой тревоги за судьбы Родины, стена огня и смерти наглухо отгородила маленький гарнизон, сражающийся у границы, и единственными известиями, проникавшими к ним извне, были лживые сообщения немецких листовок и немецких радиоагитаторов, твердивших о разгроме Советской Армии, о падении Москвы, о капитуляции Советского Союза. Они не получали никаких приказов своего командования, им не сбрасывали с самолетов боеприпасов и продуктов, о них не писали в газетах, и страна даже не знала о том, что они ведут борьбу. Обращаясь мыслями к Родине, к ушедшим на восток товарищам, к своим родным и близким, они испытывали чувство мучительной, тревожной неизвестности. Обращаясь мыслями к своей судьбе, они не могли видеть впереди ничего, кроме смерти, позора и унижений вражеского плена, и невольно думали о том, что, быть может, никто никогда не узнает об их героической борьбе и даже имена их навсегда останутся неизвестными их народу. И все-таки они продолжали бороться, потому что Родина, от которой они были отрезаны врагом, жила в сердце каждого из защитников крепости. Они вели эту борьбу не ради славы, даже не ради своей жизни, они просто выполняли свой воинский долг перед Отчизной, глубоко веря в то, что рано или поздно, но враг будет изгнан с родной земли.

Даже бывалому фронтовику, прошедшему сквозь огонь самых жарких сражений Великой Отечественной войны, трудно себе представить ту невообразимо

тяжелую обстановку, в которой с начала и до конца пришлось бороться гарнизону Брестской крепости.

Здесь каждый метр земли был не один раз перепахан бомбами, снарядами и минами. Здесь воздух был пронизан свистом осколков и пуль, и грохот взрывов не затихал ни днем, ни ночью, а недолгая тишина, которая наступала после оглашения очередного вражеского ультиматума, казалась еще более страшной и зловещей, чем ставший уже привычным обстрел.

Зажигательные бомбы, снаряды, огнеметы, разбрызгивавшие горючую жидкость, баки с бензином, которые сбрасывали с самолетов, делали свое дело. В крепости горело все, что могло гореть. Эти пожары возникли на рассвете 22 июня и не прекращались ни на час в течение более чем месяца, то слегка затухая, то разгораясь в новых местах, и в безветренную погоду над крепостью всегда стояло, не рассеиваясь, густое облако дыма.

Несколько дней на плацу перед западным участком казарм, где дрались группы стрелков 44-го полка, горели машины стоявшего здесь автобатальона, и едкий запах паленой резины, стлавшийся вокруг, душил бойцов. В северо-западной части кольцевого здания долго пылал большой склад с обмундированием, и вокруг стоял такой удушливый дым, что бойцы 455-го полка, занимавшие соседние отсеки казарм, вынуждены были надевать противогазы.

Огонь проникал даже в подвалы. Кое-где в этих подвалах от многодневных пожаров развивалась такая высокая температура, что впоследствии на каменных сводах остались висеть большие застывшие капли расплавленного кирпича.

А как только начинался обстрел, с пеленой дыма смешивались облака сухой горячей пыли, поднятой взрывами и пропитанной едким запахом пороховой гари. Пыль и дым сушили горло и рот, проникали глубоко в легкие, вызывая мучительный, судорожный кашель и нестерпимую жажду.

Стояли жаркие летние дни, и с каждым днем становился все более нестерпимым запах разложения.

По ночам защитники крепости выползали из укрытий, чтобы убрать трупы. Но убитых было столько, что их не успевали даже слегка присыпать землей, а на следующий день солнце продолжало свою разрушительную работу, и лишь изредка, когда поднимался ветер, эта страшная атмосфера тления немного разрежалась, и люди с жадностью глотали струи свежего воздуха.

Были и другие, еще более тяжелые лишения.

Не хватало пищи. Почти все продовольственные склады были разрушены или сторели в первые часы войны. Но прошло некоторое время, прежде чем эта потеря дала себя знать. Сначала, в предельном нервном напряжении боев, людям не хотелось есть. Только на второй день начались поиски пищи. Кое-что удалось добыть из разрушенных складов, небольшой запас продуктов оказался в полковых столовых. Но всего этого было слишком мало, и с каждым днем голод становился мучительнее. Иногда, обыскивая убитых вражеских солдат, бойцы находили в их ранцах запас галет, несколько кусков сахару или плитку шоколада, но эти находки отдавали прежде всего раненым, детям и женщинам, укрывавшимся в подвалах. В маленькой кладовой около кухни 44-го полка оказалась бочка сливочного масла, которого хватило на два дня. Бойцы 84-го полка на третий день нашли в развалинах столовой полмешка сырого гороха и его по приказанию Фомина разделили на всех, бережно отсчитывая по горошине. Потом начали есть мясо убитых лошадей, но жара вскоре лишила защитников крепости и этой пищи. Люди превращались в ходячие скелеты, их руки и ноги — в кости, обтянутые кожей, но руки эти продолжали крепко сжимать оружие, и голод был не в силах задушить волю к борьбе.

Не было медикаментов, перевязочных средств. Уже в первый день было так много крови и ран, что весь наличный запас индивидуальных пакетов и бинтов израсходовали. Женщины разорвали на бинты свое белье, то же самое сделали с оставшимися в казармах простынями и наволочками. Но и этого не хватало. Люди наспех перетягивали свои раны чем

попало или вообще не перевязывали их и продолжали сражаться.

Десятки тяжело раненных умирали от заражения крови. Другие оставались в строю, несмотря на потерю крови и мучительную боль.

В этих условиях медицинские работники, находившиеся в рядах защитников крепости, делали все возможное, чтобы облегчить страдания раненых воинов, и самоотверженно исполняли свой долг, проявляя при этом подлинный героизм.

С первых минут войны под огнем оказывала помощь раненым старший военфельдшер 333-го полка Валентина Раевская. Забыв об опасности, она работала, пока сама не была тяжело ранена осколком немецкого снаряда. Как и других, ее отнесли в подвал здания, где жены командиров взяли на себя заботу о раненых. Но тут, как и везде, тоже нечем было делать перевязки, отсутствовали медикаменты, и раненые жестоко страдали.

Их выручил тот же вездесущий Петя Клыпа — четырнадцатилетний трубач. Вместе с товарищем он под огнем пробрался к разрушенному складу какой-то санитарной части и из-под развалин добыл небольшой запас бинтов и различных лекарств. Десятки раненых были спасены от смерти благодаря этим смелым мальчикам.

Настоящей героиней Брестской крепости была молодая женщина военфельдшер Раиса Абакумова. Как только раздались первые взрывы снарядов, она, оставив дома старую мать и схватив санитарную сумку, кинулась к мосту, ведущему в центральную крепость, где огонь врага был особенно сильным. На дороге у моста уже лежали десятки раненых. Вокруг то и дело рвались немецкие снаряды и мины, тонко посвистывали пули, рев самолетов и вой бомб не затихал в воздухе, но Абакумова, перебегая от одного раненого к другому, делала перевязки, переносила бойцов в укрытие и остановилась только тогда, когда запас бинтов в сумке был исчерпан.

Потом она вспомнила, что по соседству в домах

комсостава остались женщины с детьми, и побежала туда. Собрав жен и детей командиров из ближайших домов, она повела их к валам Восточного форта, видневшимся неподалеку. Они укрылись в одном из фортовых казематов, и майор Гаврилов, принявший эту группу под свое командование, тут же поручил Раисе Абакумовой и сопровождающим ее женщинам организовать уход за ранеными.

Эту высокую красивую молодую женщину с умелыми заботливыми руками медика знали все защитники форта. Она не раз появлялась в передовых цепях обороняющихся, смело шла под пули, буквально из-под носа врага выхватывая раненых. В маленьком госпитале, организованном под ее руководством в форту, она, при отсутствии бинтов и медикаментов, ухитрялась находить способы, чтобы облегчать страдания людей. На бинты рвали рубашки бойцов, вместо шин шли в ход обломки досок, разбитые лежа винтовок.

Когда в соседнем валу бойцы обнаружили небольшой запас льда, Раиса Абакумова тотчас же отправилась туда. Это была опасная экспедиция: чтобы попасть в соседний вал, приходилось ползком преодолевать открытое пространство, находившееся под обстрелом гитлеровского пулемета. Не один раз ползала туда смелая женщина, чтобы этим льдом хоть немного утолить жажду раненых бойцов.

Раиса Абакумова до конца выполнила свой долг военного медика. Когда много дней спустя обстановка в форту стала безнадежной и командование решило отправить в плен женщин и детей, она отказалась идти с ними и вместе со старухой матерью осталась со своими ранеными, твердо решив разделить их судьбу, какой бы она ни была.

Много тяжелейших испытаний выпало в дни обороны на долю защитников крепости. Но, пожалуй, самой жестокой мукой как для раненых, так и для здоровых бойцов была постоянная, сводящая с ума жажда. Как это ни странно, но в крепости, стоящей на островах и окруженной со всех сторон рукавами рек и обводными каналами, не было воды.

Водопровод вышел из строя в первые же минуты немецкого обстрела. Колодцев внутри крепости не было, не было и запасов воды. В первый день удавалось набирать воду из Буга и Мухавца, но как только противник вышел к берегу, он установил в прибрежных кустах пулеметы, обстреливая все подступы к воде. Теперь все такие вылазки за драгоценной водой большей частью кончались гибелью смельчаков, и жажда стала самой страшной и неразрешимой проблемой. Даже ночью подползти к реке было очень опасно: по всей линии берега непрерывно взлетали немецкие осветительные ракеты, ярко озарявшие все вокруг, и пулеметы врага, как чуткие сторожевые псы, наперебой заливались трескучими злыми очередями, отзываясь на малейший шорох, на малейшее движение в прибрежных травах.

И все же ночами отдельные бойцы доставали воду. Стиснув зубами металлическую дужку котелка, плотно прижимаясь к земле и поминутно замирая на месте при взлете очередной ракеты, пластун осторожно подползал к реке. Оттолкнув в сторону трупы гитлеровцев, густо плавающие у самого берега, он, стараясь не плескаться, зачерпывал котелком воду и так же медленно и бесшумно совершал свой обратный путь. И когда он, бережно неся в обеих руках свою драгоценную ношу, проходил по отсекам казарм, люди старались не смотреть на добытую им воду — они не претендовали ни на каплю ее. Вся вода поступала в подвалы — для детей и раненых, и эту воду, мутную и розоватую от крови, с величайшей тщательностью делили между ними, отмеряя каждому на один скупой глоток с помощью крышечки от немецкой фляги.

А тем, кто оставался в строю, воды не полагалось, и лишь тогда, когда они кидались в контратаку, преодолевая вброд Мухавец под огнем немецких пулеметов, кое-кто на бегу успевал сделать один-два глотка. А в остальное время жажда терзала их, а жара, дым и пыль удесятворяли эти мучения. Спазмой стягивало пересохшее горло, рот казался сделанным из сухой пыльной кожи, распухал, становился нестерпимо шершавым и колючим язык, на котором не было

ни капли слюны. Жаркий воздух словно огнем жег легкие при каждом вздохе. И если обессиленный, изнуренный жаждой и бессонницей боец на несколько минут забывался в короткой дремоте, кошмары преследовали его — ему снилась вода: реки, озера, целые океаны свежей, прохладной, целительной воды, и задремавший, проснувшись от выстрелов или от толчка более бдительного соседа, готов был кричать от бешенства, поняв, что все виденное было только сном. И случалось, что человеческие силы не выдерживали этой муки, и люди от жажды сходили с ума.

В подвалах штыками и ножами пытались рыть ямы. Земля осыпалась, ямки оказывались неглубокими, и воды в них почти не было. На участке 84-го полка в таком колодце за день собиралось меньше котелка воды, которой не хватало даже для тяжелораненых. Более глубокий колодец выкопали бойцы в районе Восточного форта, но оказалось, что в этом месте когда-то располагалась конюшня и проходил сток нечистот, — вода в колодце была зловонной, и люди не могли ее пить.

Как о небывалом чуде люди мечтали о дожде, но день за днем небо оставалось безоблачным, и горячее летнее солнце по-прежнему беспощадно жгло землю. С каждым днем неистовая, доводящая до помешательства жажда становилась все более нестерпимой.

Но при всей непомерной тяжести этих лишений воинам было еще тяжелее видеть страдания женщин и детей. Командиры, семьи которых находились здесь, в крепостных подвалах, в бессильном отчаянии наблюдали, как смерть от голода и жажды с каждым днем все ближе подкрадывается к их детям, женам и матерям. С нежностью и болью бойцы смотрели на обессиленных, исхудалых ребятишек, готовые пожертвовать всем, лишь бы хоть немного облегчить их участь. Воду, пищу, которую удавалось добыть, прежде всего несли детям, и даже тяжелораненые отказывались от своей скудной доли в пользу малышей.

Несколько раз женщинам предлагали взять детей и идти сдаваться в плен. Но они наотррез отказывались, пока еще можно было хоть чем-нибудь поддер-

живать силы ребят. Мысль о фашистском плене была им так же ненавистна, как и мужчинам — защитникам крепости.

Женщины перевязывали раны бойцов, о тяжело-раненых они заботились так же нежно, как о своих детях. Некоторые женщины и девушки-подростки бесстрашно шли под огонь, поднося обороняющимся боеприпасы. А были и такие, которые, взяв в руки оружие, становились в ряды защитников крепости, сражались плечом к плечу со своими мужьями, отцами и братьями.

ТАК УМИРАЛИ ГЕРОИ

В непрерывных ожесточенных боях, в огне непрекращающегося обстрела и яростных бомбежек бесконечно длинной чередой проходили дни, похожие друг на друга. Каждое утро, когда со стороны города над крепостью, окутанной пеленой дыма и пыли, вставало солнце, оживали надежды людей на то, что этот день будет последним днем их испытаний и что, может быть, именно сегодня они, наконец, услышат на востоке долгожданный гул советских орудий. И каждый вечер, когда солнце садилось за оголенными деревьями Западного острова, вместе со светом дня угасали и эти надежды.

Однако уже с первых дней защитники крепости решили не ограничиваться пассивным ожиданием помощи и не только отбивать атаки врага, но и попытаться самим прорвать кольцо осаждающих войск. За городом далеко на восток простирались обширные леса и непроходимые болота, тянущиеся через всю Белоруссию, а в нескольких десятках километров к северо-востоку от крепости начиналась дремучая Беловежская Пуща. Если бы удалось прорваться в эти леса, там можно было бы успешно продолжать борьбу, стать партизанами и с боями постепенно продвигаться к фронту.

Начиная с 24 июня почти на всех участках обороны крепости делались попытки прорыва. Но враже-

ское кольцо было плотным, гитлеровцы держались настороже. Лишь отдельным небольшим группкам бойцов удалось выйти из осажденной крепости, а в большинстве своем ночные атаки захлебывались под огнем пулеметов, и уцелевшие участники этих прорывов после жаркого и безрезультатного боя вынуждены были отступать назад, к казармам, каждый раз недосчитываясь многих своих товарищей.

Наиболее организованные и упорные попытки прорыва предпринимались на участках 44-го и 84-го полков под командованием Зубачева, Фомина, Семененко и Бытко. Прорываться решили на северо-восток и на север, и поэтому уже с 24 июня основная масса бойцов, сражавшихся на Центральном острове, сосредоточилась в северном полукольце казарм на берегу Мухавца. В южном и западном секторах, а также в клубе и Белом дворце были оставлены лишь группы прикрытия.

Вечером 25 июня среди бойцов и командиров, сражавшихся на северном участке Центрального острова, был оглашен боевой приказ командования сводной группы. Командование приказывало лейтенанту Виноградову сформировать авангардный отряд в количестве 100—120 бойцов с тем, чтобы днем 26 июня прорвать кольцо осады противника и вырваться в сторону города. В случае удачи этого прорыва в пробитую головным отрядом брешь должны были устремиться и главные силы гарнизона центральной крепости.

Всю ночь лейтенант Виноградов формировал свой отряд. Это был опытный боевой командир, еще в 1940 году награжденный за мужество и доблесть орденом Красной Звезды. Решительно и умело действовавший в первые дни обороны крепости, он уже успел завоевать прочный авторитет среди защитников цитадели.

К 11 часам утра отряд Виноградова сосредоточился на исходных позициях — близ трехарочных ворот цитадели. Заметив движение в этом районе, гитлеровцы принялись обстреливать его из артиллерии, но Виноградов умело укрыл своих бойцов. К полудню

все было готово, и лейтенант явился к Зубачеву и Фомину, прося разрешения начать операцию.

В то время как пулеметы из окон казарм ударили по немецким огневым точкам, расположенным на земляном валу по ту сторону Мухавца, Виноградов во главе своих бойцов рывком преодолел мост. Ворвавшись на вал, отряд подавил огонь врага и тотчас же двинулся на восток по берегу реки. Идти пришлось с упорным боем, но уже вскоре Виноградов вывел своих людей за внешние валы крепости. С минуты на минуту лейтенант ждал подхода главных сил, но они задерживались, и Виноградов двинулся с отрядом дальше на восток.

К семи часам вечера наполовину поредевший отряд вышел к южной окраине Бреста, где пролегалo Московское шоссе, по которому в это время потоком шли колонны гитлеровских войск. Было еще светло, и противник сразу заметил группу Виноградова. Развернулась в боевые порядки вражеская пехота, охватывая отряд кольцом, на прямую наводку выезжали орудия, и сзади с ревом подходило десятка полтора фашистских танков.

Они были застигнуты на открытом поле и, заняв круговую оборону, приняли бой. Но бой этот был слишком неравным, и вскоре группа Виноградова оказалась почти полностью уничтоженной, а тяжело контуженный командир и несколько истекавших кровью бойцов без сознания попали в плен.

Главному ядру защитников цитадели так и не удалось прорваться вслед за отрядом Виноградова. Гитлеровцы успели перебросить к месту прорыва новые силы и прочно закрыли пробитую брешь. Отряд Фомина и Зубачева, попытавшийся форсировать Мухавец, был отброшен назад с большими потерями.

Но намерение прорвать кольцо осады не было оставлено. Командиры приняли решение организовать теперь прорыв под покровом ночной темноты, и с тех пор эти попытки предпринимались каждую ночь.

В самую темную, предрассветную часть ночи два больших отряда, разделенных между собой воротами, готовились к броску вдоль всей линии северных ка-

зарм. Одной из этих групп прорыва командовал полковой комиссар Фомин, другую возглавлял старший лейтенант Бытко. В то же время часть бойцов под командованием Зубачева занимала позиции у окон второго этажа, готовясь огнем поддержать атаку товарищей.

Отражаясь в спокойном ночном зеркале Мухавца, на противоположном берегу то и дело взлетали очереди ракет, и в их колеблющемся свете за рекой виднелась черная стена земляного вала, занятого немцами. Время от времени оттуда, из-за вала, протягивались в сторону Центрального острова светящиеся пунктиры трассирующих пуль и доносились короткие очереди пулеметов, иногда в ночном небе слышался свистящий шелест пролетающих над казармами снарядов и во дворе грохали взрывы. Стоя в простенках у окон, выходящих на Мухавец, собравшись группами у ворот, бойцы чутко вслушивались и всматривались в очертания противоположного берега, напряженно ожидая команды. И когда, наконец, по всей линии атаки со скоростью электрической искры проносилась команда «Вперед!», люди разом бросались на мост, выскакивали из окон на берег и, поднимая над головой оружие, стремительно шли по вязкому, илистому дну Мухавца без выстрелов, без криков.

Но им удавалось выиграть всего несколько секунд. При свете ракет противник почти тотчас же обнаруживал атакующих. Огоньки автоматных и пулеметных очередей сверкали по всему гребню вала, Мухавец закипал под пулями, и на мост с двух сторон обрушивался многослойный огонь пулеметов. Только тогда по всей линии атаки раскатывалось злое, яростное «ура», раздавались первые выстрелы и бойцы Зубачева из окон казарм начинали обстреливать огневые точки на валу.

Удержать огнем этот первый натиск атакующих бойцов было невозможно. Люди тонули в темной воде Мухавца, падали на мосту, но мимо убитых и раненых сквозь пулеметный огонь неистово рвались вперед другие, строча из автоматов, забрасывая

гранатами противника на валу. Бойцы врывались на вал, яростно работая штыками; и здесь и там огонь врага оказывался подавленным.

Но поблизости, за валом, у немцев наготове стояли подкрепления. Свежие роты автоматчиков бросались на помощь своим, и тотчас же сказывалось численное и огневое превосходство противника. Продвижение атакующих приостанавливалось, и командиры, видя, что дальнейшие попытки привели бы к большим и напрасным потерям, отводили остатки своих отрядов назад, за реку. Удрученные неудачей, подавленные гибелью товарищей, люди возвращались в казармы, чтобы на следующую ночь с еще большим упорством повторить попытку прорыва. Так продолжалось несколько ночей подряд, но с каждым разом атакующих становилось все меньше. Противник подтягивал на опасное направление все новые силы, и кольцо осады уплотнялось. Но какой бы дорогой ценой ни оплачивались эти попытки, они были последней надеждой осажденных, и в их отчаянном натиске выплескивалось наружу все, что переполняло сердца бойцов, — неудержимая, ищущая выхода ненависть к врагу, жгучее желание сойтись с ним грудь с грудью, поразить его своей рукой.

Наконец всем стало ясно, что дальнейшие атаки приведут только к полному истреблению гарнизона и ускорят захват крепости противником. Ночью 28 июня очередная попытка прорыва была отбита немцами с особенно большими потерями для атакующих, и в казармы вернулась едва ли половина людей. И тогда один из бойцов, сопровождавший Фомина, при свете очередной немецкой ракеты увидел, что исхудалое, заросшее и закопченное лицо комиссара мокро от слез. Комиссар, все эти дни неизменно сохранявший спокойствие и уверенность, невольно передававшиеся бойцам, сейчас плакал слезами гнева и отчаяния, в которых как бы слились воедино и сознание своего бессилия спасти людей, и острая душевная боль при мысли о погибших, и щемящее предчувствие неизбежной и мрачной судьбы тех, кто пока еще оставался в живых.

Никто другой не заметил этих слез, и комиссар тотчас же справился с минутной слабостью — уже вскоре все услышали его обычный ровный голос, отдающий распоряжения. В конце концов даже тогда, когда все надежды вырваться из окружения были потеряны и почти не оставалось веры в то, что на помощь подоспеют свои, борьба все-таки сохраняла свой последний смысл. Цель была в том, чтобы продержаться как можно дольше, сковывая силы противника у стен крепости, и уничтожить в боях как можно больше врагов, дорого продавая свою жизнь.

С этой ночи попытки прорыва на участке 44-го и 84-го полков были прекращены.

Такое решение было продиктовано не только большими потерями осажденных, но и нехваткой боеприпасов. В обороне можно было более расчетливо, экономно тратить патроны и гранаты, добывать которые удавалось теперь лишь с невероятным трудом.

То, что вначале было найдено в уцелевших или полуразрушенных складах боепитания, скоро израсходовали, отражая непрерывные атаки врага. Бойцы ухитрились пополнять запасы даже из тех складов, которые горели и где поминутно в огне рвались с громким треском запакованные в ящиках патроны. Люди бесстрашно бросались в огонь и, ежесекундно рискуя жизнью, выхватывали ящики из горящих штабелей. Но и этого не могло хватить надолго.

День ото дня недостаток боеприпасов давал себя чувствовать все сильнее. Каждая граната, каждый патрон были на счету. Если боец падал убитым, не израсходовав своего боезапаса, его патроны и гранаты тотчас же брал другой. С первых же дней стали снимать оружие и подсумки с патронами с убитых гитлеровцев. Пробираясь ползком под огнем, бойцы обшаривали каждый труп в немецком мундире, и как ни сильно мучали людей голод и жажда, руки первым делом тянулись не к фляжке с водой, не к пище, которую можно было иногда обнаружить в карманах убитых. Сумка с патронами, автомат и гранаты на длинных деревянных ручках были самыми желанными находками.

Постепенно становились ненужными и бесполезными пулеметы и автоматы советских марок, винтовки, наганы и пистолеты «ТТ» — патронов к ним не было. Большинство бойцов сражалось с врагом его же собственным оружием — немецкими автоматами, подобранными на поле боя или захваченными во время контратак. А пополнять боезапас защитникам крепости приходилось необыкновенным способом, который, вероятно, не применялся никогда больше за всю Великую Отечественную войну.

Как только запас патронов подходил к концу, бойцы прекращали огонь из окон казарм, делая вид, что сопротивление их сломлено и они отступили на этом участке. Не отвечая на выстрелы врага, люди укрывались за простенками окон, ложились у стен так, чтобы автоматчики не могли заметить их снаружи.

Непрерывно обстреливая окна, осторожно и недоверчиво солдаты противника приближались вплотную к казармам. Вытянув шею, автоматчики с подозрением заглядывали в окна, но рассмотреть, что делается в помещении, мешали толстые метровые стены. Тогда в окна летели гранаты. Гулкие взрывы грохотали в комнатах, осколки, разлетаясь, порой убивали или ранили притаившихся в засаде бойцов, но, готовые к этому, люди ничем не выдавали своего присутствия, и противник убеждался, что гарнизон покинул свои позиции. Автоматчики с торжествующими криками толпой врываются внутрь сквозь окна и двери, и на них тотчас же кидались бойцы, врукопашную уничтожали врагов и завладевали их оружием и боеприпасами.

Так добывали патроны много раз. Но все равно их было слишком мало — враг наседал все сильнее, и, зная, какой ценой достаются боеприпасы, бойцы расходовали их скупой и расчетливой стараясь, чтобы каждая пуля попала в цель. И когда однажды кто-то из бойцов в присутствии Фомина сказал, что последний патрон он оставит для себя, комиссар тотчас же возразил ему, обращаясь ко всем:

— Нет, друзья, и последний патрон надо тоже по-

сылать во врага. Умереть мы можем и в рукопашном бою, а патроны должны быть только для них, для фашистов.

Немцам удалось занять большинство помещений в юго-восточной части казарм, откуда ушли основные силы бойцов 84-го полка. Шли упорные бои за клуб и Белый дворец, и здания эти по нескольку раз переходили из рук в руки. Все чаще немецкие танки проникали через трехарочные ворота во двор Центрального острова. Они подходили вплотную к казармам и прямой наводкой в упор били по амбразурам окон, а иногда и врывались внутрь здания через большие, широкие двери складских помещений первого этажа. Однажды на участке 455-го полка немецкий танк вошел в казарменный отсек, над дверью которого наш санитар вывесил большое, заметное издали полотнище с красным крестом. Здесь, в этом отсеке, на бетонном полу лежали тяжелораненые. Крик ужаса вырвался у всех при виде появившегося в дверях танка, а машина, на мгновение приостановившись, со злобным ревом ринулась внутрь прямо по лежащим телам. Танк резко притормозил на середине помещения и вдруг, скрежетнув гусеницей, принялся вертеться по полу, безжалостно давя беззащитных людей...

Как ни упорно сопротивлялись защитники крепости, враг постепенно одолевал их. С каждым днем перевес его становился все более подавляющим.

В этих условиях не имело никакого смысла дальнейшее пребывание в крепости женщин и детей. Их неминуемо ждала смерть от голода и жажды или гибель под развалинами от тяжелых бомб, которые авиация противника ежедневно сбрасывала на крепость. Как ни жесток был враг, как ни тяжело и ни унижительно было попасть в его руки, все же оставалась надежда на то, что он пощадит женщин и детей. Вот почему решено было отправить их в плен.

Когда весь израненный, но оставшийся в строю бойцов начальник погранзаставы лейтенант Андрей Кижеватов пришел в подвал казарм 333-го полка,

чтобы сообщить об этом решении, женщины стали протестовать.

— Не гоните нас на муки, — со слезами упрашивали они. — Все равно убьют нас фашисты да еще мучить будут. Лучше уж сами перестреляйте нас здесь вместе с ребятами.

Но Кижеватов был непреклонен, заявив, что таков приказ командования.

— Вы-то что станете делать? — спросила у него одна из женщин.

— Мы принимали присягу и будем выполнять ее до конца, — ответил Кижеватов. — Так и передайте нашим, когда они придут.

Бойцы смастерили белый флаг, и женщины, взяв на руки детей, вышли к берегу Буга и сдались в плен.

Такая же сцена произошла в убежище, где находились жены и дети командиров 98-го противотанкового артиллерийского дивизиона.

— Вы должны постараться спасти детей, — сказал женщинам старший политрук Нестерчук, командовавший обороной на этом участке. — Но будьте готовы ко всему — к унижениям, издевательствам, побоям и даже к смерти. Помните, что вы обязаны вынести все во имя нашей Родины и во имя своих детей.

Четырнадцатилетняя дочка Нестерчука Лида, еще в первые дни отбившаяся от матери и брата и оказавшаяся вместе с отцом, громко плакала и просила оставить ее в крепости. Но Нестерчук не согласился. Лида слышала, как он сказал одному из командиров:

— Нет, пусть она уходит — у меня не поднимется рука застрелить ее, когда наступит конец. В моем пистолете осталось два патрона — один для врага, другой для себя.

И Лида вместе с другими женщинами и детьми была отправлена в плен.

Ожесточение боев все росло. Торопясь покончить с крепостным гарнизоном, противник, не считаясь с потерями, бросал на штурм все новые силы.

В последние дни июня особенно напряженная борьба шла на северном участке Центрального ост-

рова, около трехарочных ворот, где сражались бойцы Зубачева и Фомина — главное ядро осажденного гарнизона. Немцам удалось занять несколько казарменных отсеков, примыкающих к трехарочным воротам с запада, но затем группа Бытко, державшая здесь оборону, остановила продвижение автоматчиков внутри кольцевого здания. А бойцы Фомина и Зубачева срывали все попытки врага закрепиться в восточном крыле казарм. Это крыло было тупиковым, и стоило противнику прочно занять первые помещения, примыкающие к трехарочным воротам с востока, автоматчики смогли бы теснить наших стрелков внутри здания в сторону тупика. Эту опасность сознавали все, и борьба за помещения, смежные с воротами, отличалась крайним ожесточением. По несколько раз в день автоматчики врываются туда, но тотчас же, передаваемый из отсека в отсек, по всей линии восточного крыла казарм проносился тревожный сигнал: «Немцы в крайних комнатах!», и бойцы, не ожидая команды, дружно бросались отбивать эти помещения в бешеной рукопашной схватке. Так продолжалось изо дня в день, и вскоре крайние помещения были до половины окон завалены убитыми гитлеровцами и телами советских бойцов, но и на этих горах трупов по-прежнему яростно дрались гранатами, штыками, прикладами, и всякий раз противнику не удавалось закрепиться в этих ключевых комнатах.

Тогда к воротам были посланы команды подрывников. Как только начиналась очередная атака автоматчиков, подрывники по крышам и чердакам пробирались в восточное крыло казарм. Мощные толковые заряды спускались по дымовым трубам в первые этажи, внезапные взрывы обрушивали на головы бойцов потолки и стены, и здание постепенно, метр за метром, превращалось в развалины, под которыми гибли последние защитники этого рубежа.

Здесь, отбиваясь от наседавших автоматчиков, был похоронен под грудой камней писарь штаба 84-го полка рядовой Федор Исаев, хранивший у себя на груди боевое знамя полка. Здесь, израненные и обессиленные, были захвачены в плен дравшиеся вместе с Фо-

миным и Зубачевым политрук Петр Кошкаров, бойцы Александр Филь, Иван Дорофеев, Александр Ребзуев и другие.

Еще более трагичной была судьба полкового комиссара Фомина. Оглушенный взрывом, полузасыпанный камнями, он вместе с несколькими бойцами был извлечен немцами из-под развалин. Пленных привели в чувство и под сильным конвоем погнали к Холмским воротам, где их встретил гитлеровский офицер, хорошо говоривший по-русски и приказавший автоматчикам тщательно обыскать каждого из них.

Все документы советских бойцов были давно уничтожены по приказу Фомина. Сам комиссар был одет в простую солдатскую стеганку и гимнастерку без знаков различия. Исхудалый, обросший бородой, в изодранной одежде, он ничем не отличался от других пленных, и бойцы надеялись спасти его жизнь.

Но среди попавших в плен оказался предатель, который не перебежал раньше к врагу, видимо, только потому, что боялся получить пулю в спину от советских бойцов. Теперь наступил его час, и он решил выслужиться перед гитлеровцами. Лъстиво улыбаясь, он выступил из шеренги пленных и обратился к офицеру:

— Господин офицер, вот этот человек не солдат, — вкрадчиво сказал он, указывая на Фомина. — Это комиссар, большой комиссар. Он велел нам драться до конца и не сдаваться в плен.

Офицер отдал короткое приказание, и автоматчики вытолкнули Фомина из шеренги. Улыбка сползла с лица предателя — воспаленные, запавшие глаза пленных смотрели на него с немой угрозой. Один из немецких солдат подтолкнул его прикладом, и, сразу стусевавшись и блудливо бегая глазами по сторонам, предатель снова стал в шеренгу.

Несколько автоматчиков по приказу офицера окружили комиссара кольцом и повели его через Холмские ворота на берег Мухавца. Минуту спустя оттуда донесли очереди автоматов.

В это время недалеко от ворот на берегу Мухавца находилась еще одна группа пленных советских бой-

цов. Среди них были и бойцы 84-го полка, сразу узнавшие своего комиссара. Они видели, как автоматчики поставили Фомина у крепостной стены, как комиссар вскинул руку, что-то крикнул, но голос его тотчас же был заглушен выстрелами.

Так погиб полковой комиссар Ефим Фомин, верный сын Коммунистической партии, один из главных организаторов и руководителей героической обороны Брестской крепости.

Остальных пленных спустя полчаса под конвоем вывели из крепости. Уже в сумерки их пригнали к небольшому каменному сараю на берегу Буга и здесь заперли на ночь. А когда на следующее утро конвоиры открыли двери и раздалась команда выходить, немецкая охрана не досчиталась одного из пленных. В темном углу сарая на соломе валялся труп человека, который накануне предал комиссара Фомина. Он лежал, закинув назад голову, страшно выпучив остекленевшие глаза, и на горле его были ясно видны синие отпечатки пальцев. Это была расплата за предательство.

Впрочем, гитлеровцы отнеслись к этому с полным равнодушием. Пленных построили в колонну и погнали в лагерь. Израненные, измученные люди, еле передвигая ноги, с трудом брели по пыльному проселку, то и дело оглядываясь назад, туда, где за деревьями, окутанные клубами дыма, виднелись кирпичные стены крепостных казарм и где по-прежнему немолчно гремели взрывы и трещали выстрелы.

Крепость продолжала борьбу.

Теперь восточная часть казарм была в руках противника. Но с еще большим ожесточением шли бои за Белый дворец, из высоких церковных окон отбивали огнем атаки врага защитники гарнизонного клуба, ядро которых составляли несколько бойцов-москвичей. Всю западную часть Центрального острова прочно удерживали за собой остатки подразделений 44-го и 333-го полков.

Группы пограничников продолжали борьбу на Западном острове — там стрельба смолкла только на четырнадцатый день. В северной части крепости еще

держался окруженный со всех сторон Восточный форт. Потеряв все свои пушки, из автоматов и винтовок отстреливались артиллеристы Нестерчука и Акимочкина, засевшие в валах у Кобринских ворот. Здесь в эти дни, смертельно раненный в бою, погиб как герой пламенный коммунист Николай Нестерчук, и командование бойцами взял на себя лейтенант Акимочкин. Вместе с командиром батареи Кагановичем и командиром взвода лейтенантом Чесноковым начальник штаба зарыл в одном из казематов боевое знамя и секретные документы дивизиона и во главе артиллеристов продолжал последними боеприпасами отбивать непрерывные атаки врага.

Особенно тяжелые бои развернулись в последних числах июня в районе Восточного форта. В непрерывных нарастающих атаках немцам удалось занять северный и северо-восточный валы крепости и отрезать роту, защищавшую Западный форт, от основных сил группы майора Гаврилова. Но остатки этой отрезанной роты продолжали драться — с той стороны все время слышался шум боя и строчил пулемет в доте, примыкавшем к форту. Две другие роты, отброшенные противником от валов и сильно поредевшие, теперь сосредоточились в Восточном форту и под руководством Гаврилова создали здесь такую прочную оборону, что гитлеровцы должны были прибегнуть к самым крайним мерам, чтобы сломить упорство этой горсточки советских бойцов.

29 июня гитлеровцы предъявили защитникам форта ультиматум. — в течение часа сложить оружие, угрожая в противном случае полностью уничтожить гарнизон. После оглашения ультиматума наступило затишье, и майор Гаврилов воспользовался этим, чтобы собрать открытое партийное собрание.

В большом каземате внутри вала собрались почти все защитники форта — на валу остались только дежурные пулеметчики и наблюдатели. Один за другим выступали коммунисты и клялись драться до конца, умереть, но не покориться врагу. Тут же на собрании был открыт прием в партию, и десятки беспартийных бойцов и командиров подали заявления и были при-

няты в ряды коммунистов. Не было бумаги, и эти заявления писались на клочках газет и даже на немецких листовках, в которых гитлеровцы призывали сдаваться в плен.

Однако было ясно, что долго продержаться будет невозможно. По приказанию Гаврилова были уничтожены штабные документы с тем, чтобы они не попали в руки врага. Решено было зарыть боевое знамя 393-го отдельного артиллерийского дивизиона, которое находилось в форту.

Это знамя еще в первые дни обороны старший лейтенант Шрамко поручил хранить зенитчику младшему сержанту Родиону Семенюку. Потом Шрамко погиб смертью героя, но Семенюк остался жив и носил знамя на груди, под гимнастеркой. Теперь наступил момент спрятать его.

Семенюк бережно обернул знамя в брезент, положил этот сверток в брезентовое ведро, найденное в соседней конюшне, а сверху накрыл его цинковым ведром. Выкопав яму в одном из казематов, он зарыл туда ведро со знаменем и тщательно утрамбовал и замаскировал это место.

А между тем срок вражеского ультиматума истек, гитлеровская артиллерия открыла огонь, над фортом снова закружились самолеты, и младший сержант поспешил занять свое место в цепи обороняющихся. Борьба продолжалась.

Только после того как форт был подвергнут массовой бомбежке, во время которой один из самолетов сбросил бомбу весом в 1 800 килограммов, потрясшую своим взрывом весь Брест, после того как все постройки форта были снесены, а внутренний двор представлял сплошное море огня, немецкие роты, штурмующие это укрепление, ворвались на валы и в фортовые казематы. Они захватили в плен женщин, детей, раненых и немногих уцелевших и обессиленных в боях защитников форта. Но при этом, как ни тщательно обыскивали автоматчики каждый каземат, они не смогли найти ни майора Гаврилова, ни его заместителя по политической части, бывшего ближайшим

и энергичным помощником командира обороны в течение всех этих дней. Враги решили тогда, что оба они покончили с собой.

ПОСЛЕДНИЕ ЗАЩИТНИКИ ЦИТАДЕЛИ

Несколько дней спустя после гибели комиссара Фомина группа бойцов во главе с капитаном Зубачевым снова сделала отчаянную попытку прорваться из центральной крепости на север. Но фашисты к этому времени еще больше уплотнили свое кольцо на северном участке, и в упорном ночном бою группа Зубачева была разгромлена, а несколько бойцов и раненый командир взяты в плен.

Почти одновременно с ней прекратила свое существование и группа старшего лейтенанта Бытко. Бойцам уже не удавалось добывать боеприпасы, и патроны их были на исходе. Наступил момент, когда в нагана у Бытко остался последний патрон. И тогда его товарищи заметили, что старший лейтенант всячески старается уединиться. Для него, удалого кубанца, стойкого коммуниста, испытанного боевого командира, была ненавистна даже мысль о том, что он может попасть живым в руки врага. И Василий Бытко решил последним патроном покончить с собой.

Но товарищи отгадали его намерение. Когда в момент затишья Бытко под каким-то предлогом хотел покинуть подвал, его окружили и стали уговаривать отказаться от самоубийства. Ему доказывали, что его смерть произведет тяжелое впечатление на бойцов и что он должен разделить со своими людьми судьбу, которая их ожидает. Бытко молчал, опустив голову, но видно было, что эти доводы произвели свое действие.

Пока происходил этот разговор, несколько гитлеровских автоматчиков стали приближаться к подвальному окну. Подняв голову, Бытко поглядел в окно — первый автоматчик был уже в нескольких шагах от подвала.

— Ну, фашист... — произнес старший лейтенант. — Хотел я себя, а придется тебя..

И, вскинув руку, он последним выстрелом наповал уложил гитлеровца.

В тот же день последние оставшиеся в живых бойцы этой группы во главе с Бытко, старшим лейтенантом Семененко и младшим лейтенантом Сгибневым, рывком форсировав Мухавец, бросились на врага врукопашную, пытаясь пробиться в северо-западном направлении. В неравном бою группа эта была рассеяна, а все три командира оказались в плену. Ночью, уже за Бугом, когда их вели в лагерь, Бытко и Сгибнев бежали. А спустя два дня избитого и окровавленного Сгибнева гитлеровцы доставили в лагерь, и он рассказал товарищам, что Василий Бытко погиб от фашистской пули, переплывая Западный Буг.

В эти же дни перестала существовать и группа, которой командовал замечательный герой обороны Брестской крепости пограничник лейтенант Андрей Кижеватов. Вместе с несколькими своими бойцами он получил ответственное задание старшего лейтенанта Потапова — выбраться из крепости и взорвать навешенный гитлеровцами понтонный мост через Буг. Пограничники ушли, и так и осталось неизвестным, удалось ли им выполнить это задание.

После ухода Кижеватова с пограничниками Потапов со своими людьми еще продолжал несколько дней удерживать район Тереспольских ворот и отбивать атаки автоматчиков Западного острова. Однако боеприпасы подходили к концу, и старший лейтенант тоже решил сделать попытку прорваться сквозь кольцо врага. Но у него возник иной план, чем у Зубачева или Бытко. Потапов понял, что попытки прорыва на север неизбежно потерпят неудачу: противник ожидал атак именно в этом направлении и стянул туда свои главные силы. Зато гитлеровцы совсем не ожидали, что осажденные попробуют прорваться на запад или на юг, и оставили там лишь незначительные заслоны. Этим и решил воспользоваться Потапов, намереваясь вырваться со своей группой через мост на Западный остров, а затем переплыть рукав Буга, выйти на со-

седний Южный остров, в район госпиталя, и оттуда пробираться в сторону Южного военного городка Бреста, где перед войной стояли наши танковые и артиллерийские части, — старший лейтенант надеялся, что танкисты еще продолжают драться в этом городке.

После одного из очередных ультиматумов, когда защитникам центральной крепости было дано «на размышление» полчаса и артиллерия противника на это время прекратила обстрел, Потапов с оставшимися в живых бойцами перебежал в помещения казарм, примыкающие к Тереспольской башне. В тот самый момент, когда срок ультиматума истек и немцы с удвоенной силой принялись обстреливать центр крепости, раздалась команда. Разом выскочив из окон на берег Буга, все бросились через мост и по протянувшейся рядом с ним дамбе — на Западный остров. Бойцы бежали без единого выстрела, и враги не сразу заметили эту атаку. А когда они спохватились и их пулеметы ударили по мосту и дамбе, большая часть людей Потапова уже успела скрыться в зарослях Западного острова, быстро пробираясь сквозь чащу кустарника на юго-восток. Несколько минут спустя они вышли к рукаву реки, отделяющему Западный остров от Южного, и, не останавливаясь, пустились вплавь.

И в этот момент откуда-то из кустов противоположного берега по воде ударили немецкие пулеметы. Буг закипел под пулями, и плывущие люди один за другим скрывались под водой. А на том берегу в кустах уже замелькали фигуры автоматчиков и солдат с собаками.

Большинство бойцов Потапова погибли в реке. Лишь части людей удалось достигнуть берега, но многие из них тут же попали в руки врага. А те, кто еще не успел броситься в реку, тотчас же повернули назад и побежали обратно к мосту и дамбе, стремясь вернуться в крепость, где еще можно было продолжать борьбу.

И борьба продолжалась, несмотря на то, что главные группы защитников центральной цитадели пере-

стали существовать как организованное целое. Только характер этой борьбы изменился. Уже не было единой обороны, не было постоянного взаимодействия и связи между отдельными группами обороняющихся. Оборона как бы распалась на множество мелких очагов сопротивления, но само сопротивление стало еще упорнее и ожесточеннее. Люди поняли, что вырваться из кольца осады им не удастся. Оставалось одно — держаться во что бы то ни стало, драться до тех пор, пока не придут на помощь свои с востока, либо до тех пор, пока будешь не в силах держать оружие.

Солдаты и офицеры противника с удивлением видели это совершенно непонятное, необъяснимое для них упорство последних защитников цитадели. На что они надеются, что поддерживает их силы? Такие вопросы жители Бреста нередко слышали от германских офицеров и солдат, участвовавших в боях за крепость.

Все это казалось невероятным. Убитые советские бойцы и те немногие, которые живыми попали в плен, были до предела истощены. Пленные выглядели ходячими скелетами, они шатались от голода, и вид у них был такой, что когда их вели в лагерь, в деревнях, через которые они проходили, женщины не могли без слез смотреть на них. Их мучила такая нестерпимая жажда, что, когда конвоиры разрешали им напиться, они могли пить ведрами. При виде этих живых мертвецов трудно было поверить, что они в состоянии держать оружие, стрелять и драться врукопашную. Но такие же, как эти пленные, измученные, истощенные люди продолжали борьбу в крепости — стреляли, бросали гранаты, кололи штыками и глушили прикладами дюжих автоматчиков отборных штурмовых батальонов 45-й немецкой дивизии. Что давало им силы — это было непостижимо для врага.

Да, силы их были на исходе! Советские воины с трудом держали в руках оружие, с трудом передвигались. И только неистовая, сжигающая сердце ненависть к врагу поддерживала их в этой борьбе, перешедшей уже за грань физических сил человека. Длинная череда страшных дней, проведенных среди огня

и смерти в кипящем котле Брестской крепости, была для каждого из них школой ненависти. На их глазах в огне, под бомбами и снарядами гибли беззащитные женщины, маленькие дети, умирали, сражаясь, их боевые товарищи. Этого нельзя было забыть, как нельзя было забыть ночи на 22 июня, когда неожиданное нападение фашистских полчищ разом смяло и растоптало жизнь каждого из них. Столько неудержимой, яростной ненависти к убийцам в зеленых мундирах скопилось за эти дни в душах бойцов, что желание мстить стало сильнее голода и жажды. В этом самом остром чувстве слилось воедино все: и воинский долг солдата, и гордая воля свободного человека, которого можно убить, но нельзя поработить, и сознание своего участия в огромной всенародной борьбе, идущей там, на востоке. Пусть они не знали никаких подробностей этой борьбы, но каждый из них чувствовал сердцем, что она идет не на жизнь, а на смерть.

День за днем, методично и последовательно артиллерия и отряды автоматчиков гасили последние очаги сопротивления в крепости. Но происходило нечто непонятное — эти очаги оживали вновь и вновь. Из подвалов казарм и домов, из глубоких темных казематов в толще земляных валов то здесь, то там вновь раздавались пулеметные очереди, винтовочные выстрелы, и кладбище 45-й гитлеровской дивизии в Бресте продолжало расти и шириться. Казематы и подвалы тщательно обыскивали, в домах, где оборонялись советские бойцы, взрывали одно за другим помещения, но спустя некоторое время стрельба возобновлялась из развалин. Отдельные группы бойцов пробирались на участки, где немцы давно считали себя хозяевами, и пули настигали фашистов в самых неожиданных местах. Защитники крепости спускались в глубокие подземелья и по неизвестным немцам подземным ходам покидали занятые врагом участки крепости, продолжая борьбу уже на другом месте.

Еще 8 июля командование 45-й дивизии послало вышестоящему штабу донесение о взятии крепости, считая, что оставшиеся очаги сопротивления будут подавлены в ближайшие часы. Но уже на следующий

день число этих очагов увеличилось, и стало ясно, что борьба затянется.

Продолжали драться группы бойцов в западном секторе казарм и в здании 333-го полка, и вся эта часть Центрального острова оставалась недосягаемой для врага. На Западном острове еще раздавались пулеметные очереди и выстрелы пограничников. В северной части крепости продолжал стрелять дот у Западного форта, и отчаянно дрались у восточных ворот последние оставшиеся в живых артиллеристы во главе с Акимочкиным. В одном из казематов внутри северного вала засели несколько стрелков, которыми командовал политрук Венедиктов. Немцы забрасывали этот каземат гранатами, но бойцы хватили на лету немецкие гранаты и кидали их во врагов. Даже Восточный форт, где, казалось, после страшного штурма не осталось ни одной живой души, вдруг снова ожил, и с его валов раздались очереди ручных пулеметов. И там, на валу форта, вместе с несколькими бойцами, уцелевшими после немецкого штурма, снова был их прежний командир майор Гаврилов.

Он не попал в плен и не застрелился. Он был застигнут автоматчиками в темном каземате внутри вала форта, где последнее время находился его командный пункт. Майор был вдвоем с бойцом-пограничником, который во все дни обороны исполнял обязанности адъютанта и порученца командира. Они оказались отрезанными от остального гарнизона и, перебегая из одного помещения в другое, бросали вседающих гитлеровцев свои последние гранаты и отстреливались последними патронами. Но вскоре стало очевидно, что сопротивление гарнизона сломлено и немцы уже овладели почти всем фортом. Боеприпасов у Гаврилова и пограничника осталось совсем мало, и командир с бойцом решили попробовать спрятаться, чтобы потом, когда немцы уйдут из форта, выбраться из крепости и идти на северо-восток, в Беловежскую Пушу, где, как они надеялись, уже, наверное, действуют наши партизаны.

К счастью, им удалось найти надежное убежище. Как-то, еще в самом начале боев за форт, его защит-

ники по приказанию майора пытались прорыть проход сквозь толщу вала. В кирпичной стене каземата была пробита дыра, и несколько бойцов поочередно стали прокапывать в валу небольшой тоннель. Работы пришлось вскоре прекратить—вал оказался песчаным, и песок все время осыпался, заваливая проход. Но осталась дыра в стене и как бы глубокая нора, идущая в глубь вала. В эту нору и забралась Гаврилов и пограничник в то время, когда уже совсем рядом слышались голоса гитлеровцев, обшаривавших соседние помещения.

Оказавшись в узком проходе, прорытом когда-то бойцами, майор и пограничник начали прокапывать себе путь вправо и влево от этого прохода. Сыпучий песок легко поддавался, и они постепенно стали продвигаться вперед по ту сторону кирпичной стены каземата, отходя все дальше от пробитой в ней дыры, причем Гаврилов копал влево, а пограничник — вправо. Они работали с лихорадочной быстротой и, подобно кротам, отбрасывали за спину вырытый песок, засыпая за собой путь. Прошло около получаса, прежде чем в каземат вошли солдаты противника, и за это время командир и боец успели уйти каждый на два-три метра в сторону от дыры, пробитой в кирпиче.

Сквозь стену Гаврилов ясно слышал, как немцы переговариваются, обыскивая каземат. Он притаился, стараясь ни единым движением не выдать себя. Видимо, автоматчики заметили отверстие в стене — они несколько минут стояли около него, о чем-то совещаясь. Потом кто-то из них дал туда очередь. Гитлеровцы помолчали, прислушиваясь, и, убедившись, что там никого нет, пошли осматривать другие казематы.

Гаврилов провел в своей песчаной норе несколько дней. Ни один лучик света не проникал сюда, и он не знал даже, день или ночь сейчас на воле. Голод и жажда становились все более мучительными. Как ни пытался он растянуть два сухаря, оказавшиеся у него в кармане, они вскоре кончились. Жажду он научился немного приглушать, прикладывая язык к кирпичам стен каземата. Кирпичи были холодными, и ему казалось, что на них осели частицы подземной влаги.

Сон помогал забыть о голоде и о жажде, но он спал урывками, опасаясь выдать себя во сне неосторожным движением или стоном. Враги еще были в форту — их голоса слышались то дальше, то ближе, и раза два солдаты заходили в каземат.

Он не знал, жив ли его товарищ, пограничник, отделенный от него слоем песка в несколько метров толщиной. Он боялся окликнуть его даже шепотом — фашисты могли оказаться поблизости. Малейшая неосторожность могла испортить все. Теперь важно было только одно — выждать, пока солдаты уйдут. Лишь в этом было спасение и возможность снова продолжать борьбу. Мучимый голодом и жаждой в этой подземной норе, он ни на минуту не забывал о борьбе и не раз заботливо ощупывал в карманах несколько оставшихся гранат и пистолет с последней обоймой.

Голоса немцев слышались все реже, и, наконец, все вокруг, казалось, затихло. Гаврилов уже решил, что наступило время выходить, как вдруг над его головой, на гребне вала, затрещал пулемет. И по звуку выстрелов он безошибочно определил, что это ручной пулемет Дегтярева.

Кто стрелял из него — наши или немцы? Несколько часов он пролежал, мучительно думая об этом. А пулемет время от времени посылал короткую скупую очередь. Чувствовалось, что пулеметчик экономит патроны, и это вселило в Гаврилова какие-то смутные надежды.

Наконец он решился и шепотом окликнул пограничника. Тот отозвался. Они вылезли в темный каземат и прежде всего напились из вырытого тут колодца. Потом с гранатами наготове осторожно выглянули в узкий дворик форта. Стояла ночь. Чьи-то негромкие голоса доносились сверху. Это была русская речь.

На валу оказались двенадцать бойцов с тремя ручными пулеметами. Как и Гаврилову, им удалось укрыться в одном из казематов, когда форт был захвачен, а после ухода автоматчиков они вышли и снова заняли оборону. Днем они прятались в каземате, а ночью вели огонь по одиночным солдатам противни-

ка, появившимся поблизости. Гитлеровцы полагали, что в форту никого не осталось, и еще не успели обнаружить, что именно оттуда раздаются пулеметные очереди, тем более что вокруг повсюду еще шла перестрелка. Еще бил пулемет из дота Западного форта, стреляли в районе домов комсостава, и то затихающая, то возобновляющаяся пальба вперемежку со взрывами мин и снарядов доносилась с Центрального острова.

Гаврилов решил попытаться вывести всю эту группу в Беловежскую Пущу. Но для этого надо было пока что не обнаруживать себя. Вокруг крепости стояло еще много войск врага, и сейчас выбраться за валы было невозможно даже ночью. Оставалось ждать, но при этом быть готовыми в любой момент принять бой, если фашисты снова придут в форт.

Днем на валу оставляли только наблюдателей, а ночью наверх поднимались все и, если представлялся удобный случай, вели огонь. Так прошло еще несколько дней. Бои не затихали, по-прежнему то и дело появлялись группы немецких солдат, и выйти из крепости все еще было нельзя. И самое страшное заключалось в том, что защитникам форта уже нечего было есть. Небольшой запас сухарей, оказавшийся у бойцов, кончился, и голод давал себя чувствовать все острее. Люди теряли последние силы. Гаврилов уже подумывал о том, чтобы сделать отчаянную попытку прорыва, но внезапные события нарушили все его планы.

Наблюдатель не заметил, как группа автоматчиков днем зачем-то пришла в форт. Немцы сразу же обнаружили советских бойцов. Гаврилов дремал в углу каземата, когда рядом, во дворике форта, слышались крики: «Рус, сдавайся!», и громынули взрывы гранат.

Автоматчиков было немного, и почти всех тут же перебили, но нескольким солдатам удалось удрать, и час спустя форт был окружен.

Первые атаки были отбиты. Но гитлеровцы подтащили сюда орудие и минометы, и вскоре среди немногочисленных защитников форта появились раненые и

убитые. А затем последовала атака одновременно со всех сторон, и враг одолел числом — автоматчики взобрались на вал и забросали двор гранатами.

И снова пришлось укрываться в той же норе. Только теперь они забрались в нее втроем — Гаврилов, пограничник и еще один боец.

К счастью, в это время уже наступила ночь, и фашисты не решились в темноте обыскивать казематы. Но Гаврилов понимал, что с наступлением утра они обшарят форт сверху донизу и на этот раз, возможно, обнаружат его убежище. Надо было предпринимать что-то теперь же ночью, не откладывая.

Они посоветовались и осторожно выползли в каземат. Здесь никого не было. Не было гитлеровцев и во внутреннем дворике. Но когда они ползком обратились к выходу из форта, то увидели, что совсем близко горели костры, вокруг которых сидели солдаты. Противник в ожидании рассвета кольцом окружил форт, чтобы на этот раз не выпустить ни одного из его защитников.

Надо было прорываться с боем. Решили, что по команде Гаврилова каждый бросит по одной гранате в сидящих у костров немцев и все трое тотчас же кинутся бежать в разные стороны: пограничник на юг, к домам комсостава, боец на восток, к внешнему валу, а Гаврилов на запад, в сторону дороги, ведущей от северных ворот на Центральный остров. Его направление было самым опасным, так как по этой дороге часто ходили и ездили гитлеровцы.

Они обнялись и договорились, что тот, кому повезет остаться в живых, будет пробираться в заветную Беловежскую Пущу. Потом Гаврилов шепотом скомандовал: «Огонь!», и они метнули гранаты.

Гаврилов не помнил, как он пробежал линию немецких постов. В памяти остались только грохот гранатных разрывов, крики солдат, вспыхнувшая вокруг стрельба, свист пуль над головой и глубокая темнота ночи, сразу сгустившаяся перед глазами после яркого света костров. Он бежал изо всех сил, сжимая в руках вторую гранату и пистолет, бежал, не чуя под собой ног, и слышал за спиной крики, выстрелы и то-

пот. Он опомнился, когда пересек дорогу, на счастье оказавшуюся в этот момент пустынной. Лишь тогда на секунду приостановился и перевел дух. И тотчас же над его головой просвистела пулеметная очередь.

Это стрелял неизвестный советский пулеметчик из дота Западного форта. Привлеченный криками и стрельбой, он начал бить длинными очередями, целясь, видимо, по огню костров. Гаврилову пришлось упасть ничком у стены какого-то полуразрушенного дома, чтобы не угодить под его пули. Но пулеметчик невольно спас его: фашисты, бежавшие за майором, попали под огонь — Гаврилов слышал, как они, что-то крича, побежали обратно.

Прошло с четверть часа, и все стихло. Тогда Гаврилов, прижимаясь к земле, пополз в сторону внешнего вала крепости, постепенно удаляясь от дороги.

Ночь была непроглядно темной, и он почти наткнулся на стену. Это была кирпичная стена одного из казематов внешнего вала. Он нащупал дверь и вошел внутрь.

Целый час он ходил по пустому помещению, ощущая осклизлые стены, пока, наконец, догадался, где он находится. Здесь перед войной были конюшни его полковых артиллеристов. Теперь он понял, что попал на северо-западный участок крепости, и это обрадовало его — отсюда было ближе добираться до Беловежской Пуши.

Он вышел наружу и осторожно перепополз через вал на берег обводного канала. На востоке уже светлело небо, занималась заря. Прежде всего он лег на живот у берега и долго пил затхлую стоячую воду из канала. Потом вошел в канал и двинулся на тот берег.

И вдруг оттуда, из темноты, донеслась немецкая речь. Гаврилов застыл на месте, всматриваясь вперед.

Постепенно он стал различать темные очертания палаток на том берегу. Потом там вспыхнула спичка, и малиновым огоньком затлела папироса. Прямо против него на берегу канала был лагерь какой-то вражеской части.

Он бесшумно вылез на берег и отполз к валу. Здесь оказалась маленькая дверь, и, войдя в нее, он попал в узкий угловой каземат с двумя бойницами, глядящими в разные стороны. Коридор тянулся из каземата дальше в глубь вала. Он пошел по этому коридору и снова попал в помещение той же конюшни.

Заметно светало. Надо было найти надежное укрытие на день, и Гаврилов, подумав, решил, что лучше всего укрыться в угловом каземате. Стены его были толстыми, а две бойницы, выходящие в разные стороны, могли пригодиться — если бы гитлеровцы обнаружили майора, из них он мог бы отстреливаться, держа в поле своего зрения большой участок канала.

Он снова обследовал этот каземат, и только одно обстоятельство смутило его: там негде было укрыться, и стоило немцам заглянуть в дверь, его немедленно обнаружили бы.

И тогда он вспомнил, что у самой двери каземата, на берегу канала, свалены кучи навоза — его выносили сюда, когда чистили конюшни. Он торопливо принялся таскать этот навоз охапками и сваливать его в углу каземата. Прежде чем рассвело, его убежище было готово. Он зарылся в эту грудку навоза и завалил себя снаружи, проделав небольшую щель для наблюдения и положив под рукой оставшиеся пять гранат и два пистолета — немецкий и наш «ТТ» — каждый с полной обоймой.

Весь следующий день он пролежал тут. Солдаты противника ходили совсем рядом, они что-то делали на берегу канала, переговаривались, а один раз несколько человек прошли через его каземат в конюшню. Гаврилов держал наготове пистолет, но они не обратили внимания на сваленный в углу навоз.

Ночью он снова вышел на берег канала и напился. На том берегу по-прежнему темнели немецкие палатки и слышались голоса солдат. Но он решил ждать, пока они не уйдут, тем более что стрельба в крепости, как ему казалось, мало-помалу затихала, — судя по всему, противник подавлял один за другим последние очаги сопротивления.

Три дня он провел без пищи. Потом голод стал таким острым, что терпеть дольше было невозможно. И он подумал, что где-нибудь рядом с конюшней должен быть цейхгауз, где хранится фураж, — там мог остаться ячмень или овес.

Он долго шарил по конюшне, пока руки его не нащупали сваленные в одном из углов помещения какие-то твердые комки. Он откусил от такого комка и почувствовал вкус чего-то съедобного.

Это был комбикорм для коней — смесь каких-то зерен, мякины, соломы и еще чего-то. Во всяком случае, это утоляло голод и даже казалось вкусным. Теперь он был обеспечен пищей и готов ждать сколько понадобится, пока для него откроется дорога на Беловежскую Пушу.

Дней пять все шло хорошо: он ел комбикорм, а ночью пил воду из канала. Но на шестой день началась сильная резь в желудке, которая с каждым часом усиливалась, причиняя невыносимые страдания. Весь этот день и всю ночь он, кусая губы, удерживался от стонов, чтобы не выдать себя, а потом наступило странное полузабытье, и он потерял счет времени. Когда он приходил в себя, то чувствовал страшную слабость — он с трудом шевелил руками, но прежде всего машинально нащупывал рядом с собой пистолет и гранаты.

Видимо, его выдали стоны. Он внезапно очнулся от того, что совсем рядом с ним раздались голоса. Через свою смотровую щель он увидел двух автоматчиков, стоявших здесь, внутри каземата, около груды навоза, под которой он лежал.

И, странное дело, как только Гаврилов увидел врагов, силы снова вернулись к нему и он забыл о своей болезни. Он нащупал немецкий пистолет и перевел предохранитель.

Немцы, казалось, услышали его движение и принялись ногами разбрасывать навоз. Тогда он приподнял пистолет и с трудом нажал на спуск. Пистолет был автоматическим, раздалась громкая очередь — он невольно выпустил всю обойму. Послышался прон-

зительный крик, и, стуча сапогами, немцы побежали к выходу.

Собрав все силы, он встал и раскидал в стороны прикрывавший его навоз. Гаврилов понял, что сейчас он примет свой последний бой с врагами, и приготовился встретить смерть, как положено солдату и коммунисту, — встретить ее в борьбе. Он положил рядом свои пять гранат и взял в руку пистолет — свой командирский «ТТ».

Немцы не заставили себя долго ждать. Прошло не более пяти минут, и по амбразурам каземата ударили немецкие пулеметы. Но обстрел снаружи не мог поразить его — бойницы были направлены так, что он мог опасаться только рикошетной пули.

Потом донеслись крики: «Рус, сдавайся!» Он догадался, что солдаты в это время приближаются к каземату, осторожно пробираясь вдоль подножия вала. Гаврилов выждал, когда крики раздались совсем рядом, и одну за другой бросил две гранаты — в правую и левую амбразуры. Враги кинулись назад, и он слышал чьи-то протяжные стоны — гранаты явно не пропали даром.

Через полчаса атака повторилась, и снова он, расчетливо выждав, бросил еще две гранаты. И опять гитлеровцы отступили, но зато у него осталась только одна, последняя граната и пистолет.

Противник изменил тактику. Гаврилов ждал нападения со стороны амбразур, но автоматная очередь прогремела за его спиной — один из автоматчиков показался в дверях. Тогда он метнул туда последнюю гранату. Солдат вскрикнул и упал. Другой солдат просунул автомат в амбразуру, но майор, подняв пистолет, дважды выстрелил в него, и дуло автомата исчезло. В этот момент что-то влетело в другую бойницу и ударилось об пол. Блеснуло пламя взрыва, и Гаврилов потерял сознание...

Но и майор Гаврилов не был последним защитником крепости. Говорят, что и в первой половине августа из крепостных подвалов и подземелий еще слышались выстрелы, летели гранаты, и не один захватчик нашел свой конец на камнях развалин цитадели.

Группы советских бойцов и командиров скрывались в глубоких подземных убежищах, продолжая борьбу. Фашисты опасались ходить в одиночку по уже занятой ими крепости. Как рассказывали потом гитлеровские офицеры жителям Бреста, германское командование в конце концов отдало приказ о затоплении крепостных подземелий водами Буга... Так непокоренными погибли последние защитники Брестской цитадели, безвестные и бессмертные герои этой славной обороны.

...Тот герой, пред кем мы все в долгу,
Только тело в шрамах, а не душу
Отдал в плен вошедшему врагу.

Н. Доризо

Часть II
**В ПОИСКАХ
ГЕРОЕВ**

ЛЕГЕНДА СТАНОВИТСЯ БЫЛЬЮ

История — память народа. Но для того чтобы помнить, надо знать, а то, что произошло в первые недели войны в Брестской крепости, долго оставалось неизвестным народу. И не случайно оборону Брестской крепости у нас часто называют легендарной. Первые известия об этом удивительном подвиге советских воинов появились семнадцать лет тому назад, как смутная легенда, как полудостоверное предание.

Еще летом 1941 года, когда наша армия с тяжелыми боями отступала в глубь страны, через линию фронта, отодвигавшуюся все дальше на восток, к Москве, время от времени проникали смутные слухи о том, что в глубоком тылу немцев, на самой границе около Бреста, какие-то части советских войск, окруженные кольцом вражеских дивизий, ведут уже много дней героическую, упорную борьбу на первых метрах приграничной земли. Эти слухи приносили группы бойцов и командиров, вышедших через фронт из окружения, это подтверждали и экипажи наших ночных бомбардировщиков, которые летали через Брест бомбить тыловые объекты врага и замечали неподалеку от города неугасающее пламя пожаров, вспышки разрывов и текучие огненные пунктиры трассирующих пуль.

Но что за войска сражаются там, на берегах Буга, сколько их и как протекает их неравная борьба, все это было неизвестно — радиосвязь с крепостью

отсутствовала. И в цепи грозных и суровых событий первых месяцев войны слухи о героической обороне Брестской крепости до поры до времени остались лишь мимолетной легендой, вскоре вытесненной из памяти людей новыми битвами, новыми трудными испытаниями.

Прошло около девяти месяцев, и на одном из участков фронта в районе Орла наши офицеры, разбирая бумаги, захваченные в архиве штаба только что разгромленной 45-й пехотной дивизии противника, обнаружили там «Боевое донесение о занятии Брест-Литовска». В донесении день за днем описывались бои, происходившие в Брестской крепости в последних числах июня 1941 года, и из него явствовало, что советский гарнизон крепости вел свою героическую борьбу в течение девяти дней и что сопротивление его было окончательно сломлено к 1 июля. За сухими казенными фразами этого документа ясно чувствовалось невольное почтительное удивление противника, встретившего на первых метрах советской земли такую героическую стойкость и упорство, с которыми ему еще не приходилось сталкиваться в его победных походах по Западной Европе. И как вынужденное признание врага, звучали заключительные слова этого донесения: «Ошеломляющее наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови. Эта простая истина еще раз доказана при взятии Брест-Литовска... Русские в Брест-Литовске боролись исключительно упорно и настойчиво, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению».

«Боевое донесение о занятии Брест-Литовска» было переведено на русский язык, и 21 июня 1942 года газета «Красная звезда» напечатала статью «Год тому назад в Бресте», где приводились выдержки из захваченного немецкого документа.

Так, фактически из уст врага, советские люди впервые узнали некоторые подробности героической обороны Брестской крепости. Смутная легенда стала былью, пусть еще недостаточно проясненной, но уже глубоко волнующей и дорогой сердцу народа.

Прошло еще два года. 28 июля 1944 года советские войска в порыве грандиозного наступления, начатого несколькими нашими фронтами в Белоруссии, освободили Брест и вошли в Брестскую крепость.

Почти вся крепость лежала в развалинах. По одному виду этих страшных руин можно было судить о силе и жестокости происходивших здесь боев. Эти руины были полны сурового величия, словно в них до сих пор жил несломленный дух павших борцов 1941 года. Угрюмые камни, местами уже поросшие травой и кустарником, избитые и выщербленные пулями и осколками, казалось, впитали в себя огонь и кровь былого сражения, и людям, бродившим среди развалин крепости, невольно приходила на ум мысль о том, как много видели эти камни и как много сумели бы рассказать, если бы произошло чудо и они смогли бы заговорить.

И чудо произошло — камни вдруг заговорили. На уцелевших стенах крепостных строений, в проемах окон и дверей, на сводах подвалов, на устоях мостов стали обнаруживать надписи, оставленные защитниками крепости. В этих надписях, то безыменных, то подписанных, то второпях набросанных карандашом, то просто нацарапанных на штукатурке штыком или пулей, бойцы заявляли о своей решимости сражаться насмерть, посылали прощальный привет Родине и товарищам, говорили о преданности народу и партии. В крепостных руинах словно зазвучали живые голоса безвестных героев 1941 года, и солдаты 1944 года с волнением и сердечной болью прислушивались к этим голосам, в которых были и гордое сознание исполненного долга, и горечь расставания с жизнью, и спокойное мужество перед лицом смерти, и завет о мщении.

«Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22. VI. 1941. Умрем, но не уйдем!» — было написано на кирпичах наружной стены близ Тереспольских ворот.

«1941 г. 26 июня. Нас было трое, нам было трудно. Но мы не пали духом и умрем, как герои», — бы-

ло нацарапано на стене одного из внутренних помещений западной части казарм.

Заговорили не только камни. В Бресте и его окрестностях нашлись живые участники и свидетели событий июня — июля 1941 года, в том числе жены и дети погибших командиров и политработников, которые в дни боев были в крепости вместе со своими мужьями и отцами, а потом, оказавшись в фашистском плену, перенесли все ужасы и тяготы оккупации. Они называли фамилии многих участников обороны, вспоминали отдельные эпизоды и подробности сражения за крепость.

И тогда обнаружилось странное противоречие. В немецком документе, захваченном в 1942 году в штабе 45-й пехотной дивизии, указывалось, что Брестская крепость якобы пала 30 июня 1941 года. Между тем и люди, бывшие тогда в самой цитадели, и жители города, издали наблюдавшие сражение, в один голос утверждали, что бои продолжались дольше и закончились лишь в последних числах июля или даже в начале августа. Некоторые женщины попали в плен только 14—15 июля, и они твердо помнили, что, когда их под конвоем выводили за крепостные ворота, во многих местах крепости бой шел с прежним ожесточением. Жители Бреста свидетельствовали, что гром немецких пушек и трескотня пулеметной перестрелки слышались еще в двадцатых числах июля, и из крепости в немецкий военный госпиталь, размещенный в городе, по-прежнему привозили раненых солдат и офицеров. Словом, из показаний очевидцев становилось ясно, что крепость держалась не неделю, как это утверждалось в донесении штаба 45-й дивизии, а больше месяца.

Однако каких-нибудь прямых, вещественных доказательств этого не удавалось найти. Под подписями, оставленными на стенах участниками обороны, стояло просто: «июнь» или «июль 1941», а иные и вовсе не были датированы. И только в 1952 году на стене одного из внутренних помещений в уцелевшей юго-западной части крепостных казарм сотрудник московского музея обнаружил едва различимые буквы. Не-

известный солдат, не оставивший своей подписи, неровно, вкривь и вкось выцарапал на штукатурке шесть слов:

«Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!»

Внизу была нацарапана дата: «20/VII—41».

Кусок штукатурки с этой надписью осторожно сняли со стены, перевезли в Москву, впоследствии выставили в одном из залов Центрального музея Советской Армии. Теперь существовало неопровержимое свидетельство того, что прежняя дата падения Брестской крепости — 30 июня 1941 года, — указанная в немецком документе, была ложной.

Мало-помалу выявлялись все новые детали Брестской обороны. После войны в крепости были восстановлены некоторые здания, а развалины частично стали разбирать — для строительства понадобился кирпич. При этом под камнями находили останки павших бойцов и командиров, их одежду, документы, оружие. Трудящиеся Бреста торжественно, с воинскими почестями хоронили героев на городском кладбище, а оружие и другие предметы, найденные в развалинах, становились экспонатами музеев в разных городах страны.

Так, в 1949 году при разборке развалин Тереспольской башни были найдены под камнями останки командира взвода полковой школы 333-го полка лейтенанта Алексея Наганова, который погиб здесь в первые дни обороны. В кармане его гимнастерки сохранился комсомольский билет, давший возможность установить личность погибшего. Рядом с Нагановым лежал его пистолет. В обойме оружия осталось три патрона. Четвертый патрон был в канале ствола, а курок пистолета стоял на боевом взводе. Жители Бреста с почестями похоронили останки героя, и именем Алексея Наганова была названа одна из улиц города.

Так были обнаружены письма и документы некоторых участников обороны, шефское знамя одного из полков. Так были извлечены из-под камней разбитые, заржавевшие винтовки, пистолеты, автоматы наших воинов; причем если в магазинах или обоймах

оружия оставались патроны, то оно, как правило, было на боевом взводе, свидетельствуя, что его владелец погиб сражаясь.

В ноябре 1950 года под развалинами одного из участков казарм был обнаружен так называемый «Приказ № 1», вернее, его остатки. Это были три обрывка бумаги, второпях исписанные карандашом, — боевой приказ, который 24 июня 1941 года набросали командиры, возглавлявшие оборону центральной крепости. «Приказ № 1», по существу, остался до настоящего времени единственным документом, относящимся к Брестской обороне, которым располагают историки. Из этого приказа мы впервые узнали фамилии руководителей обороны центральной цитадели: полкового комиссара Фомина, капитана Зубачева, старшего лейтенанта Семененко и лейтенанта Виноградова.

А впоследствии отыскиались не только оружие и документы защитников цитадели, но нашлись и сами люди, сражавшиеся в крепости с оружием в руках. Кое-кто из участников героической обороны оказался в живых. Их осталось очень немного; одни испытали все ужасы фашистских концлагерей, другим посчастливилось бежать из плена, и они сражались в партизанских отрядах, а потом в рядах армии.

НАЧАЛО ПОИСКОВ

Вскоре после войны в газетах и журналах появились первые статьи, посвященные обороне Брестской крепости. К сожалению, материал тогда был еще весьма скуден, об обстоятельствах обороны было очень мало известно. Поэтому в первых статьях содержались многочисленные ошибки и неточности.

Одним из первых обратился к теме героической обороны Брестской крепости наш известный художник-баталист П. А. Кривоногов. В 1950 году он поехал в Брест, длительное время жил в крепости, беседовал с очевидцами боев, делал многочисленные этюды и наброски. Год спустя появилась его талант-

ливая и сейчас широко известная картина «Защитники Брестской крепости». Нужно сказать, что на этом полотне, где изображен момент боя у Тереспольских ворот цитадели, тема героической обороны получила яркое и правдивое воплощение. Многие участники боев за крепость, которых впоследствии удалось найти, не раз говорили мне, что они не могут без большого волнения смотреть на эту картину и что художник сумел глубоко проникнуть в существо событий и хорошо передать напряженность борьбы и героический дух памятной обороны.

Потом появилась пьеса белорусского драматурга Константина Губаревича «Брестская крепость», которая до сих пор идет на сцене ряда театров. И все же следует признаться, что до последнего времени мы очень мало знали об обстоятельствах боев за Брестскую крепость.

Так, во всяком случае, было до 1954 года, когда у меня возник замысел написать книгу об этой героической обороне. В обращении к этой теме были и своя закономерность и известная случайность. Закономерность заключалась в том, что я уже несколько лет писал о событиях Великой Отечественной войны, только недавно закончил свою последнюю книгу «Сталинград на Днестре» — о Корсунь-Шевченковской битве — и искал новую тему, к которой я мог бы обратиться после этой моей работы. Я уже начал подумывать о том, чтобы написать книгу, посвященную обороне городов-героев — Одессы и Севастополя, как вдруг один случайный разговор заставил меня изменить мои планы.

Однажды ко мне пришел мой товарищ, писатель Герман Нагаев. Он расспросил меня, над чем я собираюсь работать в дальнейшем, и вдруг сказал:

— Вот написали бы вы книжку про оборону Брестской крепости в 1941 году. Это был необычайно интересный эпизод войны.

И тогда я вспомнил, что год или два назад я читал очерк писателя М. Л. Златогорова о героической обороне Брестской крепости. Этот очерк был напечатан в «Огоньке», а потом помещен в одном сборнике,

выпущенном в Военном издательстве Министерства обороны СССР. После разговора с Нагаевым я разыскал у себя этот сборник и снова перечитал очерк Златогорова.

Должен сказать, что тема Брестской крепости как-то сразу захватила меня. В ней ощущалось присутствие большой и еще не раскрытой тайны, открывалось огромное поле для изысканий, для нелегкой, но увлекательной исследовательской работы. Чувствовалось, что эта тема насквозь проникнута героизмом, что в ней как-то особенно ярко проявился героический дух нашего народа, нашей армии. И я начал работу над книгой о героической обороне Брестской крепости.

Литератору, который берется за историческую тему, приходится сначала обращаться к печати, перечитывая все, что содержится по интересующему его вопросу в книгах, газетах, журналах. Я прежде всего прочел статьи, которые были в свое время помещены в белорусской печати. Писал их один партийный работник Белоруссии — Н. И. Красовский. После войны он работал в Бресте и тогда начал записывать воспоминания некоторых участников и очевидцев обороны крепости, послужившие ему материалом для его статей.

Статьи Красовского содержали лишь самые общие сведения о событиях в крепости, в них упоминалось лишь несколько фамилий погибших героев обороны, и, как впоследствии выяснилось, не все в них было фактически верным. Но отправной точкой они могли послужить.

Я обратился снова и к очерку Златогорова. Этот очерк я опять внимательно проштудировал, а потом позвонил его автору, Михаилу Львовичу Златогорову, и спросил: не может ли он передать мне те материалы, которые остались у него после поездки в Брест.

Златогоров ответил, что материалов было очень мало и все, что он тогда собрал, целиком вошло в написанный им очерк. Но он тут же вспомнил, что после того как в 1952 году этот очерк был напечатан в «Огоньке», один из участников обороны Брестской

крепости вскоре прислал в редакцию журнала свое письмо. Он уже забыл фамилию этого человека, но сказал, что пороется в своем архиве, где должна храниться копия письма, и если найдет ее, то передаст мне.

Изучив весьма немногочисленные печатные источники, я обратился к источникам музейным и прежде всего, конечно, к материалам, которые хранятся в крупнейшем нашем военном музее — в Центральном музее Советской Армии в Москве. Я пришел туда, посмотрел экспонаты, выставленные в залах музея, а затем познакомился со всеми документами, которые хранятся в его фондах.

К сожалению, и там материала было очень немного. Естественно, что чисто музейные экспонаты меня интересовали меньше, чем всевозможные документы, относящиеся к обороне крепости, а таких документов, по существу, не было.

Но все же там, в фондах музея, я нашел два или три интересных письма бывшего участника обороны Александра Филя, который до войны служил в крепости писарем в штабе полка, а теперь находится в Якутии и работает там на Алданских золотых приисках.

В своих письмах Филь подробно освещал события первых дней обороны на одном из участков Брестской крепости, сообщал кое-что о своих боевых товарищах, о командирах. Он, например, рассказывал о том, как в самом начале войны, когда крепость была внезапно разбужена грохотом канонады, когда кругом рвались снаряды и бомбы и люди, неожиданно проснувшиеся среди огня и смерти, не могли в первый момент не поддаться известной растерянности, полковой комиссар Ефим Фомин, оказавшийся в расположении своей части, принял на себя командование подразделениями, которые находились в центре крепости. Комиссар собрал и организовал бойцов и тут же поручил своему ближайшему помощнику, комсоргу полка заместителю политрука Самвелу Матевосяну возглавить первую контратаку. Матевосян обратился к бойцам с патриотической речью, призывая их вы-

полнить свой воинский долг, а затем во главе своих комсомольцев бросился в штыковую атаку. Это был первый серьезный удар по противнику: Матевосян и его бойцы уничтожили отряд автоматчиков, прорвавшийся в центр цитадели. С этого удара, собственно говоря, и начинается героическая оборона Брестской крепости.

Филь писал, что вскоре Матевосян был тяжело ранен, отнесен в подвалы крепости вместе с другими ранеными и там погиб. В дальнейших боях Филь сражался рядом с руководителями обороны — полковым комиссаром Фоминым и капитаном Зубачевым, который на третий день войны принял на себя командование всеми подразделениями, сражавшимися в центре крепости.

Однако, к моему огорчению, в музее мне сказали, что Филь прислал свое последнее письмо в 1952 году и с тех пор перестал отвечать на все запросы. Кажется, эта первая ниточка безнадежно оборвалась. Я попробовал ее восстановить и написал Филью два письма, но не получил ответа ни на первое, ни на второе.

ИНЖЕНЕР САМВЕЛ МАТЕВОСЯН

Тем временем М. Л. Златогоров не забыл своего обещания и вскоре позвонил мне, сообщив, что он нашел в своих архивах копию письма, о котором он говорил. Мы встретились с ним, и он передал мне это письмо. Каково же было мое удивление, когда я увидел на этом письме подпись: «Самвел Матевосян». Это оказался тот самый Матевосян, который был ближайшим помощником комиссара Фомина в первые дни боев в крепости. Здесь же на письме был и его нынешний адрес. Он жил в Ереване, работал в качестве инженера-геолога и возглавлял изыскательскую экспедицию, которая занималась поисками полезных ископаемых в горах Армении.

Я написал Матевосяну по этому адресу, запрашивая его, будет ли он летом 1954 года в Ереване, с тем чтобы я мог приехать туда к нему и подробно запи-

сать его воспоминания об обороне крепости. После этого я с нетерпением стал ждать ответа.

Прошла неделя, другая, месяц — ответа не было. Тогда я написал в Ереван одной своей знакомой, армянской писательнице Норе Адамян, прося ее зайти на квартиру к Матевосяну и узнать, не переехал ли он куда-нибудь в другое место.

Вскоре я получил ответ от Н. Г. Адамян. Оказалось, что Матевосян живет на прежнем месте, — она была у него и виделась с ним. Его долгое молчание объяснялось тем, что Матевосян последнее время находился в горах со своей экспедицией и поэтому не мог мне своевременно ответить.

Вслед за тем пришло письмо от самого Матевосяна. Он сообщал мне, что ждет моего приезда.

Первого августа 1954 года я приехал в Ереван и увиделся с Матевосяном. Он оказался плотным, приземистым, крепко сколоченным человеком с наголо остриженной головой, с очень живыми карими глазами, быстрый, энергичный, порывистый в движениях.

Мы с ним тут же с увлечением начали говорить о крепости. Но потом Матевосян спохватился и сказал, что поскольку сегодня воскресенье, то следует отложить все деловые разговоры до завтра, а сейчас он предлагает поехать за несколько десятков километров от Еревана, туда, где в горах лежит жемчужина Армении — знаменитое озеро Севан, и там искупаться.

На Севан мы поехали на машине втроем, вместе с непосредственным начальником Матевосяна — управляющим геологическим трестом, где он работал, — старым коммунистом и видным хозяйственником Е. М. Арутюняном. И вот когда там, на пляже, под жгучим горным солнцем мы все трое разделись, я обратил внимание на тело Матевосяна. Оно было сплошь иссечено рубцами боевых ран.

Боевая биография Матевосяна заслуживает того, чтобы о ней рассказать.

В крепости он был ранен три раза. Сначала пуля гитлеровского солдата, выстрелившего почти в упор,

рассекла ему кожу на голове и оглушила его. Потом фашистский офицер во время рукопашной схватки изрезал ему всю спину своим кинжалом. Но обе эти раны были легкие, они не вывели Матевосяна из строя. Комсорг перевязал их и продолжал сражаться и командовать своими бойцами. Третье ранение было тяжелым — осколок снаряда вырвал ему часть бедра. Это случилось на третий день войны. Матевосяна в тяжелом состоянии отнесли в крепостной подвал, и там спустя много дней, уже потеряв сознание, он был захвачен фашистами в плен.

Гитлеровцы отправили его в лагерь для военнопленных, который они организовали в Южном военном городке Бреста. В этом лагере, где ежедневно умирали сотни людей, тем не менее был свой госпиталь, в котором наши же военнопленные врачи лечили раненых бойцов и командиров. Матевосян пробыл там три месяца и, как только рана его немного зажила и он смог ходить, сейчас же начал готовить побег.

Глубокой осенью 1941 года шестеро пленных бойцов и командиров во главе с Матевосяном, переодевшись в гражданскую одежду, ночью подползли под колючую проволоку, ограждавшую лагерь, и ушли в окрестные леса. Вскоре после этого Матевосян оказался в рядах партизанского отряда, который действовал на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Он участвовал в боевых операциях партизан и во время одной стычки с гитлеровцами был снова тяжело ранен.

Уходя от карателей, партизаны оставили его до выздоровления в украинской деревне, в крестьянской семье. Там Матевосян поправился, потом ему пришлось скрываться от полицаев, и в конце концов он пришел в город Луцк, где устроился работать в артель по ремонту обуви, так как был немного знаком с сапожным мастерством.

Вскоре он принял участие в деятельности луцких подпольщиков и стал одним из их руководителей. А когда в начале 1944 года Советская Армия подошла к Луцку, подпольщики во главе с Матевосяном

подняли восстание в центральных кварталах, дезорганизовали этим оборону противника и помогли нашим войскам быстрее овладеть городом.

После этого Матевосян был направлен на офицерские курсы, вскоре закончил их и снова вернулся на фронт уже в звании лейтенанта и в должности командира гвардейской штурмовой роты.

Больше года Матевосян сражался на фронте, пройдя с этой гвардейской ротой славный боевой путь. Он был еще трижды ранен, получил два ордена — Отечественной Войны и Красной Звезды, участвовал в штурме Берлина и закончил войну, расписавшись на стене рейхстага.

После войны он демобилизовался и уехал домой, в Армению, вернувшись к своей работе по специальности.

Мы с Матевосяном напряженно работали в течение нескольких дней — я подробно записывал его воспоминания. И вот во время этих бесед у нас возникла мысль побывать вдвоем в Брестской крепости. Там, на месте, Матевосян смог бы гораздо лучше вспомнить обстоятельства обороны и наглядно показать мне, где что происходило.

Но Матевосян был инженером, ответственным работником, и не мог совершить такое путешествие самостоятельно, без разрешения начальства. К счастью, его начальник Е. М. Арутюнян с готовностью пошел нам навстречу и предоставил Матевосяну отпуск для поездки в Москву и Брест. Словом, уже через две недели мы с Матевосяном встретились в Москве и начали готовиться к отъезду в Белоруссию.

В Брест мы прибыли вчетвером. С нами выехала из Москвы сотрудница Музея Советской Армии Т. К. Никонова, а по пути в Минске к нашей группе присоединился еще один участник обороны Брестской крепости, бывший лейтенант, а ныне молодой белорусский журналист и писатель Александр Махнач.

Трудно передать впечатление, которое осталось у нас от первого посещения Брестской крепости. Мы пристально наблюдали за Матевосяном и Махначем. С глазами, полными слез, с необычайным душевным

волнением они ходили по этим развалинам, поросшим травой и кустами, там, где тринадцать лет назад пролилась их кровь, где они потеряли столько боевых товарищей, где они так много пережили.

На другой день после нашего приезда в крепости состоялась встреча бойцов и командиров Брестского гарнизона с участниками героической обороны 1941 года.

Несколько сотен человек собрались на центральном дворе Брестской крепости. Сюда пришел кое-кто из жителей Бреста, приехали на машинах войны Брестского гарнизона — молодые солдаты первых лет службы, которые были еще малышами в годы Великой Отечественной войны, и заслуженные офицеры-фронтовики, у которых на груди блестели боевые ордена и медали за Москву и Сталинград, за Будапешт, Вену и Берлин.

Люди расположились большим полукругом прямо на траве в центре крепостного двора. За их спинами высилось полуразрушенное, иссеченное пулями и осколками здание старой церкви, где когда-то помещался клуб гарнизона Брестской крепости. Суров и мрачен был вид этого массивного строения со стенами, сплошь искромсанными железом, с пустыми проемами окон, со снесенным куполом, где на грудах слезжавшихся камней уже зеленела трава и пробивался кустарник. Слева кучей бесформенных развалин лежал Белый дворец, справа, у слияния Мухавца с Бугом, виднелись остатки Тереспольских ворот и тянулись темно-красные кирпичные коробки разрушенных кольцевых казарм.

Тут же на траве поставили скамьи и длинный стол, за который сели несколько мужчин и женщин. Это были те, кто тринадцать лет тому назад пережил здесь, в стенах крепости, трагические и героические дни славной обороны.

Рядом с защитниками крепости Матевосяном и Махначем сидели дочь героически погибшего командира батальона капитана Владимира Шабловского Таня, студентка местного медицинского техникума, и жены командиров Аршинова-Никитина и Булыгина,

которые в дни обороны находились со своими детьми в крепостных подвалах.

С напряженным вниманием, со слезами на глазах слушали собравшиеся рассказ о грозных событиях 1941 года, о боях в крепости. Матевосян и Махнач говорили о подвигах своих боевых товарищей, об их героизме и упорстве в неравной борьбе, о неукротимой ненависти к врагу и горячей любви к Родине, которая помогала защитникам цитадели преодолевать все нечеловеческие трудности этой борьбы. Образы героев ярко вставали перед слушателями, и молодые солдаты со строгими, суровыми лицами внимали этому рассказу о славных делах своих отцов и старших братьев.

А потом, по просьбе молодых воинов, участники обороны повели их по развалинам крепости.

— Вот здесь был отсек, в котором мы поместили своих раненых, — показывал Махнач, подходя к уже поросшим травой развалинам северной части казарм. — Сюда ворвался немецкий танк и задавил всех, — добавил он. И сразу суровыми и хмурыми становились лица молодых солдат, и невольно сжимались их кулаки при упоминании о страшном злодействе гитлеровских танкистов.

Матевосян повел большую группу бойцов к руинам Белого дворца, который когда-то поручил ему оборонять комиссар Фомин. Здесь осталась лежать только высокая груда камней, но вокруг дворца еще кое-где сохранились остатки старой бетонной ограды с толстыми железными прутьями прежней решетки.

Все подошли к углу ограды.

— Тут стоял наш пулемет, — показал Матевосян. — Мы вели отсюда огонь по окнам клуба, где засели фашисты. Я думаю, здесь, в земле, можно найти много патронных гильз.

Кто-то из солдат принес лопату и принялся копать. И в самом деле, с каждым новым взмахом лопата выбрасывала позеленевшие от времени гильзы калибра наших пулеметов. Но здесь оказались не только гильзы.

Что-то смутно забелело в разрытой землѣ, и Матвоян, быстро нагнувшись, поднял этот предмет. То была часть человеческого черепа. Почти в самой середине кости чернело пулевое отверстие с зазубренными краями. Молча и пристально инженер смотрел на эту находку, и лишь лицо его заметно побледнело да чуть-чуть дрожала ладонь, на которой лежала кость.

— Кто-то из наших, — глухо проговорил он. — Фашисты своих похоронили в городе.

Он поднял голову и обвел столпившихся вокруг него солдат глазами, в которых стояли слезы.

— Их тут, под камнями, много лежит, — дрогнувшим голосом сказал он. — Помните о них, товарищи!

Никто не ответил ему — все почувствовали, что слова сейчас не нужны. Но по лицам молодых солдат, взволнованным и торжественно-строгим, было видно, что все услышанное и увиденное сегодня надолго запало им в душу, и дела безвестных героев 1941 года, павших в бою среди развалин старой крепости, навсегда останутся для них примером доблести и мужества, примером выполнения воинского долга перед Родиной. И каждый из них сейчас чувствовал себя наследником и хранителем боевой славы этих героев.

Когда все вместе тесной толпой направлялись к машинам, ожидавшим солдат, старшина Борис Орлов, сверхсрочник, прослуживший здесь, в Бресте, после войны около десяти лет, рассказал о том, как однажды он встретил тут в крепости одного из ее бывших защитников.

Было это в 1951 или 1952 году летом. Группа солдат под командованием Орлова работала в западной части Центрального острова, когда, проскочив мост через Мухавец, в крепость въехала легковая машина, такси из города. Машина остановилась у Холмских ворот, и из нее вышел офицер. Сняв фуражку, он, озираясь по сторонам, медленно пошел вдоль казарм в сторону Тереспольской башни, неподалеку от которой работали солдаты Орлова.

Офицер остановился у развалин Тереспольской башни. Это был майор лет сорока, с заметной проседью в темных волосах и со строгим, резко очерченным лицом. На груди его тесно, в два ряда, пестрели ордена и медали.

Майор долго стоял с непокрытой головой, пристально глядя на камни развалин и, видимо, не замечая солдат. Те, в свою очередь, без особенного любопытства поглядывали на незнакомого им командира. Офицеры, ехавшие служить за границу или возвращавшиеся на Родину из оккупационных войск, нередко в ожидании поезда приезжали с вокзала осмотреть крепость, о которой ходили такие удивительные рассказы. Солдаты уже привыкли к подобным посетителям.

Но то, что произошло затем, было совсем необычным и невольно привлекло внимание солдат к приезжему. Незнакомый майор вдруг тихонько опустился на колени и потом приник грудью к пыльным и грязным, буровато-серым камням развалин, закрыв лицо руками. Громкие, неудержимо рвущиеся рыдания донеслись до солдат.

Старшина и два бойца тотчас подошли к офицеру.

— Что с вами, товарищ майор? — участливо спросил Орлов.

Майор, вздрогнув от неожиданности, оглянулся. При виде бойцов он овладел собой и встал с земли. Лицо его было мокро от слез, и глубокая скорбная складка залегла между густыми, строго нахмуренными бровями.

— Мы дрались здесь в сорок первом, — прерывающимся голосом ответил он.

Солдаты с сочувствием и живым любопытством смотрели на майора, как бы ожидая, что он заговорит о тех, памятных ему днях. Но майор больше не сказал ничего. Он постоял еще несколько минут, вытер платком глаза, надел фуражку и, козырнув солдатам и старшине, быстро пошел к машине.

— Хотел я его фамилию спросить, да как-то не-

удобно было, — сказал Орлов. — Вижу, расстроился человек.

— А ведь, может быть, их немало есть, живых защитников крепости, — задумчиво сказал один из офицеров. — Живут по разным местам, и никто о них не знает...

На другой день мы с Матевосяном и Махначем приехали в Южный военный городок Бреста, где когда-то находился гитлеровский лагерь для военнопленных. Сейчас ничто не напоминает о том страшном времени. Правда, по-прежнему тут высятся те же красные кирпичные казарменные корпуса, вокруг которых густо разрослись большие деревья. Только в одном месте, между домами, стоит за оградой невысокий каменный обелиск, на котором высечено: «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины!»

И вот, когда мы вышли около обелиска из машины, эти два взрослых человека начали рыдать, как дети. И Матевосян сквозь рыдания, вспоминая тех людей, вместе с которыми ему пришлось быть в гитлеровском лагере, сказал:

— Они уже не могли ходить... Они только ползали и говорили нам: «Товарищи, вырветесь за проволоку, не забывайте о нас, отомстите за нас!»

А Махнач, также сквозь слезы, сказал, показывая на густые зеленые деревья:

— Видите, вот здесь не было ни одного листа — пленные все съели.

Очень много незабываемых, поистине потрясающих впечатлений оставила эта поездка в Брест. Мы ежедневно бывали в крепости с Матевосяном и Махначем, слушая их рассказы. Кроме того, мне удалось разыскать в Бресте семьи командиров, погибших в крепости, — тех самых женщин и детей, которые вместе с нашими воинами пережили все тяготы обороны в памятные дни июня и июля 1941 года.

Мы пробыли в Бресте неделю и вернулись назад. Матевосян, Никонова и я уехали в Москву, а Махнач вернулся к себе в Минск.

В Москве Матевосян еще на некоторое время за-

держался, используя оставшиеся дни отпуска. Ему нужно было добиться пересмотра вопроса о своей партийности в Центральном Комитете партии. Дело в том, что после войны Матевосян еще не был восстановлен в рядах партии, и он хотел воспользоваться пребыванием в столице, чтобы лично хлопотать об этом. Впрочем, вскоре отпуск его кончился, и он вынужден был уехать, не дождавшись решения. Но спустя несколько месяцев я получил от него из Еревана длинную телеграмму, в которой он восторженно сообщал мне, что снова находится в рядах Коммунистической партии Советского Союза.

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА ФИЛЯ

Когда мы вернулись из Бреста, я снова вспомнил об участнике обороны крепости Александре Филе из Якутии.

Как указывалось выше, из письма Александра Филя в Музей Советской Армии я впервые узнал фамилию Матевосяна. Когда мы встретились с Матевосяном, я стал расспрашивать его о Филе. Матевосян давал ему самую лучшую характеристику. Он рассказывал, что Филь до войны был одним из самых активных комсомольцев, секретарем комсомольской организации штаба полка. Он характеризовал его как настоящего советского патриота, человека, беспредельно преданного Родине и партии, вспоминал, что Филь героически сражался в первые дни обороны крепости, вплоть до того момента, когда Матевосян был ранен и вышел из строя.

Я уже говорил, что Филь на протяжении двух с лишним лет не отвечал на запросы музея, и последние его письма были датированы 1952 годом.

Снова перечитав эти письма Филя, я обратил внимание на то, что они проникнуты каким-то тяжелым настроением. Чувствовалось, что Филь — человек травмированный, переживший какую-то большую личную трагедию. В его письмах встречались такие фразы: «Я не имею права писать о героях потому, что

я был в плену», «Я жалею, что не погиб там, в Брестской крепости, вместе со своими товарищами, хотя это от меня не зависело».

В одном из писем он вскользь упоминал о том, что лишь недавно отбыл наказание и получил гражданские права. Что это за наказание и в чем заключалась его вина, он не сообщал.

Возникли две догадки. Либо Филь в 1952 году уехал из Якутии и сейчас живет где-то в другом месте, либо он просто прекратил эту переписку, считая, как он писал, что человек, побывавший в плену, не имеет права говорить о героях. Как бы то ни было, следовало приложить все усилия, чтобы разыскать Филя. Дело в том, что Матевосян и Махнач могли рассказать только о событиях самых первых дней обороны, до того, как они были ранены, а Филь сражался в крепости больше недели и все это время находился рядом с главными руководителями гарнизона центральной крепости — полковым комиссаром Фоминым и капитаном Зубачевым. Его воспоминания должны были пролить свет на многие обстоятельства обороны.

Я начал с того, что дал телеграмму в Алдан управляющему трестом «Якутзолото», в системе которого работал Филь. Уже на другой день я получил телеграмму от управляющего Н. Е. Заикина — он сообщал мне, что Филь живет и работает на прежнем месте.

Тогда я написал Филю большое письмо. В этом письме я доказывал ему, что он не имеет права молчать и обязан поделиться своими воспоминаниями о том, что он видел и пережил в дни героической обороны, хотя бы во имя памяти своих товарищей, павших там, на камнях крепости. Я писал ему, что не знаю, в чем заключается его вина, но если есть в его проступке какие-то смягчающие обстоятельства, то я, в меру своих возможностей, помогу сделать все, чтобы снять это пятно с его биографии. Наконец, я спрашивал Филя, не будет ли он возражать, если я попытаюсь организовать ему командировку из Якутии в Москву для встречи со мной.

Прошло больше месяца — письма из Якутии идут долго, — и я, наконец, получил ответ от Филя. Он извинялся передо мной за долгое молчание, признавал, что мои доводы его переубедили, рассказывал целый ряд подробностей обороны крепости и в заключение писал, что он был бы счастлив приехать в Москву и помочь мне в работе.

После этого я отправился к начальнику «Главзолота» Министерства цветной металлургии К. В. Воробьеву и около часа рассказывал ему об обороне Брестской крепости. Он слушал с большим вниманием, заинтересовался, и тогда я рассказал ему о Филе и попросил помочь вызвать его в Москву. Потребовалось ходатайство Союза советских писателей, потребовалось, чтобы журнал «Новый мир» взял на себя расходы по командировке Филя, но в конце концов все было улажено и К. В. Воробьев отправил вызов в Алдан.

Филь приехал в Москву в феврале 1955 года, и мы встретились с ним в редакции журнала «Новый мир». Сначала он произвел на меня впечатление человека угрюмого, скрытного, недоверчивого и какого-то настороженного, словно он все время боялся, что люди напомнят ему о том пятне, которое легло на его биографию. Когда я прямо спросил, в чем заключается его вина, этот на вид здоровый, крепкий человек вдруг разрыдался и долго не мог успокоиться.

История его была такова. В Брестской крепости он попал в плен без сознания, будучи контуженным при взрыве. Гитлеровцы отправили его в далекие северные лагеря в Норвегии, и он пробыл там до конца войны. Когда после освобождения Филь вернулся на Родину, его обвинили в том, что он служил во власовской армии, и отправили в Якутию. Филь категорически отрицал свою вину. Он говорил, что никогда не записывался во власовскую армию, и, по его словам, это несправедливое обвинение было результатом недобросовестности следователя, который вел его дело.

Я обещал в дальнейшем помочь ему, а пока что начал подробно записывать его воспоминания. Он

рассказал много интересного об обороне крепости, и во время этих бесед я познакомился также с его личной биографией.

Александр Митрофанович Филь был сыном бедняка-крестьянина из станицы Тимашевской на Кубани. В детстве он бежал из дому, беспризорничал, а потом попал в Ростов в семью старого большевика, одного из героев гражданской войны на Кавказе, воспитывался там, получил специальность бухгалтера, работал, а впоследствии поступил на первый курс в университет. Потом он был призван в армию и оказался в Брестской крепости. Словом, ничто ни в биографии А. М. Филья, ни в его поведении в дни боев не давало права предполагать, что он мог стать предателем Родины. Да и весь склад мышления этого человека, весь его характер, каким он раскрылся передо мной во время наших бесед, подтверждали это. Я пришел к твердому убеждению, что Филь — честный и преданный советский человек, и решил добиться пересмотра его дела.

Помню, мы закончили запись его воспоминаний уже на исходе зимнего февральского дня, часов в пять вечера. Я тут же поднял телефонную трубку и позвонил Главному военному прокурору генералу Е. И. Варскому. Коротко объяснив ему суть дела, я просил его помощи.

На другой же день, в десять часов утра, он принял меня и Филья. Внимательно выслушав нас обоих, он немедленно вызвал работников прокуратуры и приказал им срочно начать проверку дела Филья.

Филь вскоре после этого уехал домой, в Якутию, а я время от времени заходил в Военную прокуратуру, поддерживая постоянный контакт со следователями.

Нужно сказать, что работники Главной военной прокуратуры полковник В. П. Маркарянц и подполковник Г. И. Дорофеев проявили глубоко человеческое, исключительно внимательное отношение к делу Филья. Были затребованы документы из архивов, из дальних городов, кропотливо проверен весь материал об-

винения, и постепенно картина все больше и больше прояснялась.

Словом, после тщательного рассмотрения дела в прокуратуре я в начале января 1956 года смог дать А. М. Филю долгожданную телеграмму. Вот текст этой телеграммы:

«Алдан, Якутзолото, Заикину, для начальника лесоучастка Ленинского приискового управления Александра Митрофановича Филя. Тридцать первого декабря Генеральный прокурор подписал постановление о Вашей полной моральной реабилитации. Постановление выслано в Алдан, днями Военная прокуратура высылает в Ваш адрес официальную бумагу. Поздравляю Вас, героя Брестской крепости, с полным восстановлением Вашего доброго имени».

Вскоре я получил восторженную телеграмму Филя, а затем его письмо, говорившее о том, что этот человек сейчас почувствовал себя возрожденным к жизни и полон радостных надежд на будущее.

Чтобы закончить историю Александра Митрофановича Филя, я могу добавить, что сейчас он стал коммунистом, и я с большой готовностью дал ему свою рекомендацию для вступления в ряды партии. Я глубоко убежден в том, что А. М. Филь будет достойным членом партии так же, как он был достойным защитником Родины в дни памятной обороны Брестской крепости.

ДОЧЕРИ КАПИТАНА ШАБЛОВСКОГО

Таким образом, рамки моей работы постепенно расширялись, по мере того как я углублялся в изучение истории обороны Брестской крепости. Приходилось писать десятки писем в разные города, разыскивая новых участников обороны, приходилось и помогать некоторым из этих людей в исправлении их судеб. И, конечно, мне одному не по плечу была бы такая работа. Но я был вовсе не один. Повсюду, куда бы я ни обращался — в городах и селах, в колхозах, на заводах, в учреждениях, — я везде находил

добровольных помощников, советских людей с широкой душой, с благородным, добрым сердцем, которые всегда были готовы прийти ко мне на помощь в этих делах.

Многих из этих моих добровольных помощников я знаю только по письмам, и мне сейчас хочется еще раз от души их поблагодарить. И, пожалуй, неоценимую помощь этих людей ярче всего можно показать на примере истории дочерей капитана Шабловского.

В первые дни обороны Брестской крепости в гитлеровский плен попал командир батальона капитан Владимир Васильевич Шабловский с несколькими своими бойцами. Большинство из них было ранено, а у самого капитана оказалась простреленная рука. Вместе с ними в плен была захвачена группа женщин и детей, среди которых находилась жена капитана Шабловского Галина Корнеевна и четыре их дочери. Старшей из девочек исполнилось восемь лет, а младшей — восемь месяцев.

Гитлеровцы построили пленных в колонну и под конвоем автоматчиков погнали в тыл, за Буг. На пути колонны был мост. Когда пленные дошли до середины моста, капитан Шабловский, который нес на здоровой руке свою младшую дочь, поцеловал ее, передал жене и, обернувшись к товарищам, крикнул:

— Кто не хочет оставаться в плену, за мной!

В следующий момент он бросился через перила моста в воду, и за ним бросились его бойцы. Автоматчики тут же перестреляли их в воде. Но они и искали смерти, а не спасения — раненые и измученные люди все равно не смогли бы никуда уйти.

Этот поступок капитана и его бойцов произвел глубокое впечатление даже на врагов. Гитлеровцы сразу повернули колонну назад, а потом отделили женщин и детей и отвели их в Брестскую городскую тюрьму.

В тюрьме Галина Корнеевна Шабловская и четыре ее дочери провели около двух недель, после чего их выпустили. Жена капитана сейчас же уехала в одну из деревень неподалеку от Бреста и вскоре

стала связной партизанского отряда. В 1943 году, выполняя задание партизан, она была схвачена гестаповцами. В гестапо ее долго и безуспешно пытали, а потом повесили. Уже впоследствии она была посмертно награждена медалью «Партизану Великой Отечественной войны».

Подруги Шабловской по партизанскому отряду тотчас же отвезли ее дочерей в разные деревни и отдали их на воспитание в крестьянские семьи, опасаясь, чтобы гестапо не узнало про девочек и не расстреляло их. Так дети капитана Шабловского, оставшиеся круглыми сиротами, дожили до освобождения Бреста Советской Армией в 1944 году.

Государство позаботилось о дочерях героя, погибшего в Брестской крепости. Четыре девочки были помещены в детский дом в городе Кобрине и получали пенсию за своего погибшего отца. Сейчас это уже взрослые женщины и девушки. Раиса Шабловская уже замужем, мать двух детей и живет в городе Запорожье. Ее сестра Таня окончила в Бресте фельдшерскую школу и недавно тоже вышла замуж. Третья дочь капитана — Наташа была студенткой Днепропетровского института инженеров транспорта, а младшая из сестер — Светлана, окончив техникум советской торговли, работает продавцом в одном из брестских магазинов.

Девочки были очень малы, когда погибли их родители, и они почти ничего не знали об отце и матери, кроме их имени и отчества. У них не осталось никаких документов. Даже возраст девочек определяли в детском доме по медицинскому осмотру, и при этом старшая из дочерей — Раиса — утверждала, что возраст двух младших сестер — Светланы и Наташи — был установлен неправильно. Им записали годы рождения 1937 и 1938, тогда как Раиса помнила, что они родились позже.

Это имело для них прямое практическое значение, потому что к тому времени, как я установил связь с дочерьми Шабловского (это было в 1955 году), Наташе уже прекратили выплачивать пенсию за погиб-

шего отца, как совершеннолетней, а Светлане оставалось получать ее всего несколько месяцев.

Надо было помочь дочерям Шабловского. Для этого предстояло разыскать личное дело капитана Шабловского, которое, как и личные дела всех офицеров Советской Армии, хранится в архивах Министерства обороны СССР. Я позвонил в Главное управление кадров министерства к полковнику Ивану Михайловичу Конопихину, который всегда очень много помогал мне в розыске героев Брестской крепости. После долгих поисков Конопихину удалось в одном из военных архивов найти папку с личным делом Шабловского.

Я познакомился с документами, подшитыми в этой папке. Среди них была автобиография, написанная Владимиром Васильевичем Шабловским в 1939 году. Из автобиографии я узнал, что капитан Шабловский был родом из бедной крестьянской семьи на Могилевщине, что в детстве он батрачил у помещика, пас его скот, потом прошел большую трудовую школу, работал на шахте в Донбассе, а затем его призвали в ряды Красной Армии. Он окончил командирскую школу, стал командиром взвода, потом роты, после этого был назначен военным комиссаром в один из районов Белоруссии, а оттуда уже получил назначение в Брестскую крепость, где занял должность командира стрелкового батальона.

В автобиографии капитан Шабловский перечислял адреса своих сестер и братьев, которые оказались довольно многочисленными. Правда, все эти адреса относились к 1939 году, но тем не менее, пользуясь ими, вероятно, можно было бы разыскать следы сестер и братьев Шабловского и таким образом найти родственников девушек, которые сейчас считались совершенно одинокими.

Я написал по всем этим адресам. В одном случае я обратился к секретарю райкома партии того района, где когда-то жил брат Шабловского, в другом случае — к директору совхоза, где когда-то работал его другой брат, и т. д. И вот вскоре я получил ответ на

один из моих запросов. Я привожу здесь это письмо, присланное мне из Могилевской области.

«Уважаемый товарищ Смирнов! Партийная организация Кузьковичской МТС Быховского района получила ваше письмо и сообщает, что дочери капитана Шабловского, погибшего за нашу прекрасную Родину, не одиноки. В деревне Грудиновке Быховского района проживает семья брата Владимира Васильевича, Авраама, — жена Елена Елисеевна, сыновья Леонид, Аркадий, Владимир, Виктор и Михаил. Леонид, Аркадий и Виктор работают в Кузьковичской МТС, расположенной в деревне Грудиновка, на базе бывшего совхоза. Аркадий и Леонид работают механиками, а Виктор — помощником комбайнера. Владимир и Михаил учатся в школе. Брат героя Авраам в 1953 году умер. Ваше письмо читали жена и дети Авраама Васильевича, и они уже написали письма своим дорогим племянницам и сестрам с тем, чтобы установить родственную связь.

Секретарь партийной организации Кузьковичской МТС Быховского района Я. Вишневский».

Уже на следующее лето две дочери Шабловского поехали в гости к родственникам в деревню Грудинску и провели там каникулы вместе со своими двоюродными братьями.

Но личное дело капитана Шабловского помогло не только отыскать его родственников, но и установить возраст двух его младших дочерей — Светланы и Наташи. Просматривая его автобиографию, датированную 6 февраля 1939 года, я заметил, что капитан Шабловский пишет только о двух старших дочерях — Раисе и Тане. О младших же — Наташе и Светлане — никакого упоминания не было. Из этого с очевидной ясностью вытекал логический вывод: следовательно, две младшие дочери родились позже даты заполнения автобиографии и, значит, их годы рождения определяются как 1939 и 1940.

Я обратился в главное управление кадров с просьбой дать мне, на основании логического вывода из автобиографии Шабловского, справку о действитель-

ном возрасте двух младших дочерей погибшего капитана. Там с готовностью согласились, и тогда я послал эту справку вместе с подробным письмом Наташе Шабловской, жившей тогда в Запорожье, а также написал Орджоникидзеvскому районному военному комиссару города Запорожья, в райвоенкомате которого Наташа получала раньше пенсию за отца.

Райвоенком подполковник Т. И. Кондратенко подошел исключительно чутко и внимательно к делу дочерей Шабловского и во многом помог им. Через месяц или полтора я получил от него письмо, в котором он писал:

«Уважаемый Сергей Сергеевич! Прошу принять мое извинение за долгое молчание и хочу доложить Вам, что мною сделано по Вашей просьбе.

Задержался с ответом потому, что пересылал свидетельство о рождении Наташи в Брест для внесения изменения в актовую запись о ее рождении. Год рождения Наташи исправлен на 1939, о чем выдано ей новое свидетельство о рождении. Пенсию ей также восстановили, и она ее уже получает.

Для исправления года рождения Светланы я направил копию Вашего письма и справки Новогрудковскому райвоенкому Барановичской области по месту учебы Светланы, рекомендовал ему, как это сделать, и просил об исполнении поставить Вас в известность».

Спустя некоторое время я получил письмо и от Новогрудковского райвоенкома гвардии подполковника Коротаева. Он сообщил мне, что год рождения Светланы исправлен и она могла бы получать пенсию за погибшего отца, но в связи с тем, что в техникуме, где в то время училась Светлана, она поставлена на полное государственное обеспечение и ни в чем не нуждается, девушка отказалась от получения этой пенсии.

Такова судьба дочерей героя Брестской крепости капитана Шабловского, о которых постоянно заботилось и продолжает заботиться наше Советское государство.

ПЕТЯ КЛЫПА

В Брестской крепости женщины и дети были не только в крепостных подвалах. Некоторые из этих женщин и детей-подростков выходили наверх, становились в ряды бойцов и сражались плечом к плечу со своими мужьями и отцами.

Сохранился, например, рассказ о подвиге молодой сельской учительницы Кати Тарасюк, которая в июне 1941 года приехала в гости к мужу-лейтенанту, служившему в крепости, и там ее застигла война. Ее муж погиб, лежа за пулеметом, когда он отбивал атаку гитлеровцев. Узнав об этом, Катя Тарасюк вышла из подвала, легла за этот же пулемет и продолжала косить атакующих фашистов, пока вражеская пуля не сразила ее.

Были дети, которые дрались в крепости с оружием в руках.

Еще во время первой своей поездки в Брест я слышал от некоторых участников и очевидцев обороны крепости удивительные рассказы о мальчишке-бойце. Говорили, что ему было всего лет 12—13, но он дрался в крепости наравне со взрослыми бойцами и командирами, участвовал даже в штыковых атаках и рукопашных схватках и, по словам всех, кто о нем помнил, отличался исключительной смелостью, отвагой, каким-то недетским бесстрашием.

Я очень заинтересовался этим мальчиком-героем и впредь стал расспрашивать о нем всех бывших защитников крепости, которых мне удавалось находить. Многие вспоминали о нем, но, к моему огорчению, никто не знал его фамилии и не мог сказать, что случилось с этим мальчиком в дальнейшем.

Но вот как-то раз один из старожилов Бреста, когда я в разговоре с ним упомянул о мальчишке-бойце, сказал мне:

— Я много слышал об этом мальчишке, хотя и не видел его никогда. Но тут, в Бресте, есть человек, который может вам о нем рассказать. На Комсомольской улице в городском ресторане «Беларусь» играет

по вечерам аккордеонист. Он когда-то дружил со старшим братом этого мальчика и должен помнить его фамилию.

Я отправился в тот вечер ужинать в ресторан «Беларусь». И действительно, в глубине ресторанный зала на маленькой эстраде выступало музыкальное трио — пианист, аккордеонист и скрипач. Я подождал, пока музыканты поиграли и присели за столик, чтобы поужинать. Тогда я подошел к этому аккордеонисту и начал расспрашивать его о мальчике, который меня интересовал.

— Да, — сказал аккордеонист, — я этого мальчика знал до войны. Ему тогда было четырнадцать лет, и звали его Петя Клыпа. Он был воспитанником музыкантского взвода 333-го стрелкового полка, носил красноармейскую форму и играл в духовом оркестре на трубе. А его брат в то время имел звание лейтенанта и командовал этим самым музыкантским взводом, был полковым капельмейстером.

К сожалению, аккордеонист не знал, что впоследствии стало с Петей, но вспомнил, что год или два назад кто-то говорил ему, будто старший брат мальчика Николай Клыпа остался жив, после войны продолжает служить в армии и уже носит звание майора. Таким образом, для поисков у меня уже оказалась путеводная нить: майор Николай Клыпа.

Несколько дней спустя после этого разговора в ресторане я встретился в Бресте с военным музыкантом старшиной сверхсрочной службы Михаилом Игнатьевичем Игнатьюком. Старшина Игнатьюк служил в 1941 году в том же самом музыкантском взводе 333-го полка, что и Петя Клыпа. Война застигла Игнатьюка в крепости, и он участвовал в ее обороне на том же участке, где сражался Петя Клыпа.

Еще позже я попал в районный город Брестской области — Пинск и там нашел дочь погибшего в крепости старшины Зенкина — Валентину Сачковскую. Валя Зенкина была однолеткой Пети Клыпы и перед войной училась вместе с ним в школе. Жила она в самой крепости, и в первый же день войны гитлеровцы

захватили ее в плен вместе с матерью и другими женщинами и детьми. Немецкий офицер тут же, несмотря на протесты матери, вытолкнул девочку из рядов пленных и приказал ей идти в центр крепости, к зданию казарм, где оборонялись бойцы и командиры 333-го полка. Он велел Вале передать им ультиматум. Немецкое командование требовало, чтобы защитники крепости немедленно прекратили сопротивление и сдались в плен, или, в противном случае, как сказал офицер, «их смешают с камнями».

Валя побежала через крепостной двор к этому зданию, а вокруг нее свистели пули, гремели взрывы, и жизни девочки ежесекундно угрожала опасность. К счастью, бойцы сразу заметили ее и прекратили огонь из окон казарм. Вале помогли влезть в окно подвала и привели ее к старшему лейтенанту Потапову, который возглавлял оборону на этом участке. Девочка передала ему требования врага. Конечно, защитники крепости не собирались сдаваться в плен, и Потапов сказал Вале, чтобы она пошла обратно и передала офицеру отрицательный ответ на ультиматум.

Но Валя отказалась идти. Хотя ее мать осталась там, в фашистском плену, тем не менее девочка не хотела уходить отсюда. Она чувствовала себя смелее и увереннее рядом с бойцами, несмотря на то, что здесь, в крепости, рвались бомбы и снаряды, неумолчно трещали пулеметы и людей повсюду подстерегала смерть. Валя спустилась в подвалы казарм 333-го полка и там вместе с женщинами ухаживала за ранеными защитниками крепости. При этом она часто встречалась с Петей Клыпой, который сражался на том же участке, и была свидетельницей его поведения в боях.

Старшина Игнатюк и Валентина Сачковская рассказали мне много удивительного об этом мальчике.

С первых минут войны Петя Клыпа, по их словам, не потерял присутствия духа и сохранил полное самообладание, хотя сразу же был оглушен и контужен близким взрывом. Среди взрослых бойцов были люди,

которые растерялись, поддались в первый момент панике, и командир ставил им в пример этого мальчика — он, едва опомнившись от взрыва, ошеломленный, наполовину глухой, сейчас же схватил оружие и приготовился встретить врага.

В дни обороны Петя Клыпа много раз ходил, выполняя поручения командиров, в разведку по крепости. Для него не было запретных мест, мальчик отважно и ловко пробирался на самые опасные участки, бывал буквально повсюду и приносил в штаб ценнейшие сведения о противнике.

Не было бинтов, медикаментов, и раненых нечем было перевязывать и лечить. Петя отправился на поиски и нашел в одном месте полуразрушенный склад какой-то санитарной части. Мальчик набрал здесь перевязочного материала и кое-каких лекарств и принес все это в подвалы казарм. Тем самым многие раненые были спасены от смерти.

Не было воды. Немногие храбрецы отваживались под страшным перекрестным огнем немецких пулеметов подползти с котелком в зубах к берегу Буга. Немногим из них удавалось вернуться обратно. Петя Клыпа много раз отправлялся на эти опасные вылазки за водой и возвращался всегда благополучно. Этот мальчик, ежечасно рискуя жизнью, выполняя трудные опасные задания, участвуя в жестоких боях, в то же время был неизменно весел, энергичен, бодр, напевал какие-то песенки, и один его вид поднимал дух бойцов и прибавлял им силы.

Когда положение на участке 333-го полка стало безнадежным и защитники крепости поняли, что им остается только погибнуть или попасть в руки врагов, командование решило отправить в плен женщин и детей, находившихся в подвалах, рассчитывая на то, что гитлеровцы пощадят их и хоть кто-нибудь из них уцелеет. Пете Клыпе, как подростку, предложили идти в плен вместе с женщинами и детьми. Но мальчик гордо отверг это предложение. Он сказал, что считает себя красноармейцем, будет драться до конца вместе со своими товарищами и, если придется, сумеет уме-

реть в бою. Командир разрешил ему остаться, и Петя принимал участие во всех дальнейших боях.

Остался ли жив этот мальчик после войны и где он сейчас находится, ни Игнатюк, ни Сачковская не знали.

Вернувшись в Москву из этой поездки, я решил разыскать брата Пети Клыпы и позвонил к тому же «всемогущему» полковнику И. М. Конопихину в Главное управление кадров Министерства обороны. К сожалению, я мог ему дать на этот раз только очень скудные сведения об интересовавшем меня человеке, что, конечно, затрудняло его поиски. Но я рассчитывал на то, что фамилия Клыпа — мало распространенная, и, возможно, благодаря этому и удастся найти в списках офицеров майора Николая Клыпу.

Действительно, уже на другой день, когда я позвонил к Ивану Михайловичу, он мне сказал:

— Берите карандаш и записывайте! Майор Николай Сергеевич Клыпа, 1915 года рождения, в настоящее время является районным военным комиссаром Маслянского района Тюменской области в Сибири.

Обрадованный этой удачей, я тотчас же написал майору Николаю Клыпе (впрочем, оказалось, что не так давно он уже стал подполковником) и вскоре получил от него ответ. Н. С. Клыпа писал мне, что его младший брат действительно был участником обороны Брестской крепости, после войны вернулся домой живым и здоровым, но, к сожалению, в последние годы связь между братьями оборвалась, и он сейчас не знает адреса Петра. Однако он тут же сообщил, что в Москве живет их сестра, у которой я могу узнать теперешнее местонахождение Петра Клыпы.

Я поехал на Дмитровское шоссе по указанному мне адресу, застал дома мужа сестры и от него я неожиданно узнал, что Петр Клыпа отбывает заключение в Магаданской области, осужденный за соучастие в уголовном преступлении.

Это была весьма неприятная неожиданность, но я все же взял у родных Петра Клыпы его адрес и вскоре написал ему письмо, в котором просил поделиться

со мной своими воспоминаниями, рассказать обо всем, что он пережил и видел в крепости.

Магаданская область — край далекий, и поэтому прошел целый месяц, прежде чем я получил ответ. П. С. Клыпа горячо откликнулся на мою просьбу — он обещал подробно записать свои воспоминания и постепенно высылать их мне письмами. Вслед за тем началась наша регулярная переписка. Петр Клыпа общал мне интереснейшие подробности боев за крепость, называл фамилии участников и руководителей обороны. Вдобавок он снабжал каждое письмо составленной по памяти схемой обороны, и нужно сказать, что это были очень точные чертежи. Чувствовалось, что глаза четырнадцатилетнего мальчика жадно впитывали все, что происходило вокруг него, и в памяти его осталось гораздо больше событий и имен, чем в памяти взрослых участников обороны.

Я обратил внимание на то, что в этих воспоминаниях Клыпа очень скромно в отношении самого себя. Он почти ничего не писал о себе, но рассказывал главным образом о своих боевых товарищах. И вообще, по мере того как разворачивалась наша переписка, из его писем вставал передо мной довольно светлый образ отнюдь не преступника, а человека неиспорченного, честного, с добрым сердцем, с хорошей душой.

В это время я поближе познакомился и с его семьей: с сестрой — переводчицей одного из научно-исследовательских институтов, с ее мужем — инженером-нефтяником, с матерью Петра, которая тогда жила здесь, в Москве, у дочери. Затем как-то приехал погостить в столицу его брат подполковник Николай Клыпа.

Они много рассказывали мне о Петре, познакомили меня с его биографией, своеобразной и нелегкой, но в которой не было никаких оснований для того, чтобы он стал преступником.

Петр Клыпа был сыном старого большевика, железнодорожника из Брянска. В раннем детстве он осиротел и еще двенадцатилетним мальчиком пошел в качестве воспитанника в ряды Советской Армии,

мечтая стать военным. Два его брата были офицерами Советской Армии. Один из них погиб при выполнении служебного задания на Дальнем Востоке, а другой — Николай, как уже указывалось, был сейчас подполковником.

Все, что мне рассказывали о Пете Клыпе его знакомые, друзья и родные, говорило о нем только с положительной стороны. Его все характеризовали, как настоящего советского патриота, как человека с хорошими задатками, с доброй душой, бескорыстного, искреннего и честного, прекрасного товарища, всегда готового прийти на помощь другим.

Я решил в конце концов узнать, в чем заключается вина Петра Клыпы. В одном из писем я попросил его рассказать мне без утайки о своем преступлении, и он в ответ подробно описал сущность дела. Оказалось, что сам он не совершал никакого преступления. Это преступление, немалое и тяжкое, совершил в его присутствии его бывший школьный товарищ, и Петр Клыпа, поддавшись ложному чувству дружбы, вовремя не сообщил о происшедшем, дав возможность преступнику продолжать свою опасную деятельность, и тем самым по закону оказался соучастником преступления.

Мне стало ясно, что вина его сильно преувеличена и наказание, которое его постигло, было чересчур жестоким. Я попросил товарищей из Главной военной прокуратуры, которые помогли мне в свое время реабилитировать А. М. Филя, теперь ознакомиться с делом Петра Клыпы и высказать свое мнение. Дело было затребовано в Москву, его проверили, и мои предположения подтвердились. Вина Петра Клыпы была не столь уж велика, и, учитывая его поведение в Брестской крепости, смело можно было ходатайствовать об отмене или смягчении наказания.

Я начал с того, что написал старшине Игнатиюку в Брест и Валентине Сачковской в Пинск. Я просил их обоих письменно изложить все то, что они мне когда-то рассказывали о героических поступках Пети Клыпы во время боев в Брестской крепости, а потом заверить свои подписи печатью и прислать эти сви-

детельства мне. Сам же я написал подробное заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР Климента Ефремовича Ворошилова. Приложив к своему заявлению свидетельства Игнатюка и Сачковской, я отправил все эти документы в Президиум Верховного Совета СССР.

Там, в Президиуме, внимательно, на протяжении нескольких месяцев, занимались этим делом. Были проверены все обстоятельства, запрошены характеристики на Петра Клыпу с места его прежней работы и из заключения. Все эти характеристики оказались совершенно безупречными. А существо дела было таким, что давало полную возможность ставить вопрос о помиловании.

Короче говоря, в самом начале января 1956 года я получил от Пети Клыпы письмо, которое было датировано кануном нового года — 31 декабря 1955 года.

«Здравствуйте, Сергей Сергеевич! — писал мне Петя Клыпа. — Я Вам не могу описать своей радости! Такое счастье бывает только один раз в жизни! 26 декабря я оставил жилье, в котором пробыл почти семь лет.

В поселке мне объявили, что все перевалы, вплоть до Магадана, закрыты, машины не ходят, придется ждать открытия перевалов до Ягодного, где я должен получать документы.

Машин и открытия перевалов я не стал ждать, пошел пешком. Прошел благополучно перевалы и пришел в поселок. В этом поселке мне сказали, что дальше идти нельзя: Ягодинский перевал закрыт, имеются жертвы пурги и мороза. Но я пошел. Уже на самом Ягодинском перевале обморозил лицо немного и стал похож на горевшего танкиста. Но это через две недели будет незаметно. И вот так около 80 километров я шел, веря в свою судьбу. Вернее, и шел и полз.

Придя в Ягодное, я узнал, что с Магаданом вторую неделю сообщения нет. Дали мне пока что временное удостоверение до получения соответствующего письменного документа из Москвы, который должен скоро прийти, и тогда я получу паспорт и смогу дви-

гаться дальше. До получения паспорта я устроился на работу в автобазу слесарем 6-го разряда. Буду работать, пока не получу паспорт, и тогда буду спешить встретиться с Вами и моими родными, с моей мамочкой, которая потеряла все свое здоровье из-за меня».

Спустя полтора месяца Петя Клыпа приехал в Москву, и мы встретились с ним. Я был рад увидеть, что все пережитое им не наложило на него никакого тяжелого отпечатка — передо мной был молодой, жизнерадостный, полный энергии и бодрости человек. А когда мы поближе познакомились с ним, я понял, что не ошибся, поверив в Петра, — в нем чувствовался действительно человек хорошей души, доброго сердца, и то, что произошло с ним, несомненно, было какой-то нелепой случайностью в его до этого безупречной, героической биографии.

Петя Клыпа пробыл в Москве некоторое время, а затем уехал жить к себе на родину в город Брянск. Я, со своей стороны, написал письмо первому секретарю Брянского горкома партии с просьбой оказать помощь Пете Клыпе. Мне хотелось, чтоб он, начиная новую жизнь, мог устроиться в хорошем заводском коллективе, чтобы у него была возможность одновременно с производственной работой учиться, а также показать себя и как общественника.

Вскоре я получил ответ от секретаря Брянского горкома партии Николая Васильевича Голубева. Он сообщил мне, что горком уже помог Пете Клыпе: его устроили работать на новый передовой завод в Брянске — завод «Строммашина» токарем и что ему будет предоставлена возможность с осени начать занятия в седьмом классе школы рабочей молодежи.

Сейчас Петр Клыпа — токарь 6-го разряда, один из лучших рабочих, отличник производства, и его фотография не сходит с заводской Доски почета. Он ведет и большую общественную работу — по заданиям горкома партии и горкома комсомола выступает на предприятиях города, в колхозах области, в воинских частях со своими воспоминаниями о героической обороне Брестской крепости.

Я часто получаю письма от Пети Клыпы и вижу, что перед ним раскрылось светлое, широкое будущее и он всячески старается оправдать большое доверие, оказанное ему Родиной. Нет сомнения, что он сумеет дополнить свою героическую военную биографию славными и такими же героическими делами на фронте мирного труда.

ПОДВІГ МАЙОРА ГАВРИЛОВА

Я уже писал о том, как весной 1942 года на одном из участков фронта в районе Орла было захвачено донесение, составленное штабом 45-й пехотной немецкой дивизии, в котором подробно рассказывалось о боях в Брестской крепости. В этом донесении много внимания уделяется боям за так называемый Восточный форт—небольшое земляное укрепление, расположенное в северо-восточной части крепостной территории. Это укрепление состоит из двух концентрически расположенных подковообразных земляных валов, между которыми пролегал глубокий и узкий дворик такой же подковообразной формы, а в толще валов находятся темные, глубокие казематы.

Вот что писали немецкие штабисты о боях за этот форт.

«26 июня. Гнездом сопротивления остался Восточный форт. Сюда нельзя было подступиться со средствами пехоты, так как превосходный ружейный и пулеметный огонь из глубоких окопов и из подковообразного двора скашивал каждого приближающегося.

27 июня. От одного пленного узнали, что в Восточном форту обороняется около 20 командиров и 370 бойцов с достаточным количеством боеприпасов и продовольствия. Воды недостаточно, но ее достают из вырытых ям. В форту находятся также женщины и дети. Душой сопротивления являются будто бы один майор и один комиссар.

28 июня. Продолжался обстрел Восточного форта из танков и штурмовых орудий, но успеха не было видно. Обстрел из 88-миллиметрового зенитного ору-

дия также остался без результата. Поэтому командир дивизии дал распоряжение об установлении связи с летчиками, чтобы выяснить возможности бомбежки.

29 июня. С 8.00 авиация сбрасывала много 500-килограммовых бомб. Результата нельзя было видеть. Такое же малоуспешное действие имел новый оживленный обстрел Восточного форта из танков и штурмовых орудий, несмотря на то, что были заметны в некоторых местах разрушения стен.

30 июня. Подготавливалось наступление с бензином, маслом и жиром. Все это скатывали в бочках и бутылках в фортовые окопы, и там это нужно было поджигать ручными гранатами и зажигательными пулями».

Только после того как противник подверг Восточный форт необычайно ожесточенной бомбежке, во время которой была сброшена бомба весом в 1 800 килограммов, потрясая, как пишут сами гитлеровцы, «своей детонацией весь город Брест», только после этого им удалось ворваться в форт и овладеть им. При этом были взяты в плен немногие оставшиеся в живых командиры и бойцы, большинство которых было ранено или контужено, а также женщины и дети, находившиеся в казематах форта. Но как ни обыскивали фашисты подземные помещения, им нигде не удалось обнаружить руководителей обороны форта. И по этому поводу в немецком донесении записано: «Майора и комиссара не нашли. Говорят, они застрелились».

В первую мою поездку в Брест, летом 1954 года, мне не удалось найти ни одного из тех, кто сражался в Восточном форту. В феврале 1955 года я снова побывал в Бресте. Взяв в воинской части машину, я объехал ряд глубинных районов Брестской области в поисках участников и очевидцев обороны крепости.

И вот в районном центре Жабинке, в 25 километрах от Бреста, я встретился с руководителем местной районной организации ДОСААФа лейтенантом запаса Яковом Ивановичем Коломийцем. Я. И. Коломиец служил перед войной в Брестской крепости, был командиром взвода и участвовал в обороне.

С первых же минут нашего разговора я почувствовал, что передо мной — один из защитников Восточного форта, хотя Коломиец называл его не Восточным фортом, а подковообразным земляным укреплением. Чтобы окончательно удостовериться, я посадил Коломийца в машину, поехал с ним в крепость и там попросил его повести меня к тому месту, где он сражался в 1941 году. Он сразу же привел меня к валам Восточного форта.

Я подробно записал его воспоминания. Он рассказал очень много интересного об обороне Восточного форта. Здесь, в форту, были собраны бойцы из разных частей и подразделений. Из них сформировали роты и взводы, закрепив за ними строго определенные участки обороны. В форту четко работал штаб, здесь продолжительное время действовала телефонная связь, чего не было на других участках крепости. И все это, по мнению Коломийца, было результатом энергичной организаторской деятельности майора, командовавшего обороной Восточного форта.

Коломиец с увлечением рассказывал об этом майоре. По его словам, это был необычайно волевой человек, прекрасный организатор, командир, который показывал бойцам пример бесстрашия и мужества и был подлинной душой всей этой обороны.

Я спросил фамилию этого майора, но, к сожалению, Коломиец забыл ее. Он стал вспоминать и сказал, что ему кажется, будто фамилия майора Григорьев или как-то в этом роде.

Но к тому времени в моем распоряжении уже находился небольшой и пока еще неполный список командиров, сражавшихся в крепости. Он был составлен мной со слов участников обороны, с которыми мне приходилось встречаться. Каждого из них я прежде всего заставлял перечислять все сохранившиеся в его памяти фамилии защитников крепости. В этом списке, содержавшем тогда более ста имен, было и несколько майоров. Одного за другим я стал называть их Я. И. Коломийцу. Когда я дошел до фамилии бывшего командира 44-го стрелкового полка майора Гаврилова, Коломиец восторженно и уверенно ска-

зал, что защитников Восточного форта возглавлял майор Гаврилов.

Я спросил его, что случилось с Гавриловым в дальнейшем. И Коломиец ответил мне, что в последний день боев он потерял из виду своего командира, но потом, в плену, он слышал от своих товарищей по обороне Восточного форта, что майор Гаврилов якобы застрелился, чтобы не попасть в руки врагов.

Таким образом, версия о гибели майора, которая содержалась в немецком документе, была подтверждена и одним из защитников Восточного форта.

Во время той же поездки, несколько позднее, я попал в небольшой городок Каменец в районе Бело-вежской Пущи и там в районной поликлинике встретился с врачом Николаем Ивановичем Вороновичем. Доктор Воронович не участвовал в обороне крепости, но он был военным врачом и в первые дни войны неподалеку от границы попал в плен. Гитлеровцы отправили его в лагерь в Южном военном городке Бреста, туда, где в свое время находились Матевосян, Махнач и другие защитники Брестской крепости.

Вместе со всеми нашими военнопленными врачами Н. И. Воронович лечил раненых бойцов и командиров в лагерном госпитале. И вот когда я спросил доктора Вороновича: кого из участников Брестской обороны ему пришлось лечить и что они рассказывали о сроках этой обороны, он сообщил мне следующее.

Это было 23 июля 1941 года, то есть на тридцать второй день войны, причем Воронович настаивал на дате, говоря, что он и другие врачи запомнили ее совершенно точно. В этот день гитлеровцы привезли в лагерьный госпиталь только что захваченного в крепости майора. Пленный майор был в полной командирской форме, но вся одежда его превратилась в лохмотья, лицо было покрыто пороховой копотью и пылью и обросло бородой. Он был ранен, находился в бессознательном состоянии, выглядел истощенным до крайности. Это был, в полном смысле слова, скелет, туго обтянутый кожей. До какой степени дошло истощение, можно было судить по тому, что пленный

не мог даже сделать глотательного движения — у него не хватало на это сил, и врачам пришлось применить искусственное питание, чтобы спасти ему жизнь.

Гитлеровцы рассказали врачам, что этот человек, в котором уже едва-едва теплилась жизнь, в одиночку принял с ними бой: бросал гранаты, стрелял из пистолета и убил и ранил нескольких солдат. Они говорили об этом с невольным почтением, откровенно поражаясь силой духа советского командира, и было ясно, что только из уважения к его храбрости пленного оставили в живых. После этого, по словам Вороновича, в течение нескольких дней в лагерь из Бреста приезжали германские офицеры, которые хотели посмотреть на героя, проявившего такую удивительную стойкость, такую всепобеждающую волю к борьбе с врагом.

Я спросил у доктора Вороновича фамилию этого майора, но, к сожалению, он ее забыл. Тогда, как и в беседе с Коломийцем, я стал называть ему фамилии майоров из моего списка. И вдруг Воронович сказал, что, как он теперь ясно вспомнил, фамилия пленного была Гаврилов.

Таким образом, я снова напал на след бывшего командира 44-го стрелкового полка. Видимо, вопреки всем слухам он не застрелился и не погиб, а попал в гитлеровский плен.

О дальнейшей судьбе майора Гаврилова Н. И. Воронович ничего не знал, потому что спустя несколько дней после этих событий доктора перевели в другой лагерь.

Вернувшись из Бреста, я вскоре нашел в Москве в Ногатинской больнице доктора И. К. Маховенко, а в Ленинграде доктора Ю. В. Петрова. Оба они в июне 1941 года попали в тот же гитлеровский лагерь и работали там врачами в госпитале. И Маховенко и Петров полностью повторили мне рассказ доктора Вороновича и подтвердили тот факт, что фамилия пленного майора была Гаврилов. Петров и Маховенко находились в лагере дольше Вороновича. Они помнили, что майор Гаврилов через некоторое время поправился, стал ходить, и тогда врачи устрои-

ли его работать на лагерную кухню для того, чтобы он мог немного подкормиться и восстановить свои силы. Что произошло с ним дальше, ни тот, ни другой не знали, так как лагерь был расформирован весной 1942 года и они потеряли из виду майора Гаврилова.

Теперь у меня появилась надежда, что Гаврилов мог остаться в живых и вернуться после войны из плена на Родину. Но, для того чтобы начать розыски, мне нужно было знать, во всяком случае, его имя и отчество. Фамилия Гаврилов — чересчур распространенная: в списках Главного управления кадров нашлись бы сотни однофамильцев героя Брестской крепости, и для успеха поисков следовало иметь какие-нибудь дополнительные сведения об интересующем меня человеке. Беда заключалась в том, что никто из людей, которые рассказывали мне о Гаврилове, не знал даже его имени.

Я знал, что 44-й полк, которым командовал майор Гаврилов, входил в состав 42-й стрелковой дивизии. И я начал с того, что обратился в Генеральный штаб с просьбой проверить, не сохранились ли в военных архивах списки командного состава этой дивизии. Спустя некоторое время удалось отыскать один из таких списков, и там я нашел краткие сведения о майоре Гаврилове.

Оказалось, что его зовут Петром Михайловичем и что он родился в 1900 году. С этими данными уже можно было начинать поиски. Позвонив в Главное управление кадров, к тому же полковнику И. М. Конопихину, я просил его найти личную карточку майора П. М. Гаврилова.

Прошла неделя, и И. М. Конопихин сообщил, что карточка находится у него. Я приехал к нему и прочел в этой карточке следующие данные: Петр Михайлович Гаврилов служил в Красной Армии с 1918 года. Он участвовал в боях против Колчака, Деникина, против белых банд на Кавказе. В 1922 году вступил в члены Коммунистической партии. После гражданской войны он остался военным и долго жил в Краснодаре, командуя там различными воинскими подразделения-

ми. Потом его послали на учебу в Академию имени Фрунзе в Москву. Окончив ее в 1939 году, он был назначен командиром 44-го стрелкового полка, с которым два года спустя приехал в Брестскую крепость. Ниже всего этого было написано: «Пленен в районе города Бреста 23 июля 1941 года», то есть действительно на тридцать второй день войны, как говорил мне доктор Воронович. Еще ниже была запись: «Освобожден из плена в мае 1945 года», а в самом низу стояло короткое примечание: «Красногвардейский райвоенкомат г. Краснодара».

Итак, майор Гаврилов, к счастью, оказался жив и находился теперь в Краснодаре. Дальнейшие поиски уже не представляли трудностей.

Там, в Краснодаре, жил один из уже известных мне участников обороны крепости, кстати, бывший подчиненный майора Гаврилова — боец того же 44-го стрелкового полка Анатолий Бессонов, ныне токарь-шлифовщик завода «Краснодарнефть». Он хорошо помнил своего прежнего командира, хотя во время боев за крепость сражался не в Восточном форту, а на другом участке обороны — в центральной цитадели. Я немедленно сообщил Бессонову о полученных мною сведениях, просил его зайти в Красногвардейский райвоенкомат Краснодара, узнать там адрес Гаврилова и установить с ним связь.

Ответное письмо Бессонова не заставило себя ждать. Вот что он писал мне:

«Я сразу же поехал в Красногвардейский райвоенкомат, где должен быть приписан майор Гаврилов. После того как я объяснил работникам военкомата суть дела, мне сказали, что майор Гаврилов действительно находится на учете у них, и достали его личное дело. Увидев в этом личном деле фотокарточку Гаврилова, я сразу узнал его. Записав его адрес, я немного успокоился. Но было уже поздно, и я в тот день не мог встретиться с ним. Ночь у меня прошла в беспокойстве — утром предстояла встреча с Гавриловым. Встав рано утром, я, не позавтракав, помчался к Гаврилову. На мой стук в дверь вышел сам Гаврилов. Признаюсь, я растерялся. Отрапортовал так:

«Бывший боец 44-го стрелкового полка, которым командовал майор Гаврилов, — перед Вами!»

Гаврилов тоже растерялся, на глазах у него выступили слезы, он засуетился, и я заметил нервную дрожь на его лице и в руках. Сергей Сергеевич, если бы Вы видели нашу встречу! Ее нельзя описать. Я был очень удивлен и растроган. Верите ли, передо мной был не строгий, волевой командир, каким я его привык помнить, а скромный, добродушный гражданский человек. Беседа затянулась у нас до вечера. Но во время его рассказа он как будто опять превращался в командира полка, и прежний его образ снова вставал перед моими глазами».

Анатолий Бессонов сообщил мне адрес П. М. Гаврилова. Я сразу же списался с ним и вскоре приехал к нему в Краснодар. Мы подробно беседовали с ним, и Гаврилов рассказал мне всю свою весьма интересную и сложную историю, с которой я уже познакомил читателя в первой части этой книги.

Годы войны Гаврилов провел в гитлеровских концлагерях, испытав все ужасы плена. Он вел себя там, как подобает коммунисту и советскому гражданину, и по возвращении на Родину в 1945 году был восстановлен в звании майора, получив новое назначение.

Этот человек, который только что перенес истребительный, страшный режим гитлеровских концлагерей, был назначен начальником советского лагеря для японских военнопленных в Сибири. Он сумел с исключительной гуманностью, образцово поставить дело в этом лагере, предотвратить эпидемию тифа среди японцев, наладить снабжение пленных японских солдат. Я видел у него документы с выражением благодарности по службе за хорошую постановку дела в лагере.

Потом Гаврилов был демобилизован, ушел на пенсию, переехал в Краснодар, где долго служил в довоенные годы, и живет сейчас вдвоем с женой в маленьком домике на окраине города.

Но было одно обстоятельство, тяготившее Гаврилова все это время. Дело в том, что он не был восстановлен в рядах партии после возвращения из пле-

на. Он поднимал об этом вопрос, но ему ответили, что он утратил свой партийный документ и, следовательно, должен вступать в партию снова, на общих основаниях. Для этого человека, который с молодых лет неразрывно связал свою судьбу с партией коммунистов, пребывание вне ее рядов казалось нестерпимым. Он поделился со мной своим горем, и я обещал ему помочь по приезду в Москву.

Вернувшись из Краснодара, я сразу же пошел в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и рассказал там все, что знал о майоре Гаврилове. Работники комитета посоветовали мне написать Гаврилову, чтобы он немедленно прислал заявление о восстановлении в рядах партии. Надо ли говорить, что он не замедлил сделать это. Со своей стороны я тоже представил в комитет заявление, где осветил роль майора Гаврилова в обороне Брестской крепости и описал его подвиг. Кроме того, я обратился ко всем людям, которые рассказывали мне о нем, с просьбой прислать свои заверенные свидетельства.

Все эти документы были представлены в Комитет партийного контроля, и вскоре Партийная комиссия при Главном политическом управлении Министерства обороны начала рассмотрение дела Гаврилова. Гаврилов был вызван в Москву и 22 апреля 1956 года восстановлен в рядах Коммунистической партии Советского Союза.

А месяц спустя я получил от него радостное письмо. Гаврилов сообщал, что ему вручен партийный билет.

Такова история майора Гаврилова — одного из главных руководителей и героев обороны Брестской крепости, подвиг которого получил сейчас широкую известность и высоко оценен советским народом.

ГЕРОИ ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ

В последнее время иногда можно слышать, как героическую защиту Брестской крепости сравнивают с такими важными вехами Великой Отечественной

войны, как оборона Одессы, Севастополя, Ленинграда, Сталинграда.

Конечно, по своим масштабам и военному значению события, происходившие в июне — июле 1941 года в старой приграничной крепости на берегу Западного Буга, не могут идти в сравнение с этими решающими сражениями, сыгравшими большую стратегическую роль в ходе боевых действий на огромном советско-германском фронте. Гарнизон Брестской крепости, при всем своем героическом упорстве, не мог существенно задержать или заметно замедлить наступление мощных сил врага — для этого он был слишком мал, и его сопротивление осталось лишь маленьким эпизодом в грандиозной борьбе 1941 года.

Но почему же тогда героическая оборона Брестской крепости заняла особое, почетное место в истории Великой Отечественной войны? Почему наш народ, лишь 15 лет спустя узнавший о том, как сражался легендарный гарнизон, так высоко оценил подвиг защитников Бреста?

Быть может, один исторический пример лучше всего ответит на этот вопрос.

Подвиг крейсера «Варяг», дерзко принявшего бой с японской эскадрой, был только маленьким эпизодом в русско-японской войне, он ни в какой степени не мог повлиять на ее ход, и чисто стратегическое его значение было равно нулю. Но подвиг этот вошел в сокровищницу нашей воинской доблести, и с тех пор имя корабля «Варяг» стало символом безграничной храбрости и отваги русского воина.

Так и подвиг гарнизона Брестской крепости с особенной силой воплотил в себе лучшие качества советского воина, так ярко раскрывшиеся в годы Великой Отечественной войны. Вот почему эти два слова — Брестская крепость — навсегда останутся дорогим сердцу народа символом героической стойкости, удивительного презрения к смерти, неиссякаемой воли к борьбе защитника социалистической Отчизны. Вот почему этот подвиг по праву стоит в одном ряду с высочайшими вершинами народного героизма, и сравнение обороны Брестской крепости с прославленными

делами защитников городов-героев вполне закономерно.

Не легко, глядя в лицо смерти, погибнуть героем. Но еще труднее погибать героем безвестным, когда ты уверен, что твой подвиг не останется в памяти людей, что твоего имени никто никогда не узнает и слава твоего героического поступка не озарит даже твоих родных и близких.

Именно так, безвестными героями, «не ради славы, ради жизни на земле», погибали защитники Брестской крепости. Именно так, не сохранив для нас ни своих подвигов, ни даже своих имен, безыменными рядовыми бойцами Родины почти все они полегли на крепостных камнях. И только правильно оценив особые и неимоверно тяжкие условия, в которых протекала их борьба, можно понять, почему так долго нашему народу не было известно об этом героическом подвиге.

Могут возразить, что ведь погибли не все участники этих боев, и о событиях, происходивших в крепости, можно было узнать у тех, кто остался в живых. Но, во-первых, их осталось очень мало, и вряд ли по всему Советскому Союзу найдется более 300—400 уцелевших участников обороны из всего шести-восьмитысячного гарнизона крепости. Эти люди, освобожденные из гитлеровских лагерей или демобилизованные из армии, после войны разъехались по всей нашей необъятной стране, ничем не напоминая о себе.

Есть чудесное свойство, удивительное и неотъемлемое качество характера простых советских людей. Наш человек способен вершить поистине великие героические дела, как обычное будничное дело, и при этом вовсе не считать себя героем. Не считали себя героями и бывшие защитники Брестской крепости. Они рассуждали так: да, я перенес много трудного, тяжелого там, в Брестской крепости, но ведь я просто выполнял свой солдатский долг, делал то, что мне было положено, так же, как все эти четыре года Великой Отечественной войны на других участках фронта честно исполняли этот долг тысячи и миллионы советских воинов.

Необходимо также учесть то обстоятельство, что большинство этих людей прошло через гитлеровский плен. В самом начале схватки они оказались во власти врага и лишились возможности участвовать в дальнейшей борьбе своего народа на фронтах Великой Отечественной войны. Уже один этот факт угнетал их. Кроме того, в гитлеровском плену они пережили столько тяжких, невыносимых испытаний, что многие из них вернулись домой с глубокими и незаживающими душевными ранами.

Надо сказать, что и у нас на местах не всегда правильно подходили к этим людям. Не секрет, что враг народа Берия и его приспешники культивировали неправильное, огульное отношение к бывшим военнопленным, сплошь и рядом совершенно не считаясь с тем, как попал человек в руки врага и как вел он себя в гитлеровском плену все эти годы.

Конечно, все то, что перенесли эти люди в дни обороны Брестской крепости, было для них неизгладимым, священным и страшным воспоминанием. Каждый из них не раз рассказывал о пережитом своим родным, близким, друзьям, но воспоминания их долго не становились достоянием общественности.

Все эти причины и сказались в том, что до недавнего времени мы так мало знали об обороне Брестской крепости, все это и привело к тому, что обстоятельства героической борьбы легендарного гарнизона были до последних лет окутаны тайной.

Совсем недавно герой Брестской крепости Анатолий Виноградов рассказал мне, как в 1945 году, демобилизовавшись из армии, он приехал в Брест, чтобы разузнать о судьбе своей семьи. Он пришел навестить старую крепость, и там, на развалинах ее, ему встретилась группа советских офицеров, которые пришли осмотреть эти руины. И когда Виноградов начал рассказывать им о том, что пережил он здесь в 1941 году, офицеры начали смеяться. Один из них сказал ему:

— Не рассказывайте нам сказок! Если бы здесь действительно происходили такие события, то весь наш народ знал бы это. А нам ничего не известно об этих боях.

И как ни доказывал Виноградов свою правоту, ему так и не поверили, сочтя его фантазером и лгуном.

Первые известия об обороне Брестской крепости, появившиеся в печати после войны, еще мало приоткрывали тайну, они были основаны, можно сказать, на полуполюгендарном материале и нередко направляли читателя по ложному пути.

Так, в первых статьях на эту тему, напечатанных в белорусских газетах и журналах в 1948 году, говорилось, например, что обороной Восточного форта крепости командовал какой-то военный врач, который якобы потом погиб при бомбежке, и фамилия его так и осталась неизвестной. А в качестве главного руководителя обороны центральной цитадели называли имя некоего полкового комиссара Рублевского.

Сейчас мы уже знаем, что гарнизон Восточного форта возглавил вовсе не военный врач, а командир 44-го стрелкового полка майор Гаврилов. Что же касается полкового комиссара Рублевского, то он оказался никогда не существовавшей мифической личностью, и в дальнейшем вместо него появилась исторически достоверная, реальная фамилия полкового комиссара Ефима Фомина.

Как известно, мы узнали впервые фамилию полкового комиссара Е. М. Фомина из найденных под камнями крепости обрывков «Приказа № 1». В этом приказе значились еще три фамилии командиров, руководивших обороной центральной цитадели, — капитана Зубачева, старшего лейтенанта Семененко и лейтенанта Виноградова.

Пока это были только фамилии. Предстояло еще разузнать об этих людях, предстояло выяснить их судьбу.

К счастью, вскоре нашлись семьи Фомина и Зубачева, и мы узнали биографии этих руководителей обороны крепости и даже получили их фотопортреты.

Посмотрите на их фотографии. На одной изображен сорокапятилетний лысоватый человек с открытым, смелым и решительным взглядом. Те, кто знал его, говорят, что такой он был и в жизни — прямо-

душный, ни перед кем не опускавший глаз капитан Иван Николаевич Зубачев, коммунист с 1918 года, участник гражданской войны и испытанный боевой командир Красной Армии.

На другой — уже начинающий полнеть тридцатидвухлетний черноволосый человек с умными и немного грустными глазами. И эта фотография, говорят, очень похожа на полкового комиссара Ефима Моисеевича Фомина, каким он был в жизни, — опытный партийный работник, кадровый комиссар Красной Армии, умелый, спокойный воспитатель своих бойцов, пользовавшийся большим уважением и любовью подчиненных.

О судьбе Зубачева и Фомина ходили самые разноречивые слухи. Одни говорили, что они оба убиты во время боев в крепости. Другие утверждали, что командир и комиссар попали в плен. Так или иначе, никто не видел своими глазами их гибели, и все эти версии приходилось брать под сомнение.

Судьба Фомина выяснилась только после того, как мне удалось найти в Бельском районе Великолукской области бывшего сержанта 84-го стрелкового полка, а ныне директора сельской школы Александра Сергеевича Ребзуева. Сержант Ребзуев был вместе с полковым комиссаром в одном из помещений казармы, когда гитлеровские диверсанты подорвали взрывчаткой эту часть здания. Бойцы и командиры, находившиеся здесь, в большинстве своем были уничтожены взрывом, засыпаны и задавлены обломками стен, а тех, кто еще остался жив, автоматчики вытащили из-под развалин и взяли в плен. Среди них оказались комиссар Фомин и сержант Ребзуев. На глазах сержанта предатель выдал гитлеровцам Фомина, и фашисты увели его на расстрел.

О судьбе Зубачева мне удалось узнать, когда я встретил одного из командиров, сражавшихся под его командованием. Оказалось, что капитан, раненный и контуженный, тоже попал в гитлеровский плен и находился в лагере Белая Подляска, за Бугом.

А когда впоследствии отыскался майор Гаврилов, заместителем которого перед войной был Зубачев, он

рассказал мне, что осенью 1943 года встретился с капитаном в лагере Хаммельсбург в Германии. Гаврилов тогда узнал от пленных, что Зубачев содержится в соседнем отделении лагеря, и попросил позвать его к проволоке. Зубачев пришел, и эти два человека, коммунисты, участники гражданской войны, советские командиры, измученные, изможденные, оборванные, стояли по обе стороны колючей проволоки и, глядя друг на друга, горько плакали. И сквозь слезы Гаврилов сказал:

— Да, Зубачев, не оправдали мы с тобой своих должностей. И командир и его заместитель — оба оказались в плену.

В это время появился часовой, и им пришлось разойтись. Гаврилов видел, что Зубачев идет с трудом, он, видимо, был болен, до крайности истощен и, судя по всему, вскоре после этого погиб там, в гитлеровских лагерях.

Как бы то ни было, нет сомнения, что капитан Зубачев — старый коммунист, боевой командир — встретил свою смерть, глядя ей в глаза так же смело и прямо, как он глядит сейчас со старой сохранившейся у нас фотографии.

Третьего командира, который упоминается в «Приказе № 1», — лейтенанта Анатолия Виноградова — удалось впоследствии найти среди живых. Он провел в плену четыре долгих и тяжких года, пытался бежать из лагеря, но безуспешно и вернулся на Родину только после войны. Сейчас он живет в городе Вологде и работает там кузнецом на одном из заводов.

Оказался в живых и четвертый командир, фамилия которого упоминалась в «Приказе № 1», — старший лейтенант Александр Иванович Семененко. Вернувшись из плена, он работает шофером в своем родном городе Николаеве на Украине. Кстати, встреча со старшим лейтенантом Семененко помогла мне разрешить одну из загадок Брестской крепости — установить личность одного из замечательных героев обороны.

Еще задолго до встречи с Семененко я нашел в Краснодаре двух бойцов 44-го стрелкового полка:

Анатолия Бессонова, о котором я уже говорил, и его друга Владимира Пузакова, ныне работника одного из домов отдыха в Геленджике. Пузаков и Бессонов однажды рассказали мне удивительную историю. По их словам, на второй день обороны сквозь плотное кольцо гитлеровских войск, окруживших крепость, в осажденную цитадель пробился в одиночку какой-то советский командир. Это был старший лейтенант в полной форме, даже с портупеей через плечо и с орденом Красной Звезды на груди. С одним пистолетом в руке он переплыл под огнем противника Мухавец и вскочил в окно казармы. Говорят, что по всей линии обороны бойцы кричали восторженное «ура», когда этот командир пришел в крепость. Он тотчас же принял на себя командование на этом участке и в дальнейшем мужественно и очень умело руководил боями.

Не сразу удалось установить фамилию этого командира. Анатолий Бессонов считал, что это был старший лейтенант Семененко. Но когда я нашел в Николаеве А. И. Семененко и обратился к нему с вопросом, оказалось, что он вовсе не переплывал Мухавца, а находился с самого начала боев в центре крепости. Кроме того, у Семененко не было ордена Красной Звезды.

Но Семененко тут же помог установить фамилию этого героя Брестской крепости. То был один из его товарищей по службе, бывший начальник школы младших командиров 44-го полка старший лейтенант Василий Иванович Бытко, уроженец станицы Абинской Краснодарского края. Когда я спросил о судьбе Василия Бытко, Семененко сказал, что, по слухам, он попал в гитлеровский плен, но уже по дороге в лагерь сумел бежать от конвоиров.

Только впоследствии с помощью других участников обороны удалось узнать, как погиб старший лейтенант Бытко. Он бежал из колонны пленных уже на польской территории и сумел пробраться назад к берегу Буга. Но когда он переплывал реку, беглеца настигли гитлеровцы, и вражеский пулемет ударил вслед ему.

Курсанты полковой школы 44-го полка недаром прозвали своего любимого старшего лейтенанта «Чапасм». Волевой, решительный, безудержно смелый боевой командир, славный кубанец Василий Иванович Бытко не только носил то же самое имя и отчество и не только походил характером на своего прославленного тезку. Он и погиб, как Чапаев, настигнутый в реке вражьей пулей.

Небезынтересной была история поисков героини крепости военфельдшера Раисы Абакумовой. Уже в первых статьях, посвященных Брестской обороне, говорилось об этой отважной молодой женщине, о том, как она в первые же минуты войны, схватив санитарную сумку, смело бросилась под огнем врага перевязывать раны бойцов и самоотверженно выполняла свой долг военного медика, пока вражеская пуля не сразила ее, когда она перетаскивала одного из раненых в укрытие. О смелости и мужестве этой женщины рассказывали мне впоследствии многие участники обороны. Но сначала не было даже известно, на каком участке обороны находилась Раиса Абакумова. Только позднее, когда я нашел первых защитников Восточного форта, оказалось, что она была именно там, в отряде майора Гаврилова.

Долгое время я считал Раису Абакумову погибшей, пока однажды не встретился с врачом Михаилом Никифоровичем Гаврилкиным, который сейчас работает в Шатурском районе Московской области. Доктор Гаврилкин перед войной служил в Брестской крепости и был непосредственным начальником Раисы Абакумовой. Он рассказывал много хорошего об этой женщине. По его словам, она была очень опытной и добросовестной медсестрой. Но когда я в разговоре упомянул, что Раиса Абакумова была убита при обороне, Гаврилкин недоуменно пожал плечами.

— Позвольте, — сказал он, — Раиса Абакумова не погибла в крепости. Моя жена в годы оккупации находилась в Бресте, и она часто видела там Раису.

Таким образом, появилась надежда на то, что эта героиня обороны осталась жива. Но пришлось еще вести довольно долгие поиски и в течение полутора

лет, как по цепочке, идти от одного человека к другому, прежде чем я нашел ту, которую искал. Сначала медицинская сестра Людмила Михальчук, работающая в Бресте, дала мне адрес врача Ю. В. Петрова в Ленинграде. Доктор Петров сообщил местожительство фельдшера И. Г. Бондаря в Днепропетровской области. Бондарь прислал московский адрес доктора В. С. Занина, а тот, в свою очередь, помог мне установить связь с подругой Абакумовой — медсестрой Валентиной Сергеевной Раевской, которая тоже участвовала в обороне крепости, а сейчас живет в городе Мценске Орловской области. Она-то и сообщила мне, наконец, адрес Раисы Ивановны Абакумовой, уехавшей после войны к себе на родину — в Орловскую область, где она работает медсестрой в районной больнице поселка Кромы.

- Когда впоследствии мы увиделись с Раисой Ивановной, я спросил: знает ли она, что во многих статьях и очерках о ней писали, как о погибшей. Оказалось, что однажды ей попался в руки номер «Огонька» с очерком Златогорова, в котором говорилось о ее героической гибели. Но из скромности она и не подумала о том, чтобы опровергнуть этот слух, а просто усмехнулась и сказала про себя: «Ну, и вечная память тебе, Рая».

Так постепенно, месяц за месяцем увеличивалось число найденных героев, и по мере того как ширился их круг, я узнавал новые имена и новые подробности подвигов тех защитников крепости, которых уже не было в живых. Каждый из участников обороны прежде всего рассказывал мне о своих погибших боевых товарищах и о их славных делах.

От А. П. Бессонова и В. П. Пузакова я узнал о подвиге их друга, молодого рабочего-краснодарца, бойца Николая Гайворонского. В первые минуты войны он был тяжело ранен — осколок снаряда распорол ему живот. Под рукой не было бинтов, и товарищи Гайворонского перетянули эту страшную рану чьей-то натальной рубашкой. И вот с таким ранением и с такой перевязкой Николай Гайворонский в течение почти трех недель сражался в Брестской крепости, уча-

ствовал даже в штыковых атаках и в рукопашных схватках. В конце концов он попал в плен вместе со своими земляками и друзьями Бессоновым и Пузаковым. Но тем посчастливилось вскоре же бежать из гитлеровского лагеря, а Николай Гайворонский уже не имел сил, чтобы совершить побег, и, видимо, вскоре погиб там, в плену.

С. М. Матевосян и его однополчане рассказали мне о любимце 84-го стрелкового полка старшине Вячеславе Мейере. Он был по национальности немцем из Поволжья и героически дрался там, в крепости, против гитлеровцев. К тому же Вячеслав Мейер был не только храбрецом, но и человеком очень бодрым, жизнерадостным, никогда не унывающим, и даже в той страшной обстановке умел поднять дух своих товарищей какой-нибудь веселой затеей. Однажды немецкий самолет сбросил над центральной крепостью листовки, призывающие наших бойцов сдаваться в плен. Мейер собрал десятка два этих листовок, на каждой из них нарисовал свиное рыло с усиками Гитлера и внизу написал по-немецки: «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде». Затем он с группой товарищей-комсомольцев отправился «на охоту» и вскоре привел захваченного в плен гитлеровского ефрейтора. Этого фашиста с ног до головы оклеили разрисованными листовками и в таком виде отправили назад к своим. Впоследствии старшина Вячеслав Мейер героически погиб в бою.

Я узнал и о подвигах многих других героев, которые, к сожалению, до сих пор остаются безыменными. Может быть, мы так никогда и не узнаем фамилии неизвестного музыканта из оркестра 44-го стрелкового полка. Вместе с группой своих товарищей в первые минуты войны при разрыве тяжелой авиабомбы он был завален в помещении музыкантского взвода. Они оказались заживо похороненными под грудой камней, и спасти их было невозможно, потому что этот участок казарм находился под непрерывным обстрелом и бомбежкой и к развалинам никто не мог подступиться. И тогда люди, находившиеся неподалеку, вдруг услышали, как из-под этих развалин разда-

лись звуки музыки. Неизвестный музыкант играл на трубе «Интернационал». Он как бы прощался этим со своими товарищами и говорил, что умирает как верный сын Советской Родины.

Петя Клыпа рассказал мне о подвиге одного политука, фамилии которого мы также до сих пор не знаем. В первые минуты войны этот политук собрал под своим командованием бойцов из разных частей и подразделений и вместе с ними дерзко двинулся прямо навстречу гитлеровцам, наступавшим в северной части крепости. Маленький отряд занял каменное здание на берегу Мухавца против Центрального острова и своим огнем преградил дорогу врагу. Тем самым политук и его бойцы предотвратили возможный прорыв противника в центр крепости с тыла, со стороны главных трехарочных ворот.

Они держались в этом доме почти до самого вечера, пока, наконец, гитлеровцы не подтащили сюда орудия и не начали прямой наводкой обстреливать здание, разрушая его. К концу дня у политука осталась только небольшая группа бойцов, и, воспользовавшись минутой затишья, он вместе с ними бросился вплавь через Мухавец в центральную цитадель, где в казармах находились наши. Но когда они вышли на берег, на них из засады неожиданно бросился отряд автоматчиков. Тогда политук приказал своим людям бежать к тем отсекам казарм, которые были заняты нашими бойцами, а сам с пистолетом в одной руке и с гранатой в другой бросился навстречу врагам. Он хотел задержать гитлеровцев и дать возможность своим бойцам спастись.

Его тотчас же окружили и схватили, выкручивая руки, стараясь вырвать пистолет и гранату. Но он в этой борьбе сумел дотянуться ртом до гранаты и зубами выхватил кольцо. Произошел взрыв. Петя Клыпа рассказывал, что он видел потом труп этого политука на берегу Мухавца. Грудь его была разорвана, в неестественно выкрученной руке по-прежнему зажат пистолет, а в зубах стиснуто кольцо гранаты, и вокруг него разбросаны тела врагов, уничтоженных этим взрывом.

Остается пока неизвестным, кто был этот герой, но будем надеяться, что со временем его фамилию удастся установить.

Мы не знаем, кто были последние защитники крепости и где именно они погибли. Мы даже не знаем, когда прозвучал в Брестской крепости последний выстрел и закончилась эта удивительная оборона.

В немецком донесении, которое было захвачено в 1942 году на фронте в районе Орла, говорилось, что крепость сопротивлялась девять дней и пала к 1 июля. Позднее выяснилось, что борьба продолжалась гораздо дольше, а потом на стене казармы нашли надпись, датированную 20 июля, — доказательство того, что на двадцать девятый день обороны защитники крепости еще вели бой. Впоследствии оказался в живых майор Гаврилов, который был захвачен в плен только 23 июля, то есть на тридцать второй день войны. Но и он не был последним защитником крепости. Борьба продолжалась и после этого.

Несколько лет тому назад мне пришлось случайно встретиться в Москве с научным сотрудником Института психологии Академии педагогических наук Федором Николаевичем Шемякиным. Ф. Н. Шемякин в годы войны работал в политотделе армии генерала Горбатова. Он вспоминает, что в 1943 году, когда эта армия находилась в районе Орла или Брянска, в политотдел как-то принесли пачку документов, захваченных в одном из штабов разгромленной дивизии противника.

Разбирая бумаги, Ф. Н. Шемякин, который хорошо знал немецкий язык, обратил внимание на небольшую папку — в ней подшиты документы о боях в Брестской крепости в 1941 году. Он совершенно ясно помнит, что в этих документах шла речь о пяти с половиной неделях борьбы. По его словам, в папке были собраны донесения противника, датированные концом июля и началом августа, и в них содержалось много интересных и важных подробностей героической обороны. Затем следовали подробные протоколы допросов наших бойцов и командиров, захваченных в плен в Брестской крепости. И Ф. Н. Шемякин гово-

рит, что тогда, читая эти протоколы, он удивлялся мужеству и достоинству, с каким держались наши люди перед лицом врага на допросах.

Наконец, в этой папке был подшит акт, составленный группой немецких военных врачей, которым командование противника поручило обследовать трупы, найденные в последнем крепостном каземате, продолжавшем сопротивление. Гитлеровские врачи констатировали, что защитники этого каземата последними патронами покончили с собой, не желая сдаваться в плен врагу.

Тогда же я принял меры, чтобы найти эти важные документы, и люди, которые очень много помогают мне в моих изысканиях по Брестской крепости, организовали самые тщательные поиски в наших военных архивах. К сожалению, до сих пор обнаружить эту папку не удалось. Она, видимо, либо пропала во время войны, либо находится сейчас где-то в неизвестном нам месте. Остается надеяться, что когда-нибудь эти документы или их копии будут все же найдены.

Кстати, срок в пять с половиной недель, о котором, по словам Ф. Н. Шемякина, говорилось в немецких документах, согласуется и с показаниями многих очевидцев обороны — жителей Бреста и окрестных деревень. Они утверждают, что бои в крепости продолжались до самых последних дней июля или до первых чисел августа 1941 года. Есть и другие подтверждения этого.

Четыре года назад, в конце ноября 1956 года, я получил письмо из далекой деревни Кожла-Сола Казанского района Марийской автономной республики. Мне писал бывший учитель, а сейчас колхозный пчеловод Игнатий Васильевич Иванов. Он не был защитником Брестской крепости, но в начале июля 1941 года в составе группы раненых красноармейцев попал в гитлеровский плен близ Минска и был отправлен в лагерь Белая Подляска. Там-то и произошла встреча, которая навсегда запомнилась ему. Для большей точности я дословно привожу здесь его письмо.

«В конце июля 1941 года, — пишет И. В. Иванов, — я попал в 307-й концлагерь, который находился примерно в 30—50 километрах от города Бреста.

Сюда в последние дни июля — не то 30-го, не то 31-го числа (точно не помню, но в один из этих дней) — привезли четырех человек из Брестской крепости. Привезли их в лагерь после полудня, к вечеру. Поместили их отдельно, в специальный блок, находившийся через один пустой блок от нас. Поэтому разговаривать нам с ними было трудно, так как расстояние превышало 50 метров. Их продержали в этом блоке недолго, всего несколько часов. Но мы успели узнать от них кое-что.

Вот что нам удалось услышать от этих четырех защитников Брестской крепости.

Они сказали нам, что попали в этот лагерь прямо из крепости, где они больше месяца вели бои. Все имели по нескольку ранений. Последняя их попытка вместе с другими уйти к Бугу не удалась. Это было примерно 26—27 июля. После этого они почти двое суток держались и вели бой, пока имелись патроны. Потерявшие возможность сражаться, уже фактически безоружные, они вынуждены были уйти в подземные казематы. Немцы через каждые два часа предлагали им сдаваться, но эти товарищи отвечали пением «Интернационала». Так продолжалось больше суток.

В тот самый день, когда их привезли в лагерь, гитлеровцы пустили в подземелье Брестской крепости отравляющие вещества — газы. Дышать стало нечем. Тогда защитники крепости решили выйти и принять смерть, стоя под солнцем. С пением «Интернационала» они вышли из каземата. Их встречала большая вооруженная группа немецких солдат и несколько офицеров. Несмотря на пение «Интернационала», немцы по нашим воинам не стреляли.

Пораженные мужеством израненных, голодных и еле державшихся на ногах людей, немцы молчали. Один из офицеров, видимо старший, снял каску перед защитниками крепости, и все солдаты, как по команде, последовали примеру своего начальника — почтили

верность воинскому долгу наших воинов снятием каски.

Эти четверо были доставлены в наш лагерь в день их пленения.

Примерно через три часа их увели, но куда, я лично не видел. От себя скажу, что вид их был ужасен. Они все были оборваны, с окровавленными грязными повязками, худые и обросшие щетиной. Все время кашляли и вытирали глаза — видимо, сказывалось действие газов. Ослабели они настолько, что еле стояли на ногах, придерживая друг друга.

Встреча с этими героями произвела сильное впечатление на нас, пленных, а тем более на меня. Дело в том, что я до войны принимал участие в строительстве дотов около Брестской крепости. Поэтому места эти мне были знакомы, и встреча в немецком плену с людьми, защищавшими больше месяца эту крепость, глубоко взволновала меня.

Больше я их, к сожалению, не встречал и о них ничего не слышал. Наверное, их вскоре перевели в другой лагерь».

Таково свидетельство И. В. Иванова. Должен добавить, что мне и до того приходилось слышать от бывших пленных лагеря 307 о какой-то группе героев крепости, хотя тогда это были лишь смутные и неопределенные слухи.

Но были ли эти четверо бойцов последними защитниками крепости?

До сих пор среди жителей Бреста и соседних с крепостью деревень сохранились удивительные рассказы о том, что даже несколько месяцев спустя после того, как гитлеровцы полностью овладели крепостью, отдельные советские бойцы и командиры еще скрывались в крепостных казематах и подземельях и по ночам на развалинах еще иногда раздавались выстрелы. Кое-кто из местного населения вспоминает, что зимой 1941/42 года, когда оккупанты сгоняли людей в крепость разбирать развалины, они порой видели перебегающие из каземата в каземат, от подземелья к подземелью фигуры в изодранной красно-

армейской одежде. И чья-то рука не раз писала на разрушенных крепостных стенах грозные слова:

«Смерть немецким оккупантам!»

Еще более удивительный рассказ передает участник обороны крепости бывший старшина 84-го полка Александр Дурасов, живущий сейчас в городе Могилеве в Белоруссии.

Старшина Дурасов, раненный в боях за крепость, попал в плен и находился несколько месяцев в гитлеровском лагере под Брестом. Весной 1942 года, когда рана его зажила, он был послан в Брест и зачислен в рабочую команду, обслуживавшую немецкий госпиталь.

Вместе с военнопленными в этой команде работала и группа евреев из созданного фашистами в городе гетто. В отличие от пленных евреи ходили без конвоя, хотя и терпели не меньшие издевательства со стороны оккупантов и их прислужников. В составе группы из гетто был один музыкант-скрипач, игравший до войны в джазе брестского ресторана, человек, которого до сих пор хорошо помнят в городе.

Однажды — это было, как вспоминает Дурасов, в апреле 1942 года — скрипач опоздал вовремя явиться на работу, и когда пришел, с волнением рассказал товарищам о том, что с ним случилось. Он шел по дороге к госпиталю, как вдруг его обогнала немецкая военная машина, в которой сидел какой-то офицер. Машина резко затормозила впереди него, и гитлеровец подозвал скрипача.

— Садись! — приказал он, открывая дверцу.

Музыкант сел, и автомобиль помчался в крепость. Они приехали на Центральный остров и, судя по тому, как объяснил Дурасову скрипач, остановились где-то в расположении 333-го полка.

Там, среди развалин, в земле была пробита широкая дыра, уходившая куда-то глубоко вниз. Вокруг нее с автоматами наготове стояла группа немецких солдат.

— Спускайся туда! — приказал скрипачу офицер. — Там, в подземелье, до сих пор скрывается один русский. Он не хочет сдаваться и отстреливается. Ты

должен уговорить его выйти наверх и сложить оружие — мы обещаем сохранить ему жизнь. Если ты не уговоришь его, можешь не возвращаться, — я застрелю тебя.

Музыкант с трудом спустился вниз и попал в неширокий и темный подземный ход. Он двинулся по нему, вытянув вперед руки, и, боясь, чтобы неизвестный не застрелил его, все время громко повторял, кто он и зачем идет.

Внезапно гулко ударил выстрел, и перепуганный скрипач упал ничком на сырой пол подземелья. К счастью, пуля не задела его. И тут же он услышал доносившийся откуда-то издали слабый голос.

— Не бойся, иди сюда, — говорил неизвестный. — Я выстрелил просто в воздух. Это был мой последний патрон. Я и сам решил выйти — у меня уже давно кончился запас пищи. Иди и помоги мне.

Скрипач поднялся на ноги и двинулся вперед. Вскоре он наткнулся на человека, сидевшего у стены. Обхватив руками музыканта, неизвестный с трудом встал, навалился ему на плечо, и оба медленно пошли к выходу.

Когда они кое-как выкарабкались наверх, последние силы оставили незнакомца, и он, закрыв глаза, изнеможенно опустился на камни развалин. Гитлеровцы, стоя полукругом, молча, с любопытством смотрели на него. Перед ними сидел невероятно исхудавший, заросший густой щетиной человек, возраст которого было невозможно определить. Нельзя было также догадаться о том, боец это или командир, — вся одежда на нем висела лохмотьями.

Видимо, не желая показать врагам свою слабость, неизвестный сделал усилие, чтобы встать, но тут же упал на камни. Офицер бросил приказание, и солдаты поставили перед ним открытую банку с консервами и печенье, но он не притронулся ни к чему. Тогда офицер спросил его, есть ли еще русские там, в подземелье.

— Нет, — ответил неизвестный. — Я был один, и я вышел только для того, чтобы своими глазами посмотреть на ваше бессилие здесь у нас, в России.

Я выпустил свой последний патрон в воздух, но расстрелять меня вы не посмеете.

По приказанию офицера музыкант перевел ему эти слова пленного. И тогда офицер, обращаясь к своим солдатам, сказал:

— Этот человек — настоящий герой. Учитесь у него, как нужно защищать свою землю. Его воля победила смерть, голод и все лишения, и это великий подвиг солдата.

После этого офицер приказал одному из солдат вывести музыканта за пределы крепости, и дальнейшая судьба пленного так и осталась неизвестной.

Кто был этот последний герой, проводивший десять месяцев в подземельях Брестской крепости, как жил и боролся он это время и что случилось с ним впоследствии? Быть может, все это навсегда останется тайной. Но тайна эта полна той же величавой трагической героики, что и вся удивительная оборона Брестской крепости, только сейчас открывающая перед нами свои волнующие загадки.

Много загадок до сих пор хранят развалины Брестской крепости. Там, под камнями, еще можно найти останки героев, их документы, там, в засыпанных подвалах (мы это знаем сейчас совершенно точно), лежат зарытые или замурованные в стенах боевые знамена некоторых полков. В настоящее время нам известны даже люди, которые в дни боев собственноручно зарывали или замуровывали эти знамена. Они объявились только в последнее время, и есть предположение, что в дальнейшем удастся извлечь из-под развалин эти славные реликвии обороны Брестской крепости, которые будут храниться в наших музеях как символ доблести и мужества наших воинов в героические и трагические дни 1941 года.

ПОГРАНИЧНИКИ

Известно, что в числе защитников Брестской крепости были и наши пограничники. Перед войной в районе Бреста охранял государственный рубеж

17-й Краснознаменный пограничный отряд под командованием майора А. П. Кузнецова, а в самой крепости располагались третья комендатура и девятая погранзастава этого отряда.

Нужно сказать, что на первых порах об участии пограничников в обороне Брестской крепости не было никаких сведений. Когда я начал собирать материал для будущей книги, мне стало известно, что в одном из музеев Москвы хранится папка с воспоминаниями участников боев на нашей западной границе в первые дни Великой Отечественной войны. Я пришел туда и познакомился с содержимым этой папки. Здесь были собраны воспоминания бывших пограничников, служивших на заставах 17-го Краснознаменного отряда. Все эти записи были тщательно подшиты в порядке нумерации застав: пятая... шестая... седьмая... восьмая... десятая... В том месте, где по порядку должны были находиться воспоминания о боях девятой заставы, оказался только маленький листок, на котором было написано:

«Никаких сведений о девятой заставе нет. Застава помещалась в крепости и, видимо, целиком погибла в боях. По свидетельству жителей близлежащей деревни, в первые же минуты войны пограничники приняли удар врага на Западном острове Брестской крепости и вели борьбу в течение долгого времени».

В первую мою поездку в Брест, когда я побывал там вместе с Матевосяном и Махначем, мы с ними однажды в сопровождении офицеров из того отряда, который сейчас охраняет границу в районе Бреста, приехали на Западный остров крепости, где сражались в 1941 году пограничники. Остров густо зарос зеленым кустарником, и там, среди зарослей, кое-где лежат старые развалины или стоят пустые каменные коробки домов. Полуразрушенные стены со всех сторон изрыты пулями и осколками. Видно, что в каждом из этих строений группы пограничников, окруженные врагом, продолжали вести героическую борьбу. Как от древних времен дошли до нас надписи, выбитые на камнях и рассказывающие о жизни и борьбе ког-

да-то живших народов, так здесь, на этих полуразрушенных стенах, записана летопись борьбы и гибели безыменных героев первых дней Великой Отечественной войны. Только записана она не резцом, а пулями и снарядами врага.

В одном месте офицеры-пограничники показали нам на груду камней — тоже развалины какого-то дома. Сквозь камни проступали наружу ржавые железные спинки коек. Было ясно, что здесь находилась казарма, которая была разрушена бомбой или снарядами в первые же минуты войны. С помощью десятка солдат-пограничников мы тут же начали раскапывать эти развалины. Действительно, под камнями удалось кое-что найти. Это были обрывки каких-то бумаг, уже полуистлевшие. Когда мы начали рассматривать их, оказалось, что это страницы учебника по автоделу. Однако настоящих раскопок мы, конечно, не производили — для этого не было ни времени, ни возможностей, сюда следовало снарядить специальную экспедицию под руководством научных сотрудников, — и пришлось ограничиться найденными бумагами.

Офицеры-пограничники говорили нам, что именно здесь, на месте этих развалин, по их сведениям, помещалась девятая погранзастава в 1941 году. Но спустя несколько дней нам удалось найти в Бресте жену одного бывшего пограничника, которая перед войной жила в крепости. Вместе с ней мы приехали в крепость, и тогда оказалось, что ни девятая погранзастава, ни третья комендатура в 1941 году не располагались на Западном острове, а помещались в центральном дворе цитадели, в доме, стоявшем рядом со зданием казарм 333-го стрелкового полка, около Тереспольских ворот, тех самых ворот, которые изобразил художник П. А. Кривоногов на своей картине «Защитники Брестской крепости». Что же касается Западного острова, то там, оказывается, помещались авторота отряда и вместе с ней окружная школа шоферов пограничных войск. Этим и объяснялся тот факт, что под развалинами казармы на острове мы нашли странички учебника по автоделу.

Таким образом, местонахождение девятой заставы, наконец, было твердо определено.

Участники боев в Брестской крепости, с которыми мне приходилось встречаться в эти годы, с восторгом говорили о том, как сражались пограничники. Они признавались, что пограничники были поистине лучшими защитниками крепости, наиболее смелыми, самыми отважными и стойкими бойцами героического гарнизона. Рассказывают, что гитлеровское командование, взбешенное упорным сопротивлением пограничников, в первые дни войны отдало приказ своим солдатам: если у советского бойца будут зеленые петлицы на гимнастерке или зеленая фуражка, его не брать в плен, хотя бы он был даже тяжело ранен, а расстреливать на месте.

Но пограничники и не собирались сдаваться в плен. Они дрались действительно до последней капли крови, до последнего вздоха. Один из участников обороны Брестской крепости рассказал мне о том, как в первые дни войны погиб на Западном острове молодой пограничник белорус сержант Петринчик. Он был окружен автоматчиками и, укрывшись в развалинах какого-то дома, долго отстреливался, уложив меткими выстрелами несколько десятков гитлеровцев. Когда у него подошли к концу боеприпасы, он оставил только один патрон для себя, чтобы живым не попасть в руки врага.

От другого защитника крепости я услышал рассказ о гибели неизвестного молодого пограничника с девятой заставы.

Дело в том, что в субботу 21 июня, как раз накануне войны, пограничники задержали в крепости двух переодетых гитлеровских шпионов. Агенты врага были полностью изобличены на допросе, и вечером их заперли в камеру для задержанных на границе с тем, чтобы утром отправить в штаб отряда. Ночью на часах у дверей камеры стоял один из бойцов-пограничников. Когда началась война, он не ушел со своего поста, хотя поблизости то и дело рвались снаряды противника. Как только первый отряд гитлеровцев ворвался через Тереспольские ворота в центр цита-

дели, от него тотчас же отделилась группа автоматчиков, которая бросилась в сторону камеры, где содержались задержанные шпионы. Видимо, тайная агентура врага в крепости уже дала знать гитлеровскому командованию о том, что лазутчики попались, и указала их местонахождение.

Часовой вступил в бой с автоматчиками. Он отстреливался, лежа у двери камеры, и меткими выстрелами удерживал врагов на почтительном расстоянии. А в это время в дверь изнутри яростно ломались два шпиона, громкими криками по-немецки призывая на помощь своих. Постепенно патроны у бойца подошли к концу, а гитлеровцы, забрасывая его гранатами, подступали все ближе, и часовой увидел, что ему не сдержать врагов. И тогда он принял свое решение. Когда несколько минут спустя автоматчики ворвались в дверь камеры, они нашли только три трупа. Пограничник расстрелял обоих шпионов и застрелился сам.

Группы пограничников были на всех участках обороны крепости. Но основные силы третьей комендатуры и девятой погранзащиты во главе с ее начальником лейтенантом Андреем Кижеватовым дрались в центре цитадели вместе с бойцами 333-го стрелкового полка.

Лейтенант Андрей Митрофанович Кижеватов, сын крестьянина-мордвина из Пензенской области, был одним из замечательных героев Брестской крепости, и о нем стоит рассказать подробнее. Долгое время об этом человеке было известно очень мало, и только теперь его образ понемногу проясняется.

Командир необычайно твердого и решительного характера и отчаянно смелый человек, Кижеватов к тому же отличался исключительной добросовестностью и исполнительностью по службе. Начальник отряда майор Кузнецов не раз говорил, что он особенно спокоен за тот участок границы, который охраняет кижеватовская девятая застава.

Со своей довольно многочисленной семьей — матерью, женой и тремя маленькими детьми — Кижеватов жил тут же в крепости, при комендатуре, как и

некоторые другие командиры-пограничники. Когда начался обстрел, здание комендатуры стало рушиться и загорелось, причем немало женщин и детей осталось под развалинами. Однако Кижеватовы сумели благополучно спуститься в первый этаж, где было безопаснее.

Крикнув жене и матери, чтобы они шли с детьми в подвал, лейтенант тотчас же побежал к бойцам. Они ушли к разрушенному снарядами дому заставы и заняли там оборону, готовясь встретить первую атаку врага.

Весь первый день пограничники держались в развалинах своей заставы и штыковыми ударами отбрасывали автоматчиков, рвущихся в центр крепости через Тереспольские ворота. Ночью с остатками своего отряда, с женщинами и детьми Кижеватов перешел в соседнее здание 333-го полка. С тех пор он стал ближайшим помощником старшего лейтенанта Потапова, руководившего обороной на этом участке.

Его всегда видели в самых опасных, решающих местах, в первых рядах атакующих бойцов, во главе своих пограничников. Несколько раз раненный, в грязных повязках с проступавшей кровью, он все же не выходил из строя и неутомимо подбадривал людей.

В первых числах июля старший лейтенант Потапов поручил Кижеватову с группой пограничников опасное и ответственное задание — подорвать понтонный мост через Буг, наведенный противником близ крепости.

Они ушли, и до сих пор остается неизвестным, удалась ли им эта смелая диверсия. Остаются пока неизвестными и подробности гибели славного командира-пограничника. Известно лишь, что семья его, впоследствии отправленная в плен вместе с другими женщинами и детьми, была в 1942 году полностью расстреляна гитлеровцами.

Группа пограничников сражалась и в районе Восточного форта, в отряде майора Гаврилова. Это были бойцы, которые служили на соседней с крепостью заставе. Весь первый день они дрались на берегу Бу-

га, а на другой день, когда держаться уже не стало мочи, прорвались сквозь кольцо врага в окруженную Брестскую крепость и явились в распоряжение майора Гаврилова. Гаврилов тотчас же назначил лейтенанта-пограничника, который командовал этой группой, начальником разведки своего отряда, а двух бойцов оставил при себе для выполнения специальных поручений. По его словам, это были самые стойкие и отважные защитники форта.

Там, в Восточном форту, в здании, стоявшем в центре подковообразного двора, на втором этаже был установлен четырехствольный зенитный пулемет, из которого стреляли два зенитчика. Огонь этого пулемета наносил врагу особенно большие потери и каждый раз отбрасывал атакующих гитлеровцев. Когда зенитчики были убиты, к пулемету стали два пограничника. Они вели огонь до тех пор, пока тяжелая авиабомба не разрушила это здание; оба храбреца погибли под его развалинами.

Валентина Сачковская, дочь погибшего старшины Зенкина, та самая четырнадцатилетняя девочка, которая была послана немецким офицером, чтобы предъявить ультиматум защитникам крепости и потом осталась вместе с ними, рассказала мне об одном пограничнике, находившемся в подвале здания 333-го полка. Этого пограничника звали, по ее словам, Андрей Бобренок. Он был тяжело контужен и время от времени терял сознание. Но и тогда, без чувств, он продолжал крепко сжимать свою винтовку и не выпускал ее из рук. Как только сознание возвращалось к нему, Бобренок подползал к амбразуре подвального окна и начинал стрелять вместе со своими товарищами в атакующих автоматчиков до тех пор, пока очередной припадок не сваливал его в беспамятстве на пол. Валентина Сачковская говорила, что впоследствии этот пограничник, видимо, погиб.

Когда я потом писал свою драму «Крепость над Бугом», то этот рассказ Валентины Сачковской, глубоко запавший мне в память, послужил основой для создания образа пограничника Ивана Боброва, который, по пьесе, отважно сражается и героически гиб-

нет в Брестской крепости. Пьеса была напечатана в журнале «Знамя». Прошло еще несколько месяцев, и вдруг я получил письмо из Львова, от моего товарища, писателя Владимира Беляева, автора известной книги «Старая крепость». В. П. Беляев сообщал мне о том, что во Львовском украинском драматическом театре имени М. К. Заньковецкой работает актером один из участников обороны Брестской крепости, и фамилия его Бобренок.

Я сразу насторожился, узнав об этом. Бобренок — мало распространенная фамилия, и я предположил, что это, быть может, тот самый пограничник, о котором рассказывала мне Валентина Сачковская. Я тотчас же написал ему и вскоре получил ответ. Оказалось, что я не ошибся — младший сержант Бобренок служил в крепости в третьей погранкомендатуре, сражался там, а потом, будучи контуженным, находился в подвалах здания 333-го стрелкового полка. Только одну ошибку допустила Валентина Сачковская. Бобренка, как оказалось, зовут не Андреем, а Сергеем. Сейчас мы постоянно переписываемся с Сергеем Тихоновичем Бобренком. Он сообщил мне много интересного об участии пограничников в боях на участке 333-го стрелкового полка и сам написал свои подробные воспоминания о том, что видел и пережил в Брестской крепости. Недавно воспоминания эти напечатаны на страницах одного из наших военных журналов и изданы отдельной книгой.

Петя Клыпа рассказывал мне еще об одном пограничнике, который так и остался безыменным героем крепости. Когда у бойцов 333-го стрелкового полка подошли к концу боеприпасы, их командир, старший лейтенант Потапов, решил сделать отчаянную попытку прорвать вражеское кольцо. При этом было решено наносить удар не в сторону города, так как противник ожидал атак именно здесь, а прорываться в немецкий тыл через Западный остров, на котором сражались еще пограничники.

Воспользовавшись тем, что гитлеровцы предъявили защитникам крепости свой очередной ультиматум, после чего наступило некоторое затишье, бойцы сосре-

доточились в казармах около Тереспольских ворот и затем через мост и через дамбу, перегораживавшую в этом месте Буг, стремглав бросились на Западный остров.

Петя Клыпа рассказывает, что, когда он с группой бойцов выбежал на берег острова, около самой воды в кустарнике лежал на земле пограничник с ручным пулеметом в руках. Около него с одной стороны была навалена гора пустых отстрелянных гильз, а с другой — груда патронов и запасные диски для пулемета. Вокруг в кустах валялось множество убитых гитлеровцев. Вид у пограничника был страшный — лицо стало землисто-серым, под глазами — черные круги. Необычайно худой, обросший бородой, с красными, воспаленными глазами, он, видимо, уже много дней лежал здесь без пищи и без сна, отбивая атаки противника.

Бойцы стали тормошить его, предлагая идти на прорыв вместе с ними, но пограничник поднял голову, посмотрел на них каким-то странным, безразличным взглядом и глухим, ничего не выражающим голосом сказал:

— Я отсюда никуда не уйду.

Так он и остался лежать там, на берегу Буга, и, видимо, на этом же месте и погиб. Имя его, быть может, навсегда останется неизвестным.

Попытка прорыва через остров, к сожалению, окончилась неудачно. Всего несколько бойцов уцелели под страшным огнем немецких пулеметов и вышли на противоположный берег Буга. Там они тотчас же были захвачены в плен. В числе этих пленных был и Петя Клыпа, уже дважды контуженный, окровавленный и почти без сил.

На следующий день их под конвоем повели в лагерь вдоль берега Буга. Они проходили мимо Западного острова и слышали, что там, в чаще кустарника, продолжается неумолкающая стрельба. И они видели, как за деревьями, в центре острова, над каким-то домом развевается красный флаг пограничников. Говорят, что борьба на Западном острове продолжалась свыше двух недель, причем якобы наиболее упор-

но сопротивлялись группы пограничников, которые засели в недостроенных дотах, находившихся на берегу Буга. По слухам, последние защитники Западного острова погибли именно там.

Много еще тайн, связанных с участием пограничников в боях за Брестскую крепость, предстоит выяснить. Мы почти ничего не знаем о длительной и упорной борьбе на Западном острове. Неизвестной остается судьба той группы пограничников, которая сражалась в Восточном форту. Надо надеяться, что все это постепенно выяснится. Во всяком случае, в последние годы нашлось несколько бывших пограничников — участников обороны Брестской крепости.

Прислал письмо бывший врач 17-го Краснознаменного погранотряда доктор Горяинов, который сообщает ряд важных подробностей обороны. Отозвался бывший начальник 17-го Краснознаменного погранотряда, ныне полковник в отставке, Александр Петрович Кузнецов, который живет сейчас в Москве. Мы встретились с ним, и он рассказал мне много интересного о пограничниках, которые служили в его отряде.

Особенно любопытное, глубоко волнующее сообщение о пограничниках Брестской крепости получено недавно от технорука московского кинотеатра «Ударник» Константина Коршакова. К. И. Коршаков в 1941 году служил в пограничных частях и был радистом, обслуживал полевую радиостанцию. В то время радиостанции пограничников были самыми мощными и надежными, и в условиях первых боев, когда связь на фронте часто нарушалась, их нередко придавали нашим стрелковым соединениям, для того чтобы обеспечить четкое управление войсками в тех или иных ответственных операциях.

В июле 1941 года К. И. Коршаков со своей радиостанцией был послан в 262-ю стрелковую дивизию, которая в то время находилась близ Старой Руссы и вместе с другими нашими соединениями готовилась нанести контрудар по 16-й немецкой армии, действовавшей в этом районе. В самых последних числах месяца (Коршаков ясно помнит, что это было после 25 июля) он однажды нес свое обычное дежурство

в эфире. Рядом с радистом, как всегда, лежал список позывных сигналов различных радиостанций погранвойск. В этом списке значилась и радиостанция пограничников Брестской крепости. Правда, ее позывные уже больше месяца не слышались в эфире, и все считали, что погранзаства, стоявшая в крепости, давно погибла.

И вдруг раздались позывные этой радиостанции. Вслед за тем Коршаков принял радиограмму следующего содержания (я привожу ее дословно так, как мне передавал ее Коршаков): «Положение тяжелое, крепость падает, уничтожаем гадов, сами взрываемся».

Затем следовала зашифрованная подпись, но радист ее не разобрал. Он начал посылать в эфир сигналы, прося повторить радиограмму. Прошло около получаса, и он услышал: «Я вас понял, я вас понял, повторяю радиограмму». А потом последовал тот же текст: «Положение тяжелое, крепость падает, уничтожаем гадов, сами взрываемся».

И снова Коршаков не разобрал подписи, но на этот раз, сколько ни посылал он запросов, радиостанция пограничников Брестской крепости уже не ответила ему.

Эту радиограмму тогда же передали в Москву, а там, под Старой Руссой, ее в тот же вечер огласили на партийном собрании 262-й дивизии. Говорят, что и в других частях, стоявших на этом участке фронта, перед наступлением зачитывалась волнующая радиограмма брестских пограничников, поднимавшая дух бойцов, звавшая их на новые подвиги.

Вероятно, эту радиограмму можно будет разыскать в наших военных архивах в Москве, и я принимаю меры к тому, чтобы она была найдена. Еще предстоит выяснить, кто были эти люди, которые взорвали себя вместе с врагами там, в Брестской крепости, спустя более чем месяц после начала боев. Были ли то группы пограничников, засевших в дотах на Западном острове, или, быть может, остатки заставы Кижеватова, дравшиеся в центре крепости. Все это пока остается тайной, и, наверное, предстоит пре-

одолеть немало трудностей, прежде чем мы узнаем, кто были эти герои, пославшие в эфир весть о своем бессмертном подвиге.

„ЖЕНСКИЙ БАТАЛЬОН“

Изучая историю обороны Брестской крепости, я обратился также к иностранным источникам и прежде всего к немецким, стараясь отыскать какие-то сведения о тех событиях в воспоминаниях и записках бывших гитлеровских генералов. Такого рода воспоминания в послевоенное время наводнили книжные рынки западноевропейских стран и США.

Действительно, вскоре мне удалось найти краткие упоминания о боях за Брестскую крепость в «Записках солдата» генерала Гудериана и в мемуарах известного гитлеровского диверсанта Отто Скорцени. Впрочем, оба они лишь вскользь отмечали упорство крепостного гарнизона и говорили — один о «нескольких днях», второй о «неделе» боев, явно пользуясь официальной версией, сочиненной штабом 45-й пехотной дивизии немцев.

Потом мне попала в руки новая книга английского военного историка капитана Лиддел Гарта. Капитан Лиддел Гарт — широко известный британский военный литератор. В свое время он написал несколько работ об империалистической войне 1914 — 1918 годов, а теперь занимается историей второй мировой войны. При этом капитан Лиддел Гарт является ревностным почитателем германской военной школы и издавна преклоняется перед военными талантами немецких полководцев.

Книга, о которой я говорю, посвящена описанию событий второй мировой войны. Она называется «По другую сторону холма» и была написана Лиддел Гартом главным образом на основании его бесед с гитлеровскими генералами и фельдмаршалами. Там, в этой книге, я нашел несколько любопытных строк, относящихся к событиям обороны Брестской крепости. Лиддел Гарт вспоминает о своей встрече с одним

из крупных офицеров гитлеровского вермахта, неким генерал-майором Блюментриттом, который в первые дни войны на советско-германском фронте занимал пост начальника штаба четвертой немецкой армии, действовавшей в районе Бреста.

Вот что генерал Блюментритт сказал капитану Лиддел Гарту:

«Начальная битва в июне 1941 года впервые показала нам Красную Армию. Наши потери доходили до 50 процентов. ОГПУ и женский батальон защищали старую крепость в Бресте больше недели, сражаясь до последнего, несмотря на тяжелейшие бомбежки и обстрел из крупнокалиберных орудий. Там мы узнали, что значит сражаться по русскому способу».

Буквы «ОГПУ» здесь расшифровываются весьма просто. Совершенно ясно, что под этими буквами генерал Блюментритт подразумевает пограничников Брестской крепости.

Что же касается упоминания о «женском батальоне», то оно, конечно, является смехотворным, потому что подобных подразделений в Советской Армии, как известно, не было. Нет сомнения, что этот термин генерал Блюментритт употребил, имея в виду тех женщин, которые с оружием в руках сражались вместе с мужчинами в Брестской крепости. Это были жены, сестры, дочери наших советских командиров, отважно ставшие на защиту Родины плечом к плечу со своими мужьями, отцами и братьями.

Я уже говорил о подвиге молодой учительницы Кати Тарасюк, которая погибла, отбивая атаки гитлеровцев из пулемета. Но были и другие женщины-воины — гнев и ненависть к врагу заставили их взяться за оружие.

С. М. Матевосян восторженно описывал мне свою встречу с одной из таких оставшихся неизвестными героинь во время его рейда по крепости на броневиках. Эта женщина была ранена в щеку и сражалась рядом с мужчинами против автоматчиков, окруживших дома комсостава. Судьба ее так и осталась неизвестной. Другой участник обороны Брестской кре-

ности, бывший лейтенант Василий Соколов из города Вязьмы, рассказывает о неизвестной девушке, которая в первый день прибежала в подвал 333-го стрелкового полка полураздетой, такой, какой застала ее в постели война. Там, в подвале, она взяла одежду одного из убитых бойцов, его винтовку и дралась все время бок о бок с мужчинами как рядовой стрелок.

Словом, в крепости было немало женщин, сражавшихся с оружием в руках, но, к сожалению, мы пока еще не знаем фамилий этих героинь.

Но большинство бойцов этого «женского батальона», как окрестил его генерал Блюментритт, было безоружным и находилось в крепостных подвалах. Там женщины вели свой бескровный, но не менее тяжелый бой за жизнь своих детей в обстановке постоянной опасности, невыносимых трудностей и лишений. Они вели упорную борьбу за спасение жизни раненых защитников крепости, взяв на себя заботливый, ласковый уход за ними.

Поистине героическую стойкость проявил этот «женский батальон». Верные спутницы нелегкой кочевой жизни советских командиров, они и в боевой обстановке оказались достойными своих мужей и внесли свой большой вклад в легендарную оборону Брестской крепости.

Что только не пришлось пережить этим женщинам!

В первые же минуты войны мужья покинули их, и они остались одни со своими детьми, беззащитные среди сумасшедшего грохота взрывов, воя бомб, рева самолетов, круживших над крепостью. Ни одна из них не попыталась задержать своего мужа — они знали, что теперь долг, более властный, чем обязанности отца и супруга, зовет командиров туда, в казармы, где ждут их бойцы.

Эти женщины, прижимая к себе детей, под огнем бежали из домов, спеша укрыться в земляных валах крепости, в глубоких казематах, в подвалах. И многие из них, прежде чем они достигли спасительных убежищ, погибли там, во дворе крепости, под взры-

вами бомб и снарядов, под огнем гитлеровских пулеметов.

Для того чтобы хоть немного представить себе, что пережили эти женщины и дети в страшное утро 22 июня 1941 года, я расскажу вам одну историю, которую услышал еще во время первой своей поездки в Брест. Это история маленького мальчика Алика Бобкова.

ИСТОРИЯ АЛИКА БОБКОВА

Младший лейтенант Алексей Бобков был командиром роты 37-го отдельного батальона связи и вместе с семьей жил в одном из домов комсостава в северной части Брестской крепости. Как только раздались первые взрывы, он приказал жене одеть детей и решил по пути в роту отвести семью в находившееся поблизости убежище. Собственно говоря, это было не убежище, а подземный склад, где хранились овощи, но в его глубине под защитой надежных бетонированных сводов жена и дети могли в безопасности переждать бомбежку и обстрел.

Жена наспех завернула в одеяло грудную дочь, а отец взял за руку пятилетнего Алика, и под огнем они бросились бежать к этому складу. Когда они подбежали к его дверям, оказалось, что здесь уже собралось несколько командиров со своими женами и детьми. Однако проникнуть внутрь склада не удавалось, потому что на массивных дверях висел тяжелый замок, который никак не могли сбить.

Все сгрудились тут, у дверей, и мужчины возились над замком, безуспешно стараясь сломать его. К счастью, над этими дверями был устроен большой бетонный козырек, который немного защищал столпившийся здесь народ от рвущихся неподалеку снарядов. Правда, по бокам козырек был открыт, и поэтому осколки и шальные пули иногда свистели над головами людей.

Между тем наблюдатели противника, видимо, заметили толпу, скопившуюся у склада, и вражеская артиллерия начала обстреливать этот участок.

Один из снарядов сразу же разорвался в гуще толпы под козырьком. Этим взрывом были наповал убиты мать Алика Бобкова и маленькая сестра, а его отцу оторвало обе ноги. Мальчик тоже был ранен несколькими осколками.

Насмерть перепуганный Алик, крича и плача, бросился к самой двери подвала, пробираясь под ногами у людей, но в это время поблизости грохнуло еще несколько разрывов и вся толпа в панике бросилась бежать прочь.

Под козырьком, около двери склада остались лежать только несколько трупов, в том числе мать и сестренка Алика и его смертельно раненный отец, который то приходил в себя, то снова терял сознание.

Мальчик присел на землю около него. Он плакал, ему было больно и страшно, но все-таки здесь, рядом с отцом, он чувствовал себя легче.

Прошло немного времени, и вдруг мимо дверей этого склада пробежали трое гитлеровских солдат. Один из них на бегу бросил гранату под бетонный козырек, туда, где находился Алик. Она, шипя, завертелась рядом с бесчувственным, окровавленным лейтенантом Бобковым, и мальчик, опершись на тело отца, широко раскрытыми глазами, с любопытством смотрел, как волчком крутится эта граната с длинной деревянной ручкой. В этот момент младший лейтенант Бобков очнулся и отчаянным голосом крикнул сыну:

— Ложись!

Мальчик упал прямо на тело отца, головой к гранате. Раздался взрыв. Этим взрывом лейтенант Бобков был убит, а Алик ранен множеством осколков.

К счастью, ни один осколок не попал ему в голову — все ранения пришлось в спину и в ноги.

Этим же самым взрывом был сбит замок, висевший на дверях склада, и двери распахнулись.

Тогда Алик, который уже не мог ходить, пополз туда, в сырую подземную темноту этого склада.

Мальчик потерял много крови и был очень слаб. Ему мучительно хотелось пить, и он долго ползал по сырому бетонному полу в поисках воды. Там оказа-

лись какие-то лужи, но, когда он пробовал пить из них, вода имела соленый привкус. Здесь, видимо, был разлит овощной рассол.

Потом Алику удалось отыскать в одном из углов подвала несколько кусочков льда, и он, пососав их, немного утолил жажду. Он был совершенно измучен, время от времени терял сознание и мечтал теперь только о том, чтобы найти сухое место и прилечь. Наконец он заполз на какую-то доску и лег там.

Сколько дней пробыл он в этом подвале, неизвестно. Он очнулся и лежал, не в силах даже пошевелиться, молча глядя на видневшийся вдали светлый прямоугольник двери. Потом в этом прямоугольнике появился темный силуэт человека, и кто-то вошел в подвал. Зажегся карманный фонарик, и лучик его забегал по стенам, подкрадываясь все ближе, пока не осветил Алика. Мальчик лежал неподвижно, слегка зажмурив глаза. Тогда человек нагнулся и поднял его на руки.

Это был немецкий солдат, который зашел сюда осмотреть подвал. Он понес мальчика к выходу, а Алик, обняв руками его шею, рассказывал немцу о том, как убили его отца, как погибли его мать и сестренка.

Солдат вынес Алика во двор. Трупы уже были убраны, и только высохшие пятна крови еще оставались на бетонном полу у входа в подвал.

Немец поставил мальчика на землю, но Алик, вконец обессиленный, не мог уже держаться на ногах и тут же упал ничком.

Тогда солдат поднял его и понес к санитарной машине, стоявшей поодаль. Алика отвезли в городскую больницу в Бресте.

Можно себе представить, сколько ранений оказалось на теле мальчика, если, после того как ему сделали в больнице перевязку, у него остались незабинтованными только часть одной руки и голова. Все тело сплошь было закрыто бинтами.

Алик провел в больнице четырнадцать месяцев. Он вышел оттуда только осенью 1942 года.

Потом он жил у своей дальней родственницы,

а когда Брест был освобожден, воспитывался в детском доме вместе с дочерью капитана Шабловского.

Когда я встретил Алика Бобкова в 1954 году, это был уже молодой человек, высокий, худой, бледный и очень застенчивый, словно то, что он пережил мальчиком там, в Брестской крепости, на всю жизнь оставило печать на его характере.

В то время когда мы познакомились, он заканчивал вместе с Таней Шабловской фельдшерскую школу в Бресте.

А сейчас Алик уже заканчивает Минский медицинский институт и вскоре станет врачом.

Я понимаю, что рассказал очень тяжелую, мрачную историю. Быть может, кто-нибудь из читателей скажет мне: зачем бередить старые раны, зачем вспоминать о страшных, полных ужасов и крови днях сейчас, в мирное время?

Но имеем ли мы право забывать, чего стоили нам мир и свобода? Разве не было бы такое забвение предательством перед памятью павших воинов, перед горем безутешных матерей, одиноких вдов, осиротевших детей?

Этого нельзя забывать во имя нашей упорной борьбы за мир, которая немыслима без горькой памяти о бедствиях минувшей войны. Этого нельзя забывать еще и потому, что на земле, взрастившей фашистское чудовище, снова шевелится и поднимает голову недобитый и по-прежнему ненасытный германский милитаризм, который уже дважды ввергал в кровавые боины все человечество.

ПОД ВЛАСТЬЮ ВРАГА

Вместе с детьми и тяжелоранеными женщины укрылись в глубоких подземных казематах, в бетонированных крепостных подвалах. Но при всей относительной безопасности этих убежищ безвыходно находиться в них было едва ли не более трудно, чем оставаться там, наверху, где на развалинах, среди огня и смерти, яростно дрались защитники крепости.

Там, наверху, люди активно действовали, боролись, глядя в лицо опасности, встречая ее грудью. Бешеное напряжение этой борьбы прогоняло ощущение страха, забирало все силы мускулов и нервов, не оставляя времени и места для переживаний.

Обитатели подвалов, наоборот, были обречены на вынужденное бездействие. Здесь царила атмосфера мучительной неизвестности, глухой, безысходной тревоги, напряженного тоскливого ожидания. Стоны раненых, плач детей тонули в тяжком грохоте, колебавшем массивные своды. Порой близкие взрывы авиабомб так встряхивали эти подземные коробки, что трескались бетонные полы подвалов и от мощного воздушного удара у людей шла кровь из носа и ушей.

Напрягая слух, женщины жадно ловили долетающие в подвал звуки боя, стараясь угадать, что происходит наверху. Каждый раз бомбежка или обстрел крепости из крупнокалиберных орудий заставляли их дрожать за жизнь детей и за свою участь в ежеминутном ожидании того, что прямое попадание бомбы или снаряда похоронит их под обломками этих тяжелых сводов. Больно сжимали сердце тревожные мысли о судьбе мужей, ведущих бой, и в бессильном отчаянии наблюдали они, как слабеют их дети и смерть от голода и жажды все ближе подступает к ним.

Но это были мужественные женщины, они старались вынести все эти испытания без слез и жалоб, так же стойко, как сражались с врагом там, наверху, их мужья.

Первые дни осажденные ожидали, что с часу на час к ним на выручку подойдут наши войска, стоявшие в окрестностях Бреста, и враг будет разбит и отброшен назад. Но с каждым новым днем надежды эти становились все более несбыточными, перед защитниками крепости все яснее вставала безысходность их борьбы. В этих условиях надо было подумать о судьбе женщин и детей. Как уже известно читателю, они по приказу командования были отправлены в плен.

Трудно передать все, что пришлось пережить этим женщинам там, в плену. Некоторые из них были рас-

стреляны вместе с детьми, над другими издевались, заставляя становиться на колени перед пулеметами и фотографируя эти сцены. С них срывали одежду, избивали и, подгоняя ударами прикладов, погнали потом в Брест, в городскую тюрьму.

Жена одного из командиров, Анастасия Никитина-Аршинова, рассказывала мне о том, как группу женщин и детей, в которой находилась и она, вели в плен. Был знойный день, и автоматчикам-конвоирам очень не хотелось идти по такой жаре. Отойдя немного от крепости, они хотели расстрелять здесь же на месте всю колонну пленных. Но среди них был один пожилой солдат, решительно воспротивившийся этому расстрелу. То и дело конвоиры останавливали колонну, наводили на женщин и детей автоматы, но каждый раз пожилой солдат, крича и ругаясь, заставлял их отказаться от своего намерения. В конце концов они рассердились на него и ушли назад, в крепость, а он, уже в одиночку, конвоировал пленных до самого Бреста.

Больше двух недель женщины с детьми провели в набитой до отказа Брестской тюрьме, где их морили голодом, а потом кормили гнилой, тухлой треской. Но когда их выпустили, то «на свободе» оказалось немногим легче.

В городе и в окрестных деревнях, где поселились жены наших командиров, их ждало немало тяжелых испытаний. Они остались без всяких средств к существованию. Имущество их было разграблено. Чтобы прокормить детей, эти женщины нанимались на самые тяжелые работы, а многие из них, жены наших полковников, майоров, лейтенантов, вынуждены были под угрозой голодной смерти просить милостыню у крестьян. И они ходили по деревням, собирали там добровольное подаяние, поддерживая этим силы своих детей, которых надо было любой ценой сохранить для будущей мирной, свободной жизни.

Во всех испытаниях судьбы эти женщины никогда не теряли веры в будущую победу. Они были убеждены, что рано или поздно на востоке снова за-

гремят советские пушки и Красная Армия принесет им долгожданное освобождение. Все долгие, гнетущие годы оккупации они жили мечтой о том желанном дне, и только эта надежда давала им силы вынести все, что выпало на их долю.

Дочери Советской Родины, воспитанные партией борцов, они не прозябали в пассивном ожидании свободы и не забывали о борьбе. Одни из этих женщин приняли участие в деятельности подпольных коммунистических организаций в Бресте и его окрестностях. Другие устанавливали связь с партизанами, выполняли их задания или уходили в отряды. В Брестской области были так называемые семейные партизанские отряды, где вместе с бойцами-мужчинами находились также женщины с детьми.

А потом наступил страшный сорок второй год, когда гитлеровцы начали почти поголовно расстреливать всех, как они говорили, «восточников» — семьи командиров, партийных и советских работников, приехавших в Брестскую область после освобождения Западной Белоруссии. Из местечек и деревень полиция свозила эти семьи в районный центр Жабинку близ Бреста. Там, на окраине Жабинки, в течение многих дней не смолкал стрекот пулеметов, и тела расстрелянных женщин и детей ряд за рядом ложились в заранее выкопанные рвы.

Но и эта зверская расправа не смогла запугать тех, кто остался в живых. Смелые женщины продолжали борьбу, они так же беззаветно верили в будущую победу. Рассказывают, что когда в 1944 году наши самолеты впервые бомбили военные объекты врага в Бресте, эта ночь была подлинным праздником для жен и детей командиров, живших в городе. В то время как оккупанты и их пособники прятались в подвалах и убежищах, эти женщины и дети выбежали на улицы, прямо под бомбежку, как под благодатный весенний дождь, словно веря, что бомбы, сделанные руками советских людей, не смогут поразить их. Они подбирали осколки этих бомб, еще горячие после взрыва, целовали их и потом бережно хранили у себя.

И они дожили в конце концов до желанного дня.

Пришла Советская Армия, и снова в западнобелорусских землях прочно установилась советская власть.

А потом окончилась война, наступил День Победы. Но только немногие из этих женщин дождались возвращения своих мужей — большинство командиров пало в боях 1941 года или погибло в гитлеровском плену.

Семьи командиров получали государственные пособия или пенсии, но еще нелегко было жить в то время на разоренной, разграбленной врагом земле, лишь постепенно залечивающей свои раны. И в эти послевоенные годы женщинам пришлось переносить еще немало трудностей. Вдовы, оставшиеся единственными кормилицами своих детей, вынуждены были усиленно работать и нередко испытывали материальную нужду и лишения.

Все пережитое наложило на них неизгладимый отпечаток. Еще сравнительно молодые, они рано постарели, преждевременные морщины легли на их лица, их руки загрубели в трудной работе. Но совесть их чиста и спокойна — среди выпавших им тяжких испытаний они сумели сохранить своих детей, вырастили и воспитали их достойными советскими гражданами, преданными народу и партии коммунистов, такими же, как были их отцы, погибшие в Брестской крепости в дни героической обороны.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Летом 1956 года советский народ отметил пятидесятилетие героической обороны Брестской крепости.

Еще в последних числах июля в Бресте состоялась встреча жителей города с участниками обороны Яковом Коломийцем и Григорием Гудымом. Там, на развалинах старой крепости, ее защитники поделились своими воспоминаниями о памятных событиях героических и трагических дней 1941 года.

Такие же встречи и вечера, посвященные славной годовщине, провели в те дни жители Краснодара. Известно, что в рядах легендарного гарнизона было

немало бойцов-кубанцев, а в самом Краснодаре сейчас живут герои обороны Петр Гаврилов, Анатолий Бессонов, Петр Теленьга и другие. Как раз в это время на экранах краснодарских кинотеатров появился фильм «Бессмертный гарнизон», а приехавший в Краснодар на гастроли Николаевский драматический театр показал мою пьесу «Крепость над Бугом». Все это, конечно, вызвало большой интерес краснодарцев к обороне Брестской крепости и к ее героям.

В июле Министерство обороны СССР решило провести в Центральном Доме Советской Армии в Москве торжественный вечер, посвященный пятидесятилетию героического подвига гарнизона Брестской крепости. В этом вечере должны были принять участие бывшие защитники крепости. К сожалению, всех участников обороны, которые к тому времени были нам известны, вызвать не удалось, и приглашения послали семерым из них: П. М. Гаврилову, С. М. Матвосоюну, П. С. Клыпе, А. И. Семененко, А. А. Виноградову, Р. И. Абакумовой и еще одному защитнику крепости, найденному мною незадолго до того. Это капитан запаса Константин Федорович Касаткин, который в дни боев был начальником штаба отряда майора Гаврилова и вместе с ним руководил обороной Восточного форта. Сейчас К. Ф. Касаткин работает инженером на одном из предприятий Ярославля.

Первым прибыл в столицу Матвосоян. Он приехал еще до получения вызова, командированный сюда по своим служебным делам. Как раз летом 1956 года геологическая экспедиция, которую он возглавлял, обнаружила в горах Армении новое месторождение золота, и Матвосоян привез в Москву образцы породы. Его принял Министр геологии и охраны недр П. Я. Антропов, и работа экспедиции получила полное одобрение. После этого Матвосоян еще совершил поездку на Урал, знакомясь там с опытом золотодобычи, а потом вернулся в Москву, чтобы принять участие в торжественном вечере.

Вслед за ним, тоже случайно, приехал другой участник обороны крепости, бывший помощник на-

чальника штаба 44-го полка, сослуживец Гаврилова и Семененко, а сейчас колхозник из Вышневолоцкого района Калининской области Николай Анисимович Егоров. Как раз в это время в партийной комиссии Московского военного округа рассматривался вопрос о восстановлении его в партии, и Н. А. Егоров был вызван сюда. Дело его было благополучно разрешено: он восстановлен в рядах КПСС с прежним стажем, и с него даже сняли старое, еще довоенное, партийное взыскание.

Потом приехал Петр Михайлович Гаврилов из Краснодара. К этому времени московская печать уже заинтересовалась предстоящим вечером и участниками героической обороны, и им начали уделять внимание на страницах газет и журналов.

Первым из журналистов, «атаковавших» героев Брестской крепости, был корреспондент «Вечерней Москвы» Юрий Ульянов. Еще до того, как участники обороны съехались сюда, он решил отправиться в Краснодар и написать очерк о майоре Гаврилове. Но, сойдя с поезда в Краснодаре, он узнал, что всего несколько часов тому назад Гаврилов выехал в Москву. Тогда Ульянов, как истый газетчик, решил перехватить его в пути. Он долетел на самолете до Воронежа и сел в тот же поезд, в котором ехал Гаврилов. После этого Ульянов всю дорогу до Москвы сидел в поездном радиоузле и посылал вызовы Гаврилову, но, к сожалению, на них так никто и не ответил. Как выяснилось впоследствии, П. М. Гаврилов находился в том же вагоне, через купе от радиоузла, но, будучи после контузии немного глуховатым, он не слышал призывов Ульянова и приехал в Москву, так и не встретившись с ним.

Короче говоря, Ульянов застал Гаврилова только вечером этого дня в гостинице Центрального Дома Советской Армии. Рассказ корреспондента немало позабавил всех: для того чтобы проехать каких-нибудь два километра из редакции «Вечерней Москвы» на Чистых прудах сюда, в гостиницу, на площадь Коммуны, Ульянову пришлось совершить большой крюк через Краснодар и Воронеж.

На следующий день на Курском вокзале мы с цветами встречали героиню обороны крепости Раису Ивановну Абакумову, приехавшую из Орловской области. В тот же день из Вологды прибыл Анатолий Александрович Виноградов.

Вечером все собрались в гостинице, и вдруг неожиданно здесь появился только что приехавший из Николаева Александр Иванович Семененко. Можно себе представить, с каким волнением он заключил в объятия своего бывшего полкового командира П. М. Гаврилова, и оба, конечно, не смогли сдержать слез.

А на другое утро мы были свидетелями еще более волнующего свидания. В вестибюле гостиницы встретились старые боевые товарищи: П. М. Гаврилов и его бывший начальник штаба Константин Федорович Касаткин, прибывший из Ярославля. Дрожа от волнения, они бросились друг к другу и заплакали.

Потом появился Петр Клыпа, и участники обороны сразу узнали в нем прежнего воспитанника 333-го полка, четырнадцатилетнего подростка, который, как они помнили, с особым чувством мальчишеского достоинства, облаченный в полную военную форму, ходил по крепости, и все тогда приветливо встречали этого маленького бойца.

В те дни столичная печать уже широко освещала пребывание защитников крепости в Москве. Тогда же по радио стали передавать мои рассказы о поисках героев Брестской крепости. Накануне торжественного вечера, 23 июля, участники обороны выступили по московскому телевидению. С тех пор, где бы они ни появлялись, москвичи узнавали их, подходили к ним, чтобы поприветствовать, останавливали и расспрашивали о том, что они видели и пережили в дни боев.

Получилось так, что в Москве собралось значительно больше участников обороны, чем мы ожидали.

Около гостиницы Центрального Дома Советской Армии то и дело происходили новые встречи. Вдруг появился бывший политрук Петр Павлович Кошкаров, который сейчас работает начальником одного

из гаражей в Москве. Кошкаров сражался в центральной цитадели вместе с полковым комиссаром Фоминым, капитаном Зубачевым, лейтенантом Виноградовым, и сейчас, узнав, что здесь находятся его товарищи по обороне крепости, он пришел к гостинице. Увидев друг друга, он и Виноградов горячо обнялись.

Помню, однажды солнечным утром мы сидели на скамейке около гостиницы, и вдруг сюда подошел худощавый рыжеволосый человек в простой рубашке, заправленной в брюки. Левый рукав его рубахи был пуст — у него не хватало руки почти до самого плеча. Я видел, как сидевший рядом со мной Семененко, посмотрев на этого человека, вдруг побледнел, вскрикнул и бросился к нему. И тотчас же с другой стороны к нему кинулся П. М. Гаврилов. Обнявшись втроем, прижавшись щеками друг к другу, они громко, не скрываясь, плакали. Оказалось, что это приехал из Калининской области повидать своих однополчан бывший интендант 44-го стрелкового полка старший лейтенант Николай Иванович Зориков, потерявший руку там, в крепости.

Фамилия Зорикова была мне уже известна. Год или полтора тому назад бывший заместитель командира 44-го полка по политической части Николай Романович Артамонов, сейчас полковник, рассказал мне о том, как в первые часы войны он у входных ворот крепости встретился с интендантом Н. И. Зориковым.

Как только начался обстрел крепости, батальонный комиссар Артамонов прибежал из квартиры к северным воротам, где в казематах внутри земляного вала располагался один из батальонов полка. Этот батальон, поднятый по тревоге, комиссар вывел за крепостные ворота и отправил на окраину Бреста — на заранее назначенный рубеж обороны. Сам же Артамонов еще ненадолго задержался у ворот, ожидая, что сюда с минуты на минуту подойдет командир полка майор Гаврилов.

В этот момент из глубокого тоннеля ворот появился человек, у которого по плечо была оторвана

левая рука и обрубок наспех обмотан рубашкой, насквозь пропитавшейся кровью. Артамонов узнал интенданта полка Н. И. Зорикова.

Зориков тотчас же бросился к нему и закричал:

— Товарищ комиссар, дайте мне машину!

Артамонов подумал, что интендант просит отправить его на машине в госпиталь: рана была действительно страшной, и он, видимо, потерял уже много крови. Но Зориков беспокоился совсем о другом.

— Дайте мне машину! — настойчиво повторил он. — У меня в складах — продовольствие, фураж. Ведь все фашистам достанется!

Этот человек, так опасно раненный, шатающийся от слабости, нисколько не думал о своем спасении, он прежде всего заботился о материальных ценностях, которые были поручены ему.

Комиссар убедил Зорикова немедленно ехать в госпиталь и тут же отправил его попутной повозкой. Но потом весь этот госпиталь был захвачен противником; и Н. И. Зориков провел в фашистском плену четыре тяжких года. И вот сейчас, спустя пятнадцать лет, этот героический интендант впервые встретился с однополчанами. Оказалось, что он из газет узнал о предстоящем вечере и тотчас же выехал в Москву, чтобы повидаться с товарищами.

В тот же день неожиданно приехали: бывший командир взвода полковой школы 44-го полка, а теперь маляр из Ворошиловградской области Федор Забирко; однополчанин Петра Клыпы музыкант Минской филармонии Михаил Гуревич и сын полкового комиссара Фомина — молодой киевский юрист Юрий Фомин. Пришел в гостиницу участник обороны Восточного форта, работник одной из московских мебельных фабрик, Николай Разин; позвонил по телефону еще один участник боев в крепости — тоже москвич, инженер Алексей Романов.

24 июля в Краснознаменном зале Центрального Дома Советской Армии состоялся торжественный вечер. В президиуме сидели защитники крепости, представители Министерства обороны, генералы и офи-

церы, поэты и писатели, а в зале собрались сотни бойцов и офицеров Московского гарнизона.

Минутой молчания почтили москвичи память погибших героев Бреста. Я сделал короткое сообщение об обороне крепости, познакомил присутствующих с находившимися здесь участниками памятных боев. Затем с воспоминаниями выступили сами защитники крепости. Были зачитаны многочисленные приветствия от предприятий и учреждений, от участников обороны, живущих в других городах. В свою очередь, собрание послало приветственные телеграммы всем бывшим защитникам крепости, адреса которых были известны, а также семьям погибших командиров, руководителей легендарной обороны. Этот вечер, закончившийся большим концертом и показом кинофильма «Бессмертный гарнизон», прошел в исключительно теплой, сердечной атмосфере.

ПОЕЗДКА В БЕЛОРУССИЮ

В дни пребывания героев крепости в Москве у нас зародилась мысль о том, чтобы совершить поездку в столицу Белоруссии Минск и на места памятных событий в Брест. Было получено разрешение на эту поездку, и спустя несколько дней пятеро героев обороны — П. М. Гаврилов, С. М. Матевосян, Р. И. Абакумова, П. С. Клыпа, А. А. Виноградов и я с ними выехали в Минск.

В Минске рано утром нас встречали на перроне вокзала представители городского Дома офицера, а также участники обороны, живущие в столице Белоруссии: уже знакомые нам А. И. Махнач и М. П. Гуревич, а также бывший боец 33-го инженерного полка, теперь работник областного управления сельского хозяйства Федор Филиппович Журавлев.

В тот же день участники обороны выступили в некоторых воинских частях, а вечером в переполненном зале Дома офицера состоялась встреча минчан с героями Брестской крепости. Жители белорусской столицы горячо приняли приехавших к ним дорогих

гостей, и этот вечер надолго запомнился каждому из его участников.

Там, в Минске, к нашей группе присоединился еще один участник обороны, до тех пор неизвестный нам, — бывший командир взвода 333-го полка Александр Петлицкий, работающий сейчас компрессорщиком на одном из заводов города. И когда на другой день мы уезжали в Брест, вместе с нами туда поехали также минчане — Гуревич, Махнач, Журавлев и Петлицкий.

Утро 31 июля, когда мы подъезжали к Бресту, выдалось ненастным: все небо было затянуто тучами и шел частый, мелкий, словно осенний, дождик. Всем казалось, что по такой погоде, конечно, почти никто не встретит гостей в Бресте. Но то, что ожидало героев крепости на Брестском вокзале, было необычайно волнующим. Прямо под дождем, запруживая весь перрон, тесно, плечо к плечу, стояла большая, плотная толпа людей с букетами цветов. И как только поезд подошел к перрону, духовой оркестр грянул марш, и люди бросились к дверям вагона, в котором приехали участники обороны. Можно себе представить, как глубоко тронула всех приехавших эта неожиданная и такая горячая встреча. Я помню, как, не скрываясь, плакала Раиса Ивановна Абакумова, как побледнел от волнения и не мог унять дрожь в руках Александр Иванович Махнач, как взволнованно и растерянно оглядывался по сторонам Самвел Минасович Матевосян.

У вагона героев крепости встретили заместитель председателя Брестского облисполкома М. Е. Вуколов, секретарь горкома партии Т. С. Смолоник и секретарь обкома комсомола В. П. Сомович. Вместе с ними пришли встретить дорогих гостей участники обороны, живущие в Брестской области, — Яков Коломиец и Афанасий Бородич, вдова капитана Зубачева и его сын, жены командиров, погибших в крепости, — Татьяна Семочкина, Анна Гончар, Дарья Прохоренко и другие. Десятки дружеских рук подхватили чемоданы приезжих, гостям вручили целые охапки живых цветов, и все медленно двину-

лись сквозь густую толпу к широким дверям вокзала.

На площади перед вокзалом должен был происходить митинг. Но в связи с непогодой его перенесли в большое помещение агитпункта в новом вокзальном здании. Сотни жителей Бреста заполнили просторный зал. И когда по предложению председателя митинга все встали, чтобы почтить память героев, погибших в Брестской крепости, и оркестр заиграл траурный марш Шопена, в зале раздались громкие неудержимые рыдания. Здесь много было тех, у кого еще свежа память о трагических днях 1941 года, кто в те дни потерял в крепости или в городе родных, близких людей, кто пережил здесь тягостное и полное ужасов время фашистского господства.

Так началось пребывание героев обороны в городе, который они с таким поразительным упорством защищали пятнадцать лет тому назад и который бережно и гордо хранит славу их подвига. Жители Бреста приняли их как подлинно дорогих, близких им людей, а городские партийные и советские организации сделали все, чтобы как можно более гостеприимно и радушно принять защитников Брестской крепости.

В то же утро к нашей группе присоединилось еще несколько человек. Из города Кобрина приехал участник обороны Григорий Гудым; из глубинного Жабчицкого района Брестской области — бывший боец 44-го стрелкового полка, а теперь председатель одного из богатейших колхозов Марк Пискун; из Минска, догнав нас, прибыл однополчанин Журавлева, а теперь концертмейстер консерватории, Кирилл Соболевский; пришел живущий в Бресте бывший соратник Пети Клыпы Михаил Игнатюк, который по-прежнему, как и до войны, носит старшинские погоны и, находясь на сверхсрочной службе в армии, играет в одном из военных оркестров. К нам присоединились приехавшие из районного городка Антополя жена и дочь героя обороны Николая Нестерчука, жены других командиров, погибших в крепости.

Сразу же, в первый день, все отправились в кре-

пость. В торжественном молчании, с большими букетами цветов вошли в крепостные ворота участники обороны, жены погибших героев.

Там, на заросших травой памятных развалинах, они разбросали эти цветы. Они положили букеты у крепостной стены, в том месте, где гитлеровские палачи расстреляли полкового комиссара Фомина. Груда цветов легла на камни, где когда-то в подвале находился штаб обороны, руководимый капитаном Зубачевым и комиссаром Фоминым. Первыми рассыпали над этими камнями большие букеты жена погибшего капитана Александр Андреевна Зубачева и его сын Анатолий. Потом все направились в северную часть крепости, к восточным воротам, где в 1941 году сражался старший политрук Нестерчук с артиллеристами 98-го дивизиона. Там, первой, со слезами положила на землю свои цветы дочь погибшего героя Лидия Нестерчук, которая четырнадцатилетней девочкой была здесь вместе с отцом в дни обороны крепости.

А спустя два дня участники обороны приехали на гарнизонное кладбище Бреста и возложили большой венок из живых цветов на братскую могилу, где похоронены останки героев, найденные под развалинами крепости после войны. На ленте этого венка была надпись: «Боевым братьям, павшим героям, от товарищей по обороне крепости».

В солнечный погожий день на городском стадионе состоялся митинг, на котором жители Бреста встретились со своими гостями. Десять тысяч человек заполнили трибуны, толпой стояли вдоль окраины зеленого поля. И когда герои обороны крепости появились здесь, стадион загремел жаркими, долго не смолкавшими рукоплесканиями.

Под звуки горна промаршировали через поле пионеры. Они приветствовали героев, поднесли им цветы и поставили у трибуны свое знамя, постоянно меняя около него почетный пионерский караул. Выступали представители партийных и советских организаций, предприятий и учреждений города, выступали сами герои, делаясь своими воспоминаниями, взволнованно

благодаря брестчан за горячий, сердечный прием. И то и дело кто-нибудь отделялся от толпы, заполнившей трибуны стадиона, и спешил через поле к столу президиума, где уже высилась гора цветов, чтобы положить еще один букет и обменяться дружеским рукопожатием с гостями.

А когда митинг закончился, вся эта многотысячная толпа вдруг хлынула на поле, тесно обступив героев крепости. Я видел, как, подхваченный десятками дружеских рук, взлетел над головами людей Самвел Матевосян, как качали Петю Клыпу, как, обступив, расспрашивали о чем-то женщины Раису Абакумову. С трудом удалось пробраться сквозь эту приветливую толпу к выходу, и долго еще не могли тронуться с места машины с гостями, — так плотно стоял вокруг народ.

На следующий день мы уезжали из Бреста. Перед отъездом председатель Брестского облисполкома Герой Советского Союза, один из знаменитых белорусских партизан, Роман Наумович Мочульский устроил прием в честь участников обороны крепости. А потом на вокзале героев провожала большая толпа жителей Бреста. И они уехали из этого города, такого близкого и дорогого каждому из них, унося с собой незабываемые впечатления об этих нескольких днях, которые останутся в их памяти на всю жизнь.

После встречи в столице, после поездки в Брест герои обороны разъехались по домам, приступили к своей обычной работе. Они получают множество писем, часто выступают перед трудящимися своих городов и сел, и из разных уголков страны приходят вести о встречах с защитниками Брестской крепости.

СЕМЬЯ МАЙОРА ГАВРИЛОВА

В дни пребывания героев обороны крепости в Бресте с одним из них — Петром Михайловичем Гавриловым — произошло исключительно волнующее событие, которое вместе с ним переживали все его товарищи.

В 1941 году, перед войной, у Петра Михайловича была семья, состоявшая из жены Екатерины Григорьевны и десятилетнего сына Коли. Жена Гаврилова уже продолжительное время серьезно болела: она страдала острым суставным ревматизмом и, бывало, по неделям не вставала с постели.

Гаврилов оставил семью с первыми взрывами снарядов, поняв, что началась война. Он сказал жене, чтобы она одела Колю и шла бы с ним в какое-нибудь убежище, а сам тотчас же бросился в штаб полка, чтобы принять командование над своими бойцами. С тех пор он больше не видел ни жены, ни сына. После войны, возвратившись из плена, он приезжал в Брест, наводил справки о семье, а потом посылал многочисленные запросы, но все эти поиски окончились безрезультатно, и он считал, что его жена и сын погибли там, в крепости, либо были впоследствии расстреляны в Жабинке, как жены и дети других командиров. В 1946 году, работая в Сибири, он снова женился и сейчас живет со своей второй женой Марией Григорьевной в Краснодаре.

И вдруг сейчас, пятнадцать лет спустя, когда герои обороны были в Бресте, одна из женщин, живущих там, пришла в гостиницу к П. М. Гаврилову и сообщила, что его первая жена жива и находится где-то в Доме инвалидов в Брестской области. Тотчас же принялись наводить справки, и оказалось, что действительно Екатерина Григорьевна Гаврилова находится в Косовском районном доме инвалидов. В тот же вечер Гаврилов на машине отправился за сто с лишним километров от Бреста в районный центр Косово. Он вернулся в гостиницу рано утром и привез с собой свою первую жену.

Болезнь окончательно одолела ее, и Екатерина Григорьевна Гаврилова уже в течение четырех лет была полностью парализованным человеком, не двигая ни рукой, ни ногой. Оказалось, что она с сыном была захвачена гитлеровцами и вывезена на польскую территорию, а потом они жили в одной из деревень Брестской области, откуда Коля вскоре ушел в партизанский отряд. Гаврилов узнал, что его сын

сейчас служит в армии, но где именно, Екатерине Григорьевне было неизвестно — около года назад она потеряла с ним связь.

К радости Гаврилова и его жены, в этот же самый день в Брестском облисполкоме была получена телеграмма от командира одной воинской части. Узнав из газет о пребывании героев крепости в Бресте, он извещал Гаврилова о том, что его сын Николай служит в этой части, и сообщил его адрес.

Это была двойная радость, и вместе с отцом и матерью ее разделили все участники обороны.

П. М. Гаврилов решил взять Екатерину Григорьевну с собой в Краснодар. Он не уехал с нами, а через два дня вместе с первой женой и сопровождающей ее медсестрой вылетел домой. Его вторая жена приняла Екатерину Григорьевну как сестру и внимательно заботилась о ней в течение нескольких месяцев.

Из Краснодара Гаврилов послал телеграмму в воинскую часть, где служит его сын, прося командира предоставить ему отпуск. Конечно, эта просьба была удовлетворена, и Николай Гаврилов, отличник боевой подготовки, один из лучших воинов своей части, приехал в Краснодар и встретился с отцом, которого он не видел пятнадцать лет. Он привез с собой письмо от командования части — Петра Михайловича приглашали приехать в гости и встретиться с однополчанами его сына. Гаврилов с радостью отозвался на это приглашение. По окончании отпуска Николая отец и сын вместе приехали в часть, и герой Брестской крепости гостил там несколько дней, тепло встреченный бойцами и командирами.

А два месяца спустя Николай Гаврилов, отслужив свой срок, был демобилизован и уехал к отцу в Краснодар. К несчастью, он уже не застал в живых своей матери. Екатерина Григорьевна, сердце которой было вконец подорвано многолетней тяжелой болезнью, скончалась в декабре 1956 года. Сейчас Николай Гаврилов, с юных лет проявлявший склонность к живописи, студент Краснодарского художественного училища.

СВИДЕТЕЛЬСТВА БОЕВЫХ ТОВАРИЩЕЙ

После того как летом и осенью 1956 года я выступил по Всесоюзному радио с рассказами о поисках героев Брестской крепости, на мое имя пришло большое количество писем со всех концов страны. Число их уже превысило десять тысяч. Среди них есть и письма от людей, которые в 1941 году сражались в Брестской крепости. Если до того за два с половиной года мне с большим трудом удалось обнаружить в разных городах и селах Союза около пятидесяти участников обороны, то после радиопередач уже более трехсот ранее неизвестных защитников крепости сообщили свои адреса.

С волнением узнали эти люди о том, что советский народ помнит и чтит подвиг, который они совершили пятнадцать лет тому назад в стенах старой русской крепости. Многие из них с радостью встретили на страницах газет и услышали по радио имена своих прежних товарищей, героев крепости: П. М. Гаврилова, П. С. Клыпы, С. М. Матевосяна, Р. И. Абакумовой, А. М. Филя и других. Тепло, с любовью пишут они о своих боевых друзьях, которых сейчас знает весь народ.

«Я знал Гаврилова, — пишет его бывший сослуживец по довоенному времени, офицер запаса из Ленинграда Иван Гомозов. — Это был прежде всего честный коммунист, грамотный командир полка, требовательный к себе, к своим подчиненным, трудолюбив без устали, заботлив, как отец, пунктуален. Гаврилов был самым лучшим командиром полка в нашей дивизии. И мне думается, если бы не было брестской трагедии, Гаврилов был бы прославленным воином Отечественной войны. Ночью он часто сидит читает книги о Суворове, рано утром он уже следит за подъемом то одного, то другого подразделения, днем проводит занятия с комсоставом полка, часто цитирует суворовские изречения, требует от личного состава глубоких знаний, больше занятий в поле. Все знали, что от глаза Гаврилова ничего не ускользнет. Если что-то неладно идет в каком-либо подразделении, Гав-

рилов тут как тут, и все он видит и все знает. К концу дня часто можно было видеть Гаврилова угрюмым и задумчивым. Это он был недоволен прошедшим днем. Часто можно было слышать от него выражения недовольства, что, мол, мало сделано за день, не с полной целеустремленностью проведены занятия и так далее. Гаврилову хотелось быстрее подготовить свои подразделения к будущим боям. Он торопился с подготовкой личного состава, потому что видел, что схватка не за горами».

«Майора Гаврилова я знал как строгого, требовательного командира, как чуткого и справедливого воспитателя, — пишет бывший боец 44-го полка Сергей Демин из Харькова. — В моей памяти сохранилось много случаев из жизни полка и моей лично, которые непосредственно связаны с командирской деятельностью Гаврилова. Я работал на автомашине, и очень часто приходилось ездить с командиром полка в далекие и близкие рейсы.

Видели бы вы, — пишет Демин, — мое состояние, когда я узнал, что случилось с Гавриловым на сегодняшний день. Я за него был рад не меньше, чем за себя. Действительно, ему теперь воздают по заслугам. Я горжусь им, ведь он — мой командир».

«Я услышал по радио, что майор Гаврилов, бывший командир полка, командовавший частью Брестского гарнизона, жив, — пишет из Новосибирска бывший защитник крепости Иван Черняев. — Я был в дни обороны крепости под его командованием. Товарища Гаврилова знаю лично и всегда вспоминаю, как пример мужества, стойкости и бесстрашия в борьбе за социалистическую Родину. Прошу передать товарищу Гаврилову мой искренний привет, пожелание хорошего здоровья и долгих лет жизни».

С любовью вспоминают бывшие сослуживцы и самого юного героя крепости — Петра Клыпу.

Интересное письмо со своими воспоминаниями прислал бывший лейтенант 333-го полка Александр Степанович Санин, возглавивший в первые дни

оборону на том участке крепости, где сражался Петя Клыпа. Сейчас А. С. Санин — преподаватель рисования в одной из школ города Омска. Вот что он пишет:

«Из всего состава обороняющихся в первые дни я особенно выделяю двух младших командиров-артиллеристов и двух маленьких (12—13 лет) мальчиков—Петю, воспитанника 333-го полка, и второго, имя которого не помню. Но это были настоящие герои-храбрецы. Это они в первые дни обороны разыскали склад боеприпасов. Под градом пуль и непрерывной бомбежкой они переносили патроны, пулеметные ленты и снаряды. Петя Клыпа! Только теперь я узнал его фамилию. Он был подлинно бесстрашным, живым мальчиком. Он вбежал в подвал и, обращаясь ко мне по-военному, доложил: «Товарищ командир, я был на втором этаже здания, оттуда все хорошо видно!» Этим он мне напомнил о необходимости организации наблюдения. Первое мое приказание было отдано этому мальчику — наблюдать и немедленно доложить появление противника. Где только не был этот живой, подвижный и сообразительный мальчонка — в разведке, на подноске боеприпасов — буквально всюду! Я очень боялся и беспокоился за него. Но он, будучи назначен мною связным, часто исчезал на час, а иногда и больше, но никогда не приходил без новостей или без оружия, боеприпасов».

О мальчике-герое вспоминает и другой командир, сражавшийся на этом участке, сейчас пенсионер, живущий в Вязьме, — Василий Соколов.

«Немцы цепочкой перебежали к комсоставской столовой и заняли ее, — пишет он. — Мы повели шквальный огонь по цели. Клыпа в это время обеспечивал нас патронами, передавал распоряжения из штаба. Везде только и было слышно: «Клыпа, Клыпа». Живой и находчивый мальчик вел себя как взрослый, бывалый боец».

Как вы помните, в первых числах июля 1941 года, когда на участке 333-го полка подошли к концу боеприпасы, оставшиеся в живых бойцы сделали попытку прорвать кольцо врага. После этой попытки в жи-

вых осталось только несколько человек, которых гитлеровцы взяли в плен. В числе этих уцелевших бойцов был и контуженный Петя Клыпа.

Гитлеровцы отправили его в лагерь Белая Подляска, и там Петя встретился с пятью такими же, как он, воспитанниками, мальчуганами по 14—16 лет. Неутомимый и энергичный, он тотчас же принялся готовить их побег, и вскоре эти пять малячков бежали в Брест во главе с Петей Клыпой.

Недавно я получил письмо от одного из этих воспитанников — Петра Котельникова. Сейчас он уже старший лейтенант и служит в одной из воинских частей в Прибалтике. С восторгом вспоминает Котельников о своем боевом друге Пете Клыпе. Он пишет:

«Познакомился я с ним в первые дни войны в подвале 333-го полка. Первое, что у меня он спросил: боюсь ли я этих немцев и умею ли я стрелять из винтовки. Несколько дней мы провели вместе в одном подвале, и кто только там был, знали его имя. Был он проворным и смелым мальчиком, часто оставлял подвал и приносил ценные сведения, докладывая рапортом командованию. Им был обнаружен склад с боеприпасами, и под его командой мы доставляли патроны и гранаты к амбразурам, откуда вели огонь по фашистским солдатам наши бойцы.

Инициативный и смелый, Петя Клыпа организовал побег из гитлеровского лагеря пятерых бывших воспитанников, среди которых были Володя Казьмин, Володя Измайлов, Коля Новиков и я. Бежав из лагеря, мы попали в брестскую тюрьму, где фашисты морили пленных голодом, пытались окончательно сломить советских людей и навязать им свою волю. Петя и здесь проявил инициативу и находчивость. Он мог уже тогда объясняться на немецком языке и переговаривал с немцами. После этого на четвертый день нас выпустили из этой страшной тюрьмы.

Выйдя из тюрьмы, Петя разведal на южной окраине Бреста склад с боеприпасами и тут же предложил немедленно его взорвать. Но взорвать его не

удалось, так как участились случаи облавы, и мы вынуждены были покинуть город и пробираться к своим.

Еще четырнадцатилетним подростком Петя обладал хорошими организаторскими способностями. Храбростью своей и бесстрашием он завоевал доверие среди нашей пятерки, и так, без официального назначения, он стал нашим настоящим вожаком и самым лучшим другом и близким товарищем. Находясь в тылу у гитлеровцев, в трудные минуты он никогда не унывал и не давал унывать другим. Часто напевал он свою любимую песенку, слова которой я услышал впервые от него:

По морям, по океанам
Красный вымпел над волной.
Не ходить врагам незванным
По берегам земли родной.

Он верил в будущую победу и не сомневался в ней. Он смело говорил местному населению, что Советская Армия опять вернется, вернется сюда и Советская власть».

Одновременно с Котельниковым прислал письмо и третий из этой пятерки — Владимир Казьмин, который когда-то вдвоем с Петей пробирался к линии фронта по лесам и болотам Белоруссии. Сейчас В. П. Казьмин уже инженер и работает на строительстве высоковольтной линии электропередач. Он с радостью узнал, что его друг юности и боевой товарищ остался жив, и уже установил с ним прочную связь.

Добрым словом вспоминает о героине Брестской крепости, военфельдшере Раисе Абакумовой, бывший участник обороны Восточного форта лейтенант запаса Степан Терехов, который живет сейчас в белорусском городе Мозыре. «Рядом с нами, — пишет он, — находились раненые. За ними ухаживала Раиса Абакумова, которая нередко из-под носа у немцев выхватывала наших раненых и одна, на своих плечах, под огнем перетаскивала их в укрытое место».

«Я читал недавно в газете про Раису Абакумову, — пишет бывший защитник крепости, а теперь

колхозник из станицы Шкуринской Краснодарского края Василий Зайцев. — Она мне тогда спасла жизнь. Я был сильно ранен и лежал без памяти целые сутки. Когда я прочел про Абакумову, я вспомнил, как тогда раненые все время звали на помощь Раису. Если бы я ее увидел сейчас, я от всего сердца поблагодарил бы ее и ее детей, если они у нее есть. Если есть, то желаю им, как и всем советским детям, не переживать ничего подобного тому, что пришлось пережить нам в Брестской крепости».

Оказался в живых один из пяти наших военнопленных, которые вместе с Матевосяном осенью сорок первого года бежали из гитлеровского лагеря в Южном военном городке Бреста. Это бывший старшина Евгений Хлебников, работающий сейчас председателем одного из колхозов в Смоленской области. Он дополняет рассказ Матевосяна новыми интересными подробностями этого смелого побега.

Необычайно волнующее письмо, поистине потрясающий человеческий документ, прислал из Львова один инвалид войны. Вот что он пишет:

«Я, Решетняк Константин Михайлович, бывший рядовой 84-го стрелкового полка, принявший первый натиск немцев в ночь на 22 июня 1941 года под командованием незабываемого, бессмертного комиссара полка товарища Фомина и его первого помощника Матевосяна, который был наш непосредственный командир в бою и боевой товарищ. Дело в том, что после шестидневных тяжелых боев я был ранен тяжелой бомбой и попал в плен к гитлеровцам. Я перенес тяжелую операцию и лишился обеих ног. С большим нетерпением я ждал дня освобождения и свободной жизни. Я дождался, дождался, но этот день принес мне второе несчастье. Гитлеровцы при отступлении подожгли дом, где я находился с другими ранеными, вследствие чего я лишился зрения. До Вашей беседы по радио я не думал, чтобы кто-нибудь остался в живых из защитников крепости Брест, а если есть, то такие, как я. Сейчас я беспредельно рад, что живут командиры и некоторые боевые наши товарищи.

Слушая Вас по радио, я вспоминаю всю довольно страшную картину героических боев прошедших дней. Я был бы очень счастлив еще видеть Вашу пьесу «Крепость над Бугом», но это уже невозможно. Даже письмо настоящее пишет мне товарищ по работе, а не я. Однако, будучи таким несчастным, хочу еще быть счастливым Вам помочь восстановить некоторые эпизоды нашей прошедшей боевой жизни. Я это постараюсь сделать посредством моих зрячих товарищей и направлю Вам. Извините за беспокойство. Инвалид первой группы, пенсионер Костя Решетняк».

Сколько удивительной силы духа, сколько простоты и скромности в этом письме искалеченного войной рядового советского человека!

ФИЛЬ НАХОДИТ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Читатели, вероятно, помнят рассказанную в одной из предыдущих глав историю участника обороны крепости Александра Митрофановича Филя, который сейчас живет и работает в Якутии. Эта история имела свое любопытное продолжение.

Когда мы беседовали с А. М. Филем в дни его приезда в Москву, он познакомил меня с одним важным эпизодом из своей биографии. Как вы помните, Филь был родом из бедной крестьянской семьи, жившей в станице Тимашевской Краснодарского края. В начале тридцатых годов он, будучи четырнадцатилетним мальчиком, сбежал из дому и, как многие его сверстники в те времена, беспризорничал. В 1933 году он попал в Ростов-на-Дону. Там однажды, на базаре, он выхватил из рук женщины сумочку и бросился бежать.

— К моему удивлению, — рассказывал мне Филь, — женщина поступила совсем не так, как бывало, поступали другие. Она не стала кричать, не побежала за мной, а спокойно и молча пошла следом. Это было настолько неожиданно, что я остановился.

И женщина тоже остановилась поодаль и сказала мне: «Мальчик, ты возьми деньги, а сумку мне отдай. Там продуктовые карточки». И я, говорит Филь, был настолько ошеломлен необычным поведением этой женщины, что машинально протянул ей всю сумку. Женщина открыла ее, достала рублей двадцать денег, протянула их мне и потом, внимательно посмотрев на меня, сказала: «Слушай, мальчик, если тебе будет плохо, захочется кушать — приходи ко мне. Вот тебе адрес». И она написала на бумажке: «Газетный переулок, 97, Москвичева Нина Степановна».

Действительно, маленькому беспризорному оборвышу через несколько дней стало очень плохо. Он изголодался, устал и, как он ни страшился, что его передадут милиции, все-таки пошел по указанному адресу. Хозяйки квартиры не было дома, но соседи ее уже были предупреждены о том, что может прийти этот беспризорный мальчик. Его тотчас же накормили и положили отдыхать.

Пришла сама Нина Степановна Москвичева и сказала, что она оставит Сашу Филя жить у себя. Оказалось, что Филь попал в семью героя гражданской войны на Кавказе Луки Москвичева.

Нина Степановна стала воспитывать его вместе со своей дочерью Леной, однолеткой Александра Филя. Она предложила своему приемышу идти учиться, но тот не захотел жить на чужой счет и устроился работать, а вечерами посещал курсы. Вскоре он стал бухгалтером, а впоследствии поступил на первый курс университета, откуда был призван в армию и попал в Брестскую крепость.

После войны А. М. Филь ничего не знал о судьбе Москвичевых и не имел с ними никакой связи. Он и не пытался разыскать их. Несправедливое обвинение, столько лет тяготевшее над ним, глубоко его угнетало и лишало всякого желания восстанавливать прежние связи. Одна мысль о том, что близкие, дорогие ему люди, знавшие его, как хорошего комсомольца, искреннего советского патриота, могут хоть на минуту поверить, что он изменил Родине, — эта мысль была для него нестерпима.

Вскоре после того как я рассказал по радио о судьбе А. М. Филя, мне вручили телеграмму из Южно-Сахалинска. Телеграмма эта была даже с оплаченным ответом, и текст ее был таков:

«Убедительно прошу Вас сообщить адрес Александра Филя. Южно-Сахалинск. Западная, 106, Москвичевой Елене».

Это была названная сестра Филя — Лена Москвичева, с которой вместе он воспитывался в Ростове в семье ее матери.

А еще спустя некоторое время я получил такое письмо:

«Добрый день, товарищ Смирнов! Прочитав статью «Герои легендарной обороны Брестской крепости» в газете «Правда» от 24 июля, я узнала о существовании Филя Александра Митрофановича, а позднее прослушала Вас по радио. И вот все это очень совпадает с тем, что было у меня в жизни. В 1933 году я подобрала одного беспризорного мальчика, уроженца станицы Тимашевской. Воспитывала я его до ухода в армию. Все это время он работал и одновременно учился. В 1940 году поступил на первый курс юридического факультета в университет, откуда и был взят в армию. Последнее письмо мною было получено от него 20 июня 1941 года, из которого я узнала, что он находится в Брест-Литовских казармах и служит писарем в штабе.

Товарищ Смирнов, возможно, что это однофамилец, но я не могу хладнокровно отнестись к этому известию. Я убедительно прошу сообщить его адрес для того, чтобы списаться с ним.

Если я у Вас оторвала время, прошу извинить. Надеюсь, что Вы понимаете мое состояние. С уважением к Вам Н. С. Москвичева, работница ростовской швейной артели промкооперации».

Я тотчас же сообщил матери и дочери Москвичевым адрес А. М. Филя, а ему послал их адреса, и теперь они постоянно переписываются.

Так герой Брестской крепости Александр Филь нашел своих старых друзей, людей, глубоко близких ему, — приемную мать и названую сестру.

НОВЫЕ ИМЕНА, НОВЫЕ ФАКТЫ

После того как летом 1956 года было торжественно отмечено пятнадцатилетие героического подвига защитников Брестской крепости, а печать и радио широко отразили это событие, выявляются все новые участники легендарной обороны. Среди них люди самых разных профессий, живущие во всех уголках нашей Родины. Прислали свои воспоминания о боях за Брестскую крепость: главный инженер Усадского завода в Татарии Василий Ромадин, бригадир полеводческой бригады колхоза имени Ленина Хмельницкой области на Украине Феодосий Дзех, фельдшер сельского медицинского участка в Полтавской области Николай Гутыря, учитель географии в средней школе Красногвардейского района Краснодарского края Константин Горбатков, ветеринарный врач из казахстанского овцеводческого совхоза Александр Леонтьев и многие другие.

Некоторые из участников обороны из скромности или за недостатком времени не сообщают о себе. Но за них это делают другие: их сослуживцы, родственники, друзья, соседи.

Инженер лесного хозяйства из поселка Городец Калининской области Галина Мороз пишет, что вместе с ней в лесхозе работает бывший защитник крепости Константин Иванов. Находившийся в отпуске в городе Петропавловске Казахской ССР, житель Сталинабада Першин спешит сообщить, что он встретил там участника обороны колхозника Федора Ковтюх. Работник Зангезурского рудоуправления в городе Кафан Армянской ССР сообщает о своем товарище по работе бухгалтере Николае Тарасове, который сражался в крепости вместе с Самвелом Матевосяном. Семья Гинтер из Раменского пишет, что в одном доме с ними живет бывший защитник крепости Алексей Исаев.

Много интересных новых фактов, новых имен сообщают в своих письмах участники обороны. Особенно любопытно то, что среди них оказалось несколько человек, которые собственноручно зарывали или заму-

ровывали в подвалах крепости боевые знамена своих частей.

Одним из первых сообщил о зарытом в крепости знамени бывший участник обороны Восточного форта Родион Ксенофонович Семенюк, сейчас работающий на Кузнецком металлургическом комбинате в городе Сталинске Кемеровской области.

В 1941 году Р. К. Семенюк был младшим сержантом 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, размещавшегося в Восточном форту. В первые дни боев, когда защитники форта во главе с майором Гавриловым отражали непрерывные атаки гитлеровцев, командир роты старший лейтенант Шрамко поручил Семенюку охранять боевое знамя дивизиона. На другой день Шрамко был убит, но младший сержант не забыл приказа командира. Когда положение защитников форта стало безнадежным, он решил спрятать знамя, чтобы оно не попало в руки врагов.

Завернув алое полотнище в брезент, он положил его в брезентовое ведро, найденное в соседней конюшне, и, накрыв этот сверток еще цинковым ведром, закопал его в одном из фортовых казематов. Это было сделано вовремя — на другой день противник овладел фортом.

После войны, возвратившись из плена домой, Родион Семенюк несколько раз заявлял о зарытом знамени в местный военкомат, но там на его заявление не обратили внимания. Только теперь, спустя пятнадцать лет, когда Семенюк написал в Москву и в Брест, его рассказом заинтересовались и он был вызван в крепость для поисков знамени.

Он приехал в Брест в сентябре 1956 года, вскоре после того, как здесь побывали герои обороны. С волнением подходил он к Восточному форту и, напрягая память, отыскивал заветный каземат, где лежало знамя.

Память не подвела его. Не успел он сделать несколько взмахов лопатой, как лезвие ее звякнуло о металл. Это было цинковое ведро, зарытое им здесь пятнадцать лет тому назад.

Дрожащими руками он вытащил его из земли. За это время оно насквозь проржавело и было худым, как решето. Он извлек со дна его второе, брезентовое ведро, и оно рассыпалось в руках. Кусок брезента, в котором было завернуто знамя, тоже разлезался лохмотьями. Но само знамя было цело.

Годы ничуть не повредили его. Семенюк медленно развернул его, и с алого полотна блеснули золотые буквы:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И ниже: «393 отдельный зенитно-артиллерийский дивизион».

Торжественно выстроились в крепостном дворе подразделения воинской части. Четко печатая шаг, проходил перед строем знаменосец со своими ассистентами, и алое полотнище вило за ним на ветру, а следом за этим знаменем части двигалось перед строем другое, но уже без древка. Его на вытянутых руках бережно нес невысокий человек в штатской одежде, и безмолвно застывшие ряды воинов отдавали почести этому славному знамени героев Брестской крепости, оваянному дымом жестоких боев за Родину, знамени, которое нес человек, сражавшийся с ним на груди и сохранивший его для потомков.

Знамя, найденное Р. К. Семенюком, было передано Музею обороны Брестской крепости, где оно теперь хранится.

Но это не единственное боевое знамя, зарытое в крепости.

О знамени 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона сообщает бывший лейтенант-артиллерист Василий Чесноков из Орла.

«Второго июля, — пишет он, — начальник штаба 98-го артиллерийского дивизиона Акимочкин, комбат Каганович и я собрали все секретные документы и знамя и зарыли в крепости в подвале. Через несколько часов начальник штаба погиб от осколка гранаты, я был ранен, а документы и знамя, вероятно, еще лежат там».

О боевом знамени 44-го стрелкового полка, которым командовал майор Гаврилов, пишет бывший кур-

сант полковой школы, сейчас каменщик из Кузбасса Темирян Зинатов.

«Когда наш штаб горел, — пишет он, — мы из огня — Амосов, Гущин и я — вытащили полковое знамя и спрятали под кухней столовой 44-го полка в подвале. Сохранилось или нет это знамя, я не знаю, так как прошло уже много времени».

Об этом же самом знамени сообщает защитник крепости, бывший сержант Анатолий Корж из Краснодара. Летом 1956 года он прислал большое письмо, обращаясь к участникам обороны, которые в это время были в Москве.

«Помню товарищей Семененко и Виноградова, — пишет он, — их боевой приказ по гарнизону, нашу попытку прорваться через Мухавец, когда мы, соединенные одной волей к победе, пошли открыто на пулеметный огонь врага. Славная старая крепость на века сохранит память о лучших качествах советских людей, о коллективном героизме, о великой силе советского патриотизма.

Я считаю, что не ошибаюсь, когда думаю, что еще тогда, в самом начале войны, в ее первые часы, там, под стенами Брестской крепости, были разрушены мечты и надежды немецкой армии на скорую и легкую победу.

Уважаемый Петр Михайлович, — обращается Корж к Гаврилову, — надеюсь, Вы побываете в крепости. Я жалею, что не могу точно воспроизвести в памяти план всей крепости, но я хорошо помню, что в подвале под столовой рядового состава нашего 44-го полка, у стены, обращенной к Мухавцу, мы зарыли наше полковое знамя.

Дорогой Петр Михайлович, мы с Вами не только однополчане, но и волею судьбы земляки. И поэтому жду Вашего возвращения в Краснодар, чтобы посетить Вас, нашего батьку, как мы Вас раньше называли, простите за прошлое, даже без звания. Целую вас всех, мои дорогие товарищи! До радостных встреч! С приветом Анатолий Иванович Корж, бывший старший сержант, командир химического взвода, ныне мастер-технолог».

Есть сведения и о других боевых знаменах, зарытых и замурованных в крепости. Как я уже говорил, скоро начнутся поиски этих знамен, и наши музеи пополнятся новыми реликвиями боевой славы героев легендарной Брестской обороны.

Бывшие защитники крепости, присылая свои подробные воспоминания, проливают свет на многие до тех пор неясные обстоятельства героической борьбы гарнизона. Все шире и яснее становится картина этой борьбы, и подвиг героев Брестской крепости встает перед нами во всем своем величии.

Но отзываются не только те, кто дрался с врагом непосредственно на крепостной территории. За последнее время много интереснейших фактов сообщили люди, которые в первые дни войны сражались в самом городе Бресте и его окрестностях.

Из письма пенсионера, майора в отставке С. Л. Ушенина из Киева я впервые узнал некоторые подробности упорного боя, который шел почти весь день 22 июня 1941 года у здания Брестского областного военкомата. О том, что здесь в течение многих часов продолжалась борьба, я слышал уже от некоторых жителей Бреста, но обстоятельства ее долго оставались неизвестными.

С. Л. Ушенин, будучи брестским райвоенкомом, принимал участие в этой борьбе, которая происходила под руководством областного военного комиссара майора Стафеева. Несколько десятков командиров, партийных и советских работников города вместе со своими женами и детьми забаррикадировались в здании облвоенкомата и, вооружившись, огнем отражали натиск гитлеровских автоматчиков, ворвавшихся в Брест. Противник осадил этот дом, непрерывно обстреливая окна, забрасывая их гранатами, но осажденные стойко держались.

Только вечером противнику удалось сломить упорство этой горсточки людей и ворваться в здание. При этом раненые, и в их числе майор Стафеев, были зверски убиты, и лишь Ушенину и еще двум-трем командирам удалось пробиться через кольцо врага и бежать из города.

Еще более интересным было письмо жителя Ростова-на-Дону И. А. Игнатьева. Он помог мне разрешить одну загадку, над раскрытием которой я безуспешно бился в течение полутора лет.

Я уже говорил о вышедшей в Западной Германии книге известного гитлеровского диверсанта Отто Скорцени, где содержалось краткое упоминание о боях за Брестскую крепость. В нескольких словах сказав об упорстве крепостного гарнизона, Скорцени писал дальше следующее:

«То же самое было в районе Брестского вокзала. Там войска противника сосредоточились в глубоких вокзальных подвалах и отказывались сдаваться. Как я узнал позже, пришлось затопить подвалы, так как оказались неудачными все другие попытки взять вокзал».

Так, из этих строк, написанных врагом, я узнал о том, что не только в крепости, но и на Брестском вокзале происходила упорная и, видимо, долгая борьба.

Продолжительное время мои попытки разузнать подробнее о событиях на вокзале не приводили ни к чему. В 1955 году, будучи в Бресте, я встретился со старшим диспетчером железнодорожного узла А. П. Шиховым, работавшим здесь на станции и до войны. Оказалось, что он пробыл восемь дней в подвалах вокзала и был свидетелем этой упорной обороны. Он рассказал, что во главе защитников вокзала была группа наших бойцов, которыми командовал какой-то старшина. А. П. Шихов не помнил никаких фамилий и говорил, будто бы все эти люди, сражавшиеся в подвалах, погибли. Некоторые подробности боев я узнал от него, но все же оборона вокзала по-прежнему оставалась «белым пятном». Только теперь, благодаря письму ростовчанина И. А. Игнатьева, многое в этом «белом пятне» проясняется, и картина боев за вокзал рисуется так, как она описана кратко в первой части этой книги.

Позднее, когда я рассказал по радио о защите Брестского вокзала, отозвались и некоторые другие участники этой беспримерной обороны. В 1957 году,

будучи в Брестской крепости, я встретился с одним из них — ныне капитаном буксирного теплохода Днепро-Бугского речного пароходства Николаем Ломакиным, живущим сейчас в городе Пинске. Он рассказал мне ряд новых подробностей борьбы за вокзал. Кстати, Ломакин и другие писавшие мне впоследствии защитники вокзала помогли исправить одну существенную ошибку, допущенную Игнатьевым. Игнатьев считал, что фамилия старшины, командовавшего обороной в вокзальных подвалах, была Басов. На самом же деле это был Павел Баснев, старшина-сверхсрочник, уроженец Ивановской области. Оказалось, что, кроме Баснева, в этих подвалах были и другие командиры, фамилии которых, к сожалению, не помнит ни один из защитников вокзала. Удалось также установить, что Баснев с несколькими бойцами сумел прорваться сквозь кольцо врагов, блокировавших вокзал, но затем, пробираясь по тылам гитлеровцев к фронту, они потеряли друг друга из виду, и Баснев, судя по всему, погиб позднее. Его семья, с которой мне теперь довелось установить связь, живет по-прежнему в Ивановской области. От нее я получил некоторые сведения о Павле Басневе.

БОРЦЫ ВРАЖЕСКОГО ТЫЛА

Много писем сейчас присылают мне бывшие советские военнопленные, прошедшие через все испытания гитлеровских концлагерей. Они сообщают о замечательных подвигах наших людей там, в фашистской неволе, об их несгибаемой воле к борьбе, об их мужестве и самоотверженности, об их вере в грядущую победу.

О славном советском патриоте генерал-лейтенанте Дмитрие Карбышеве, который был зверски замучен гитлеровцами в лагере, пишет участник обороны крепости Александр Санин. Санин был близко знаком с Карбышевым, будучи в гитлеровском лагере Хаммельсбург, и он сообщает много интересных фактов о поведении этого замечательного советского генерала.

О Карбышеве вспоминает также участник Великой Отечественной войны Иван Воронеж из столицы Киргизии города Фрунзе.

«Навсегда останется в моей памяти, — пишет он, — светлый образ генерал-лейтенанта Дмитрия Михайловича Карбышева, во имя торжества идеи отдавшего свою жизнь. С февраля 1942 года по август этого же года мне пришлось быть рядом с ним в знаменитом Хаммельсбургском реви́ре. Этот великий человек спас от падения своим словом стойкого большевика тысячи молодых жизней. Это он крепко вселил в нас веру в будущее».

О своем пребывании в гитлеровском плену рассказывает бывший пограничник и защитник Брестской крепости Григорий Еремеев из города Кзыл-Кия в Средней Азии.

«Я был в особом лагере, — пишет он. — Это Демблинский лагерь, который находился в Демблинской крепости.

В 1943 году нас завезли в Италию. В районе города Удино из села Перкото я бежал в горы, попал в девятый югославский корпус, при котором организовали особую русскую партизанскую бригаду. Мне опять дали пулемет, сначала английский ручной, потом немецкий. Затем назначили командиром отделения и командиром взвода. С боями дошли до города Триест».

Интереснейшее письмо прислал бывший военнопленный, а потом партизан Отечественной войны Павел Марков из Брянска. Он сообщает о том, что в гитлеровских концлагерях наши военнопленные пели песню о Брестской крепости.

«Впервые, — пишет П. Марков, — я услышал ее, эту песню о легендарных защитниках Брестской крепости, в 1943 году, в застенках лагеря военнопленных в гор. Кройцбурге (Верхняя Силезия) от лейтенанта Михаила Озерова, впоследствии замученного фашистскими палачами за организацию коллективного побега пленных из неволи.

На меня, тогда совсем обессилевшего от тяжелых ран, от голода, мужественные и простые слова этой

песни произвели глубокое впечатление. Не ослабляли гордого звучания песни ни старый мотив, схожий с известным народным «Раскинулось море широко», ни отсутствие литературных украшений в слого.

Она звучала, как гимн и откровение, вселяя в сердца измученных невольников гордость и надежду. Ее пели в тяжкие минуты испытаний. Не раз она доносилась из глухих гранитных щелей — карцеров, где медленно, но верно фашисты умерщвляли непокорных советских людей, не желавших работать на врага.

Эту песню я потом донес в Белоруссию, в партизанское соединение Героя Советского Союза Петра Григорьевича Лопатина, где в отрядах было немало военнопленных, бежавших из фашистских застенков.

Я уже собирался познакомить партизан с этой песней, как в первый же вечер услышал от отрядного любимца Коли Квитковского близкие сердцу слова. Однако не все они совпадали с «Кройцбургским текстом», запечатленным в моей памяти.

Песня стала вдвое короче и прозвучала еще выразительнее. Я попросил Колю записать ее мне.

Однажды, когда я вернулся с боевого задания, Коля бережно передал мне клочок бересты, на котором свекольным соком была, может быть впервые, записана эта героическая песня о легендарных защитниках Брестской крепости. Такой я и сберег ее до наших дней. Вот она.

НА СТЕНЫ, ПОД ЗНАМЯ!

Ревут самолеты, и танки гремят,
Дымится гранит опаленный.
Врагу не сдаются тринадцать солдат,
Последних бойцов гарнизона.

На стенах грохочет разрывов гроза,
Дрожит под ударами камень.
Но, раненный дважды, зовет комиссар:
— На стены, за мною, под знамя!

Пусть мало патронов и смерть впереди,
Не станем вовек на колени!
Товарищ, товарищ, на стены иди —
Там знамя советское реет.

А враг, атакуя, бросает: — Держись!..
Гробницею будет вам крепость.
Склоните знамена — оставим вам жизнь,
А нет — так пойдете на небо.

В ответ раздается призыв боевой,
Ведет он сквозь грозное пламя:
— На стены, на стены, в атаку, за мной!
На стены, товарищ, под знамя!

И снова неравные схватки кипят,
На крепость летят самолеты.
Врагу не сдаются тринадцать солдат,
Героев советской пехоты.

...Последний боец на граните лежит,
Запрягано знамя героем.
Пусть топят враги его юную жизнь,
Но тайны святой не откроют.

Умеют геройски за честь умирать
Простые советские люди.
А кто за Отечество мог постоять,
Отечество тех не забудет.

Над крепостью Брестской на подвиг зовет
Свидетель бессмертия — камень:
— Товарищ, товарищ, за мною, вперед!
На стены, на стены! Под знамя!

Кто и когда сложил эту песню? Где, на каком участке крепости сражались эти тринадцать героев, о которых говорится здесь? Быть может, все это останется неизвестным. Важно одно — эта песня и ее история говорят о том, что бессмертный подвиг героев Брестской крепости в те тяжкие, грозные годы помогал советским людям жить и бороться как с оружием в руках в белорусских лесах и болотах, так и без оружия в страшных гитлеровских концлагерях. Сама эта песня, правдивая и мужественная, тоже была оружием борьбы.

Волнующие факты самоотверженной борьбы наших военнопленных в гитлеровской неволе приводит участник обороны Севастополя Петр Геббель из Чкаловской области. Вот что он пишет:

«Для того чтобы строить воздушные телеграфные линии, необходимо было копать ямы, носить и ста-

вить столбы, крепить траверсы, наворачивать изоляторы, натягивать провод, вязать его. Все это делали сами немцы, но когда началась тотальная мобилизация, их начали заменять русскими военнопленными солдатами. В этих так называемых рабочих командах пленных содержали лучше, одевали чище и кормили лучше.

Пленные должны были копать ямы, носить столбы, ставить их под руководством мастера. Остальную работу проводили пока еще немцы.

Но пришло время, немцы стали заставлять и эти работы делать русских. И вот одна из команд в количестве шестнадцати человек отказалась наворачивать на столбы изоляторы, мотивируя тем, что этой работой они помогают немцам воевать против русских и фактически будут не военнопленными, а добровольцами.

Никакие уговоры и посулы не помогли. Тогда фельдфебель, в ведении которого была эта группа, здесь же на месте расстрелял каждого второго. Остальные восемь человек полезли на столбы, но ни один из них не принялся за работу. Фельдфебель хотел еще раз каждого второго расстрелять, но охранявшие солдаты не дали.

А сколько раз я сам трусил за свою шкуру после каждой порчи или диверсии, правда, может быть, ничтожно мелкой, но все же эти диверсии я делал. То на каком-нибудь столбе противоиנדукционные кресты перепутаешь, так что звонящий в город попадет совсем в другую сторону, или аппарат Морзе работает в другую точку. А чтобы найти такое повреждение, необходимо прозванивать все линии. А то ткнешь топором или вколешь иглу или гвоздь в два кабеля на многокилометровом участке линии. Такая линия выходит надолго из строя.

Не я один так делал. Делали очень многие и делали в одиночку. В случае поимки каждый отвечал сам за себя.

А более крупные диверсии! Взрыв эшелона в городе Бреда (Голландия) с боезапасом, снятым с линии Мажино и следовавшим на Восточный фронт.

А расстрел в городе Гамбурге 2-го штаба обороны из зенитных орудий во время одной ночной тревоги, во время налета английской авиации! Когда охрана попряталась, пленные начали бить из зенитных орудий по зданию штаба — и вот все раскрылось: самолеты ни единой бомбы не сбросили на город, а высотное здание все в огне, и никто не знает, кто же это сделал. В это здание было высажено более сотни снарядов, убит гитлеровский генерал и много другого сброда».

«Я не являлся защитником Брестской крепости, — пишет офицер запаса Александр Рагоза из города Темрюк Краснодарского края. — Но я один из тех, который прошел ужасы фашистских лагерей. Я бывший командир полка Советской Армии. Был пленен в первые дни войны, будучи на границе вблизи Бреста.

В Германии, в лагере, где находилось двести старших офицеров, под руководством бывшего прокурора 99-й дивизии товарища Смирнова возникла подпольная патриотическая организация «Семья». Впоследствии наш лагерь, как большевистский — так именовали нас фашисты, — в 1943 году вместе с другими офицерскими лагерями был вывезен на каторгу в Норвегию.

Наша патриотическая организация в Норвегии распространяла свое влияние уже на тысячу с лишним советских офицеров. За этот период «Семья» проделала большую работу. Ее работа заключалась в агитационно-пропагандистской деятельности, в организации диверсий и саботажа и так далее.

Мне и моим товарищам по совместной работе в патриотической организации «Семья» хотелось бы, чтобы Вы осветили ее работу в печати, что было бы большим делом. Ведь до 1956 года об этом, то есть о борьбе наших патриотов в тылу врага, нигде не говорилось и не писалось».

Интересные, волнующие письма присылают женщины — жены погибших в крепости командиров, которые много пережили в дни обороны крепости, а потом испытали ужасы гитлеровской оккупации. Свои

подробные воспоминания прислали жена павшего в крепости смертью героя батальонного комиссара Венедиктова, живущая сейчас в Воронеже, жена пограничника лейтенанта Чувикова Наталья Контровская из Пинска, жена бывшего начальника штаба 333-го полка Зинаида Руссак из Бреста. Целую повесть, полную потрясающих фактов о жизни и борьбе наших женщин на оккупированной белорусской земле, написала родственница одного из командиров, сражавшихся на подступах к Брестской крепости, учительница Татьяна Потапова из города Дрогобыча.

«О как бы я была счастлива побывать в крепости и отдать земной поклон братьям и сестрам, омывшим первыми землю своей кровью, защищая Родину от напавшего врага, — пишет вдова защитника крепости Елена Кузнецова из города Фрунзе. — Теперь мы свободны, ничей сапог не топчет нашу землю, работаем, отдыхаем, учим детей, несмотря даже на то, что они сироты. Правда, трудно быть и матерью и отцом, как-то однобоко получается, но, слава богу, старшая моя дочка Нонна кончила медицинскую школу и работает в клинике, ей уже 21 год. Младшая, Латта, 17 лет, перешла в девятый класс, учится неплохо».

«Жить нам, «советкам» (так называли немецкие приспешники жен офицеров), не было где, не было и чего кушать, — вспоминает жена погибшего в Бресте лейтенанта-артиллериста Мария Беспалова из Орла. — Мы ходили побираться, вещи были разграблены, умирали наши дети, и, когда они умирали, нам попы не разрешали их хоронить на кладбище, потому что они некрещеные. У нас могли отнимать вещи, разуть, раздеть на улице. Что пережили наши женщины и дети, в том числе и я, страшно вспоминать.

Я обошла всю Брестскую область, была в Бельске, Белостоке, Пинске, Ковеле, жила в Кобрине, обошла все деревни и села. Была связана с партизанами и выполняла их поручения. Меня немцы шесть раз арестовывали, избивали, вследствие чего я стала инвалидом второй группы».

А вот письмо от жительницы Бреста Татьяны Смирновой.

«В начале Великой Отечественной войны, — пишет она, — я и ряд моих товарищей не смогли эвакуироваться и проживали в городе Бресте, где проводили подпольную партийную работу. За эту работу многие погибли в застенках тюрьмы, были вывезены в Германию, расстреляны. Все это скромные, простые советские люди, любящие свою Родину, для защиты которой не жалели своих сил и жизни.

Мы, коммунисты, не могли сидеть и ждать, когда нам дадут указания, дадут полномочия. Мы считали, что нашими полномочиями является наш партийный долг, наша принадлежность к партии, наш партийный билет, наша гражданская совесть и наша любовь к Родине. Поэтому мы не ждали и, как умели, проводили работу среди населения города Бреста».

Татьяна Николаевна Смирнова предлагает, чтобы я в своей будущей книге описал работу подпольщиков города Бреста, и предлагает мне свою помощь в сборе этого материала.

ПИСЬМО АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Среди писем, полученных мною от женщин, особенно выделяется одно. В нем нет ни слова об обороне крепости, а оно имеет лишь косвенное отношение к теме моего рассказа. Но мне кажется, что события, о которых в нем идет речь, по своему духу сродни героическим делам защитников Брестской крепости. Я хочу познакомить читателей с этим человеческим документом исключительной силы.

Мне пишет женщина-азербайджанка из города Баку Асия Серажетдиновна Гусейн-заде, вдова бывшего офицера Советской Армии. Ее муж, гвардии майор Али Гейдар Ибрагимов, был командиром артиллерийского дивизиона. Три года он провел на фронте, сражался на Украине, в Белоруссии, на Кавказе, в Крыму, участвовал во взятии Одессы, был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Александра Невского, орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

Летом 1944 года его дивизион принимал участие в боях за освобождение Бреста, и там майор Ибрагимов был тяжело ранен.

Письмо Асии Гусейн-заде касается последующих событий, и я привожу его, немного сокращая, но ничего не меняя в тексте.

«3 сентября 1944 года, — пишет она, — мной была получена телеграмма из госпиталя города Пензы, в которой меня просили срочно приехать в Пензу ввиду того, что мой муж тяжело ранен.

Получив в срочном порядке отпуск на выезд в город Пензу к мужу, я выехала 7 сентября 1944 года. Мне пришлось испытать самые тяжелые условия передвижения — ехать на буфере, в тамбуре, сделать несколько пересадок, где станции были полностью разрушены, и только 17 сентября я добралась до города Пензы в два часа ночи. Просидев до утра в зале ожидания пассажиров, я пешком пошла в город разыскивать госпиталь, а расстояние между вокзалом и госпиталем было пять километров. Госпиталь находился в конце города, и только к девяти часам утра я добралась до госпиталя, где спросила гвардии капитана Ибрагимова.

Одна легкомысленная сестра тут же обратилась ко мне:

— А, это тот слепой на оба глаза, который больше никогда не будет видеть!

Я перенесла жутко тяжелый удар. Ведь мне никогда не приходило даже в голову, что мой муж может оказаться слепым. От горя и волнения я потеряла сознание и упала. Очнулась в кабинете начальника госпиталя, где мне оказывали медицинскую помощь. После этого меня повели на третий этаж, в палату, где лежал мой ослепший муж.

Оказалось, что когда мой муж узнал о том, что он безвозвратно потерял зрение (от той же медсестры), он объявил голодовку, требуя, чтобы вызвали меня. Поэтому мне дали срочную телеграмму о приезде.

В палате лежали восемнадцать человек офицеров. Были там слепые, безногие и с другими ранениями. Когда меня подвели к кровати моего мужа, я его не

узнала. Он был в ужасно изуродованном виде. Вместо глаз зияли красные гнойные ямы, одной ноздри не оказалось, вся челюсть была разбита и обтянута металлической шиной, сломана была лопатка и перерезаны пять пальцев на обеих руках. Всего у него было семнадцать ранений. Все лицо было забито осколками.

Я подошла к нему и спросила его по-азербайджански:

— Алиша, это ты?

Он ответил: «Да».

Я обняла его, прижала к своей наболевшей груди и почувствовала, что он плачет. Чтобы самой не разреветься, я прикусила настолько сильно губу, что и по сей день у меня остался рубец. Врачи начали меня торопить, чтобы я его покормила, ввиду того что он уже тринадцать суток не принимал пищи. Мне принесли стакан какао, и я его начала поить с ложечки. После этого он мне задал вопрос: приехала ли я за ним и не брошу ли я его, такого изуродованного?

Я ему ответила, что любила его раньше, а теперь люблю вдвое больше и очень его жалею. Сказала, что он пострадал за весь советский народ, за нашу дорогую Советскую Родину, а я патриотка своей Родины, и если бы даже он остался слепым и без рук и без ног, то и в таком случае я не оставила бы его. Я сказала ему, что он мне очень дорог. Он с радостью начал пить какао, и у него появилось желание поскорее поехать домой.

Через неделю я забрала его и еще одного двадцатилетнего бойца, колхозника-азербайджанца из города Геокчай, который остался без одной ноги, и мы приехали в Москву. Мы пробыли в Москве целую неделю. Я добилась, чтобы мужа посмотрел академик Тихомиров, который его утешил, сказав, что у него через 14 месяцев откроется зрение, а мне сказал он, что больше мой муж никогда видеть не будет и чтобы я его забрала домой подлечить раны.

Я привезла его в Баку, устроила в госпиталь, где он пролежал в течение целого года. Оттуда я его взя-

ла домой и повезла в город Одессу, чтобы показать профессору Филатову, хотя я очень хорошо знала, что он никогда больше белого света не увидит. Но, чтобы утешить его, я пошла на все жертвы, продав последние вещи из дома.

Когда мы приехали в Одессу, то оказалось, что профессора Филатова там не было, что он отдыхает на курорте в Гаграх в санатории «Украина», и мы взяли курс на Гагры, где, заручившись документами, я добилась приема у Филатова.

Когда профессор Филатов осмотрел глаза моего мужа, то он тут же откровенно сказал ему, что он никогда больше видеть не будет. Я сказала профессору Филатову, что я хочу пожертвовать одним глазом во имя спасения одного глаза моего мужа и мы будем оба видеть, имея по одному глазу.

Профессор мне ответил, положив мне и моему мужу на плечи руки:

— Если нужно будет, то я найду для него другой глаз.

А ему он сказал:

— Больной Ибрагимов, ваши глаза — это ваша жена. Живите друг для друга и берегите себя. Наука идет вперед, не теряйте надежды.

После этого мы ушли оттуда, и я с большим трудом уговорила его остаться в Гаграх хотя бы на один месяц. Так мы и сделали. Ежедневно я водила его к морю купаться. Он, как бывший спортсмен, любил плавать. Но слепому ему ориентироваться было очень трудно. Тогда я купила веревку, привязывала ему за талию и пускала его в море, держа веревку в руках. Если он уплывал далеко, то давала ему дерганьем веревки знать, чтобы он возвращался обратно, и таким образом мы практиковались три-четыре дня.

Мои переживания описать очень трудно. Муж плавал, а я сидела на берегу и плакала.

Однажды ко мне подошел один подполковник и сказал:

— Гражданка, я наблюдаю за вами уже несколько дней. Разрешите мне водить вашего мужа ежеднев-

но купаться в море и больше веревку с собой не приносите.

Я познакомилась с ним мужа, и они ежедневно ходили вдвоем купаться.

Мы пробыли целый месяц в Гаграх, после чего выехали в Баку, где муж мой начал приучаться жить жизнью слепых.

В течение девяти лет, которые он прожил слепым, он никак не мог примириться с жизнью слепого, очень нервничал и стал раздражительным. У него начались нервные припадки, и мне приходилось форменным образом быть артисткой, приноравливаясь к нему. Если он говорил, что это черное, хотя хорошо знал, что это белое, я должна была говорить, что это черное, только чтобы его успокоить. Физическим трудом заниматься он не мог. Мне приходилось выдумывать всякого рода спорт. Я набивала мешок песком килограммов на 16, который я ему клала на плечи, и водила его по комнате или вокруг стола. Или же он посадит нашу дочь себе на плечи и ходит по комнате. Опять-таки я его водила.

Я описала вам только часть наших обоюдных страданий. Он стал замкнутым, в театр и на концерты не ходил. Только однажды я повела его на концерт Рашида Бейбутова, и когда артист запел «Песенку слепого нищего», он во время пения разорвал на себе рубашку в отчаянии, что он не может видеть певца и публики.

Все это, конечно, отражалось на нем и на его сердце. Я старалась создать для него все возможные условия спокойной жизни. Но прожитые в таком состоянии девять лет отразились на нем очень тяжело, и 6 ноября 1953 года, под праздник, он за 25 минут скончался от паралича сердца, и не стало для меня самого дорогого человека на сорок восьмом году его жизни.

В конце письма Асия Гусейн-заде обращалась ко мне с просьбой похлопотать о том, чтобы на могиле ее мужа был поставлен памятник — его бюст.

Трудно без сжимающего горло волнения читать это письмо — трагическую и героическую повесть

о двух жизнях, так неразрывно скрепленных воедино большой человеческой дружбой, любовью, преданностью. И мне захотелось не только помочь Асии Гусейн-заде в исполнении ее скромной просьбы, но и рассказать ее волнующую историю как можно большому числу людей. И я решил включить ее письмо в одну из своих радиопередач о поисках героев Брестской крепости.

Выступая перед микрофоном в октябре 1956 года, я огласил это ее письмо и тут же обратился к ней самой с коротким словом. Я сказал ей:

«Дорогая и глубокоуважаемая Асия Серажетдиновна!

Я прочитал Ваше письмо по радио для того, чтобы товарищи из правительства Азербайджана услышали его и помогли Вам в сооружении памятника Вашему мужу. Но я прочитал его и с другой целью. Мне кажется, что Вы сами, Асия Серажетдиновна, заслуживаете памятника при жизни. То, что сделали Вы, — это истинный подвиг советской женщины, подвиг великой любви и дружбы, ничуть не меньший, чем любые подвиги героев Великой Отечественной войны. Для героя, для человека, совершившего подвиг, высшая награда заключается в том, что о нем знает и помнит народ. И мне хотелось, чтобы наш народ, наши советские женщины и девушки знали бы о Вашем замечательном подвиге, подвиге, достойном жены героя Великой Отечественной войны. Я уверен, Асия Серажетдиновна, что все, кто сидит сейчас у своих радиоприемников, слушали Ваше письмо затаив дыхание, со слезами на глазах. Я убежден, что многие из радиослушателей захотят написать Вам, обратиться к Вам со словами сочувствия, со словами дружбы и благодарности, и поэтому я сообщаю сейчас им Ваш адрес:

Баку, улица Бакиханова, дом 2, блок 5, квартира 36»*.

Эти предположения подтвердились. Буквально на

* Сейчас А. С. Гусейн-заде получила другую квартиру и живет по адресу: Баку, ул. Гуси Гаджиева, 33, блок 4, кв. 23.

другой день после передачи в квартиру на улице Бакиханова в Баку начали приходить письма, и с каждым днем их становилось все больше. Асии Гусейн-заде писали взрослые и дети, мужчины и женщины, люди самых разнообразных профессий со всех концов страны и даже из-за рубежа.

В азербайджанской печати появились статьи и очерки о герое войны Али Гейдаре Ибрагимове и о его преданной жене. Комсомольцы воинских частей Бакинского военного округа взяли шефство над могилой гвардии майора Ибрагимова.

Мне хочется здесь от души поблагодарить руководителей партии и правительства Азербайджанской республики, которые так быстро и чутко откликнулись на мой радиорассказ о герое освобождения Бреста и о его преданной жене. Спустя несколько дней после передачи Асию Гусейн-заде посетили ответственные работники Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана. А вскоре последовало постановление правительства республики. По ходатайству коллектива школы селения Бильгя, где родился и похоронен Али Гейдар Ибрагимов, ей присвоено имя героя. Его именем названа также одна из улиц.

12 февраля 1958 года в бакинских газетах был напечатан Указ Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. В нем говорилось:

«За самоотверженный поступок, чуткость и заботу о воине Советской Армии, инвалиде Великой Отечественной войны, участнике боев за освобождение Бреста гвардии майоре Ибрагимове Али Гейдаре, наградить тов. Гусейн-заде Асию Серажетдиновну грамотой Верховного Совета Азербайджанской ССР».

А еще через девять дней, 21 февраля, сотни трудящихся, родные и боевые друзья гвардии майора Ибрагимова, представители местных партийных и советских организаций собрались в селении Бильгя у могилы героя на торжественное открытие памятника. И когда отзвучали взволнованные речи и с памятника сползло покрывало, открылся красивый каменный обелиск с бронзовым горельефом война-ге-

роя. У постаumenta памятника на мраморной доске высечена надпись:

«Здесь похоронен доблестный сын азербайджанского народа, участник боев за Брестскую крепость гвардии майор Али Гейдар Али Кули оглы Ибрагимов. 1906—1953».

Таково окончание истории азербайджанской женщины Асии Гусейн-заде и ее покойного мужа — героя Великой Отечественной войны и одного из освободителей Бреста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В день празднования 39-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в одном из восстановленных помещений казарм Центрального острова был торжественно открыт Музей героической обороны Брестской крепости. Он разместился в том участке казарм, где в последние дни июня 1941 года сражались основные силы крепостного гарнизона под командованием полкового комиссара Фомина и капитана Зубачева.

В залах музея собраны сотни экспонатов — оружие и документы героев, найденные под развалинами крепости, многочисленные фотографии участников славной обороны, картины и скульптуры, посвященные этой героической эпопее, всевозможные печатные материалы. И на почетном месте, в центре одного из залов, под прозрачным футляром выставлено боевое знамя 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, с которым сражались защитники Восточного форта и которое пятнадцать лет спустя было извлечено из земли Родионом Семенюком.

Множество посетителей проходит ежедневно через залы музея, посещает памятные места крепостных развалин. Многочисленные экскурсии из Бреста и области, из других городов приезжают сюда.

Брест — ворота нашей великой Родины, ее парадная дверь, ведущая в Западную Европу. Много поездов ежедневно проходит здесь, направляясь за границу или привозя пассажиров из-за рубежа. Десятки иностранных делегаций проезжают через этот город.

И все, кто хоть ненадолго останавливается на Брестском вокзале, торопятся посетить прославленную крепость, поклониться ее руинам, побывать в залах музея. Всемирно известным стал сейчас замечательный подвиг героев обороны Брестской крепости, входящий по праву в века как один из величайших подвигов воинской доблести в истории человечества.

Этот подвиг получил высокую оценку советского народа и Советского правительства. В начале 1957 года Указом Президиума Верховного Совета СССР одному из главных руководителей обороны Брестской крепости Петру Михайловичу Гаврилову присвоено звание Героя Советского Союза. А в 1958 году П. М. Гаврилов был избран депутатом Верховного Совета СССР. Орденом Ленина посмертно награжден командир гарнизона Центральной крепости полковой комиссар Е. М. Фомин, орденами Отечественной Войны I степени — погибшие герои обороны — капитан И. Н. Зубачев, капитан В. В. Шабловский, старший политрук Н. В. Нестерчук, лейтенант А. Ф. Наганов. Орденами Красного Знамени отмечены доблесть и мужество славных защитников Брестской крепости С. М. Матевосяна, Р. И. Абакумовой, А. А. Виноградова, П. П. Кошкарова, Р. К. Семенюка и других. Значительная группа участников героической обороны награждена различными орденами и медалями Союза ССР.

Советская Родина никогда не забывает славных патриотических дел своих защитников. Об этом свидетельствует еще раз оценка народом замечательного подвига героев Брестской крепости, подробности которого в силу исторических обстоятельств стали известны нам лишь теперь, спустя пятнадцать лет после тех памятных событий. Народ воздаст ныне должное героям легендарной обороны, и советская молодежь учится на их примере беззаветному мужеству и железной стойкости в борьбе за дело коммунизма, беспредельной преданности Родине и партии, верности воинской присяге.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Брестская крепость

Война!	5
Старая крепость	11
Гарнизон принимает бой	22
На самом первом рубеже	37
Боевые дни и ночи	51
Будем драться до конца!	61
В огненном кольце	67
Так умирали герои	76
Последние защитники цитадели	90

Часть вторая

В поисках героев

Легенда становится былью	107
Начало поисков	112
Инженер Самвел Матевосян	116
История Александра Филя	125
Дочери капитана Шабловского	129
Петя Клыпа	135
Подвиг майора Гаврилова	144
Герои известные и неизвестные	152
Пограничники	170
«Женский батальон»	181
История Алика Бобкова	184
Под властью врага	187
Пятнадцать лет спустя	191
Поездка в Белоруссию	197
Семья майора Гаврилова	201
Свидетельства боевых товарищей	204
Фильм находит старых друзей	210
Новые имена, новые факты	213
Борцы вражеского тыла	219
Письмо азербайджанской женщины	226
Заключение	234

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Нам будет очень интересно узнать ваше мнение о содержании и оформлении этой книги. Письма направляйте по адресу: Москва, А-55, Суцеская ул., 21, массовый отдел.

Смирнов Сергей Сергеевич

ГЕРОИ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

Редактор *З. Яхонтова*

Худож. редактор *В. Плешко*

Оформление *Б. Стариса*

Техн редактор *Н Михайловская*

A01738 Подп к печ 27/1 1961 г

Бум. 84×108¹/₃₂. Печ. л. 7,5(12,3)

+10 вкл. Уч.-изд. л. 11,6.

Тираж 100 000 экз. Заказ 1677.

Цена 55 коп.

Типография «Красное знамя»

изд-ва «Молодая гвардия».

Москва, А-55, Сущевская, 21.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в 1961 году выпустит следующие книги, рассказы-вающие о героизме советской молодежи в годы Великой Отечественной войны:

В. Ампилов, В. Смирнов. Герои Лидского подполья.

Документальный очерк о борьбе против фашистско-немецких захватчиков подпольной комсомольской организации г. Лиды (Белоруссия).

Л. Новиков, А. Тараданкин. Сказание о «Сибирякове».

Документальная повесть о легендарном подвиге экипажа ледокольного парохода «Сибиряков», принявшего во льдах Арктики бой с гитлеровским линкором.

Сборник. Боевые подвиги девушек-летчиц.

Сборник воспоминаний, очерков, документов о девушках-летчицах, участвовавших в Великой Отечественной войне.

А. Мусатов. Клава Назарова. (Дополненное переиздание.) Документальная повесть о героине Отечественной войны пионервожатой Клавдии Назаровой.

*Холмские ворота
цитадели.*

Здание гарнизонного клуба (бывшая церковь).

1-МІ ДАЮ

НО НЕ

СДАЮСЬ!

20/11-41,

БІРЦА И

ОБДИНО

Надпись на стене казарм

Лейтенант Алексей Паганов (1941 г.)
и его комсомольский билет, найденный
под развалинами крепости.

Уплата членских взносов за 1939 г.

Месяц	Взносы за работу	Членские взносы	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Уплата членских взносов за 1939 г.

Организация: КОМСОМЛЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСКИ

№ 0957174

Фамилия: Паганов

Имя и отчество: Алексей Иванович

Год рождения: 1917

Место для фотографии

Подпись: Паганов

Дата: 1941

*Заместитель политрука
С. М. Матвоян
(1941 г.).*

*А. М. Филь
(1956 г.).*

А. И. Махнач с С. М. Матвояном в Бресте (1954 г.).

Капитан
В. В. Шабловский
(1941 г.).

Старшая дочь капитана
Шабловского Рая
(1949 г.).

Дочери капитана Шабловского. Слева направо.
Таня, Светлана, Наташа (1949 г.).

Петя Клыта (1941 г.).

П. С. Клыта (1956 г.).

*Валя Зенкина
(1941 г.).*

*В. И. Сачковская (Зенкина)
(1956 г.).*

Майор П. М. Гаврилов (1941 г.).

П. М. Гаврилов (1956 г.).

*Лейтенант Я. И. Коломиец
(1941 г.).*

*Рядовой А. П. Бессонов
(1941 г.).*

Капитан И. Н. Зубачев
(1941 г.).

Полковой комиссар Е. М. Фомин
(1941 г.).

«Приказ № 1».

*Лейтенант А. А. Виноградов
(1941 г.).*

*Старший лейтенант А. И. Семенов
(1941 г.).*

*Старший лейтенант В. И. Бытко
(1941 г.).*

*Старший политрук Н. В. Нестерчук
(1941 г.).*

*Военфельдшер
Р. И. Абакумова
(1941 г.).*

*Рядовой Н. Гайворонский
(1941 г.).*

*А. С. Ребзев
(1956 г.).*

*Лейтенант
А. М. Кижеватов
(1941 г.).*

С. Т. Бобренок (1956 г.).

Пограничники на Западном острове крепости (1941 г.).

*Старший лейтенант
Н. А. Егоров (1941 г.).*

*Капитан К. Ф. Касаткин
(1941 г.).*

*В Москве у гостиницы ЦДСА: П. П. Кошкарлов, Ю. Е. Фомин,
А. А. Виноградов, Н. Ф. Кюнг, А. И. Семененко (1956 г.).*

Пятнадцать лет спустя встретились в Москве боевые друзья. Слева направо: А. И. Семенов, Н. И. Зориков, П. М. Гаврилов.

В Краснознаменном зале ЦДСА. Слева направо: Н. И. Зориков, Н. Ф. Кюнг, Ф. Л. Забирко.

*После торжественного вечера
в ЦДСА. С. М. Матевосян,
Ф. Л. Забирко и Н. А. Егоров
беседуют с солдатами.*

*После торжественного вечера
в ЦДСА. Р. Н. Абакумова
беседует с женщинами.*

*В Минске. Участники обороны
Брестской крепости встретились
с пионерами.*

Герои обороны входят в Брестскую крепость.

*У этой крепостной стены был рас-
стрелян полковой комиссар Фомин.
Герои обороны возлагают цветы.*

На памятных развалинах.

*Памятник на братской могиле
героям обороны в Бресте.*

Р. К. Семенюк со спасенным им боевым знаменем 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона.

*Гвардии майор
Али Гейдар Ибрагимов (фото 1941 г.).
На нижнем
снимке — его же-
на Асия Гусейн-заде
и дочь Солмаз (фо-
то 1956 г.).*

55 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ